Раиса Иосифовна Розина –
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института
русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
профессор кафедры европейских языков
Института лингвистики РГГУ

Р.И. Розиной принадлежит около ста работ
по американскому и русскому сленгу
и семантике русского глагола

Данная книга посвящена
регулярным различиям между
образованием производных значений слов
в русском литературном языке
и в современном сленге

Р.И. Розина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА

Р. И. Розина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ

ЛОГОС

Издательский центр
«АЗБУКОВНИК»

Р. И. Розина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ

Глагол

Москва
2005

УДК 811.161.1'367.625'371"20"
ББК 81.2 Рус-2
Р-64

Художник Михаил Гуров
Фото на переплете – Р. Джонсон

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 04-04-16168д)

Розина Р.И.
Р-64 Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М., Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 302 с.

ISBN 5-98455-016-4

Между описаниями литературного языка и некодифицированных подсистем обычно существует разрыв, связанный с использованием разных принципов анализа и различных метаязыков. Книга отражает результаты исследования, в котором в отношении производных сленговых значений слов были впервые применены те же методы современной семантики, что и в отношении производных значений слов литературного языка. Это позволило показать, что модели деривации значений ряда литературных и сленговых глаголов русского языка могут быть описаны с помощью одного и того же набора преобразований, хотя роли каждого преобразования в литературном языке и в сленге различаются.

Книга адресована лингвистам, преподавателям русского языка и студентам.

ISBN 5-98455-016-4

© Розина Р.И., 2005
© Издательский центр «Азбуковник», 2005
© Худ. оформление Гуров М.К., 2005

Оглавление

Вместо предисловия 9

Введение 11

1. Постановка проблемы: сопоставление моделей семантической деривации в литературном языке и в сленге 11

2. Современный русский сленг 15

Определение сленга 15

Выражение оценки сленга говорящими 20

Пути пополнения сленга. Роль семантической деривации 26

Новые слова – старые модели (тенденции развития сленга в 2000–2003 гг.) 30

3. Основные принципы и метаязык исследования 34

4. Тематический класс глагола и его семантический потенциал 43
Тематический класс и семантическое поле 43
Тематический класс и регулярная многозначность. Концептуальные связи между ситуациями как основа развития значения слова 45
Принципы отнесения глагола к тематическому классу 47

Глава I
Семантические парадигмы глаголов движения 51

1. Глаголы прибытия: потенциальная семантическая структура 52

2. Глаголы движения вниз: движение – пребывание – функционирование – существование 60
Бытийное значение 61
Значение функционирования 64
Значение существования 69
Один из запретов на семантическую деривацию 73

3. Ментальные значения глаголов движения 74
Концептуальная основа деривации ментального значения 75
Языковые правила перехода от значения движения к ментальному значению 79
Изменение аспектуального поведения глагола 84

4. Глаголы остановки 87
Ограничения на деривацию значений с компонентом ‘начать’ 90
Регулярная многозначность глаголов остановки 94
5. Изменение тематического класса глаголов при деривации сленговых значений 100

Глава II
Категориальные сдвиги 115
1. Таксономическая категория и категориальная парадигма глагола (на примере глаголов полного охвата) 116

Семантические компоненты толкования глаголов полного охвата 116
Роль компонента в структуре категориальной парадигмы 123

2. Категориальный сдвиг в литературном языке: глаголы обладания 129
Семантика глаголов обладания 129
Свойства глаголов обладания с речевыми компонентами 132

3. Глаголы с встроенным компонентом движения 139

4. Деривационные отношения между действиями и происшествиями в литературном языке и в сленге 152
Таксономические категории действия и происшествия 152
Деривационные отношения между действиями и происшествиями в литературном языке 154
Деривация сленговых значений 160

Глава III
Семантическая деривация и изменение тематических классов участников ситуации 165

1. Связь между тематическим классом участника и тематическим классом глагола: на примере глагола *взять* 166
Тематические классы значений и словарная статья глагола *взять* 170
Мена тематического класса участника ситуации *взять* 176

2. Параметры значения глаголов полного охвата 184
Объект 185
Средство 194
Цель 196
Оценка 200

3. Мена тематического класса участника при образовании литературной и сленговой метафоры 202

3.1. Мена тематического класса Субъекта 204
Модели деривации сленговой метафоры 206
Модели деривации метафоры в литературном языке 210
Комментарии к отдельным моделям сдвига 212
Решение частных задач 214
Почему у глагола *согреть* нет сленгового значения? 214
От какого значения глагола *свалить* образовано сленговое 'уехать', 'эмигрировать'? 216
Заключительные замечания 219
3.2. Изменение тематического класса Объекта 221
3.2.1. Объект ЧЕЛОВЕК в литературном языке 222
Тематические классы глаголов с Объектом ЧЕЛОВЕК 222
Модели перехода Объекта ЧЕЛОВЕК в другой тематический класс 227
Модели деривации значений глаголов с Объектом ЧЕЛОВЕК 233
3.2.2. Мена тематического класса Объекта при деривации сленговых значений 236
Тематические классы Объекта мотивирующих глаголов 236
Модели деривации значений глаголов разделения 240
Заключение 256
Указатель лексем 259
Предметный указатель 273
Приложения 282
Тематические классы глаголов 282
Тематические классы участников ситуации 284
Таксономические категории глаголов 285
Семантические роли 286
Именной указатель 287
Список сокращений 289
Литература 290

Вместо предисловия

Эта книга – результат моей работы в двух проектах: в проекте «Толкового словаря современного русского общего жаргона» и в проекте семантического словаря русского глагола в форме базы данных «Лексикограф» под руководством Е.В. Падучевой. Я благодарна своим коллегам по обоим проектам – О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, Г.И. Кустовой и М.В. Филипенко, сотрудничество с которыми оказалось для меня чрезвычайно плодотворным. М.В. Филипенко я обязана также внимательным прочтением части этой книги.

Я благодарю своих коллег по Отделу современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Атмосфера доброжелательности, характерная для нашего

отдела, способствовала созданию этой книги, а мягкая настойчивость Е.И. Голановой, Е.А. Земской и Л.П. Крысина – ее завершению.

Я хочу поблагодарить Е.В. Урысон, с которой я много раз обсуждала отдельные идеи и части этой книги.

Я благодарю своего замечательного редактора И.В. Нечаеву, внимательно и терпеливо читавшую и правившую мой текст и тактично учившую меня сложным правилам русской пунктуации. Рука об руку с Ией Вениаминовной мы прошли тернистый путь от рукописи до готовой книги.

Я благодарна Андрею Санникову за его вдумчивый подход к составлению указателей к книге.

Я благодарю художника Михаила Гурова, долго бившегося над тем, чтобы графическими средствами передать ключевую идею этой книги – идею движения значения – и сделать книгу единым целым.

Моя особая благодарность Е.В. Падучевой. Встреча с Еленой Викторовной стала поворотным пунктом моей лингвистической судьбы. Благодаря Елене Викторовне я начала заниматься глаголом и пришла в «Лексикограф». Ей принадлежит идея объединения результатов моей деятельности в «Словаре общего жаргона» и в «Лексикографе». Она была первым и самым внимательным читателем и доброжелательным критиком моих текстов. В наших разговорах рождались и модифицировались идеи этой книги. Дружеской поддержке Елены Викторовны в самых разных – лингвистических и нелингвистических – ситуациях я обязана тем, что эта книга была доведена до конца.

Я благодарю фонд «Открытое общество», Российский гуманитарный научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований, поддерживавшие мою работу на разных этапах.

ВВЕДЕНИЕ

1.

Постановка проблемы: сопоставление моделей семантической деривации в литературном языке и в сленге

Эта книга посвящена исследованию моделей семантической деривации в глагольной лексике и сопоставлению русского литературного языка со сленгом последних десятилетий. Сама постановка этой задачи, не говоря уже о ее решении, стала возможной только благодаря достижениям отечественной лексической семантики.

Расцвет отечественной лексической семантики, которая на десятилетия опередила зарубежную лингвистику, начался в

60-е гг. 20-го века, когда возникла Московская семантическая школа, опирающаяся на богатые лексикографические традиции В.В. Виноградова, Д.Н. Ушакова и Л.В. Щербы. В работах представителей Московской семантической школы был разработан аппарат, который позволил по-новому подойти к описанию значения слова: возник метод толкований, понятие валентности, модели управления и много других, без которых немыслима современная семантика.

В работах Ю.Д. Апресяна уделялось большое внимание многозначности слова; было сформулировано понятие регулярной многозначности и выявлены десятки типов регулярной многозначности существительных, прилагательных и глаголов (Апресян 1995г: 175–215).

Семантическая деривация – это отношение между двумя значениями слова, одно из которых рассматривается как исходное (мотивирующее), а другое – как производное. Переход от исследования регулярной многозначности к иследованию семантической деривации связан с осознанием того, что отношения между двумя значениями многозначного слова обычно несимметричны: одно из них является мотивирующим, или производящим, а другое – мотивированным, или производным. По сравнению с исследованием регулярной многозначности, в исследовании отношений семантической деривации добавляется еще два шага – ставится вопрос о направлении отношения производности между значениями и о правилах перехода от производящих значений к производным. Семантическая деривация позволяет связать разные значения одного слова друг с другом и восстановить семантическое единство слова – представить слово как единое семантическое целое.

Сам термин «семантическая деривация» был введен в обиход отечественной лингвистики в 70-е гг. Д.Н. Шмелевым, который внес большой вклад в исследование метонимии как одного из важнейших механизмов семантической деривации. Исследованию семантической деривации в различных классах слов, как в синхронном, так и в диахроническом плане, посвящены работы Е.Э. Бабаевой, А.А. Зализняк, Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон.

Попытки преодоления атомарного подхода к описанию значений слова делаются в самых разных направлениях современной зарубежной лингвистики; в частности, можно назвать использование концептуальных схем в когнитивной лингвистике

(работы Бругман, Лакова, Талми, Янды), идеи абстрактного инварианта в французской школе формальной лингвистики (работы Д. Пайара, Кр. Бонно и др.), альтернации, т.е. своеобразный трансформационный анализ модели управления глагола при переходе от одного значения к другому – в работах С. Аткинс, Б. Левин и М. Раппапорт-Ховав (см., например, Atkins, Kegl, Levin 1988; Levin 1993; Levin, Rappaport Hovav 1991; Levin, Rappaport Hovav 1998), динамический словарь Дж. Пустейовского (Pustejovsky 1998).

В центре внимания в книге – русские глаголы движения и глаголы обладания. Выбор глаголов движения связан прежде всего с тем, что, как отмечали многие исследователи, для них характерна развитая многозначность. Среди их производных значений – значения расположения в пространстве (*Галерея шла вокруг дома*), изменения эмоционального состояния (*пришел в отчаяние*), ментальные значения (*пришел к заключению*) и др. Глаголы движения – очень большой класс, который делится на множество подклассов, для каждого из которых характерны свои модели семантической деривации. Исследование деривации различных значений глаголов движения позволит проверить, ограничен ли список преобразований, которым может подвергаться исходное значение – действительно ли, как это происходит в случае словообразования, с помощью ограниченного набора средств можно получать неограниченное число новых единиц.

Выбор второго класса глаголов, который исследуется в данной работе, – глаголов обладания – определяется тем, что в языке значения обладания и движения тесно связаны друг с другом (Jackendoff 1992: 62; Sanchez 1998: 71). Перемещая что-либо к себе или от себя, человек становится или прекращает быть обладателем этого объекта. Поэтому у глаголов движения (точнее, глаголов перемещения Объекта) могут быть производные значения обладания, например *взять сигарету из пачки – взять крепость,* а компонентом значения глаголов обладания может быть перемещение, например *конфисковать драгоценности* 'переместив от прежнего владельца, сделать собственностью государства'[1].

[1] Связь между движением и обладанием отражена не только в полисемии глагола, но и в полисемии приставок и предлогов – например, русская приставка *у-* и французский предлог *de* совмещают значения удаления и значения посессивности, ср. *улучить*, *урвать* и *partir de Paris* 'уехать из Парижа', *livre de Piere* 'книга Пьера' (Зализняк 2001).

Привлечение современного сленга в качестве сопоставительного материала вызвано несколькими причинами:

1. Большая часть сленговых лексем по своему происхождению – производные значения слов, ряд других значений которых принадлежит литературному языку (подробнее об этом см. ниже); иными словами, сленговые значения слов – такой же материал для изучения моделей семантической деривации, как и производные литературные значения.
2. В то же время можно предположить, что модели семантической деривации сленговых и литературных значений слова различаются; поэтому сленг может быть фоном, который позволит выявить особенности семантической деривации в рамках литературного языка.
3. С середины 80-х гг. русский язык переживает период взрывного формирования сленга. Носители современного русского языка – одновременно свидетели и активные участники этого процесса. Это делает интересным и важным описание деривации сленговых значений само по себе.
4. Традиционно исследователи сленга, как русского, так и американского, изучают самые разные его аспекты – способы образования новых единиц сленга, соотношение сленга с другими подсистемами языка, роль мифологических ассоциаций и языковой игры в создании сленга, социальный контекст употребления сленга и его образность; но к сленговым значениям слов никогда не применялись методы исследования современной семантики.

Сленговые значения по большей части метафоричны. Поэтому в рамках основной задачи исследования стало возможным поставить еще одну задачу: уточнить представление о том, как образуются метафорические значения слов, в частности метафорические значения глаголов. Нас интересует, существуют ли какие-либо закономерности их образования или же оно полностью произвольно. Несмотря на обилие работ, посвященных метафоре, конкретные преобразования значения слова, которые имеют место в каждом случае появления у слова метафорического значения, остаются неисследованными.

2.

Современный русский сленг

Определение сленга

Термин «сленг» употребляется в данной работе для обозначения той нестандартной подсистемы лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической ситуации – и в публичной речи). Существенно, что в числе прочих общим сленгом владеют (по крайней мере, пассивно), образованные носители русского литературного языка и что он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется (Земская, Розина 1994). Приведем недавно записанные примеры:

(1) Мы по таким призывам, как у ваших *отмороженных*[2] патриотов Державы, и сделали этот закон (И. Хакамада в ТВ-программе «Процесс» 22.12.2000).
(2) К Семенову приставили двух охранников, и они втроем *квасили*[3] (сын академика Андреева в ТВ-программе «Дачники» 28.09.2002).
(3) Как только она сказала, что пишет приказ, Ваша бухгалтерия мне с радостью *отслюнила* (женщина ок. 65 лет, образование высшее, телефонный разговор, сентябрь 2002).
(4) Попасть под *автоподставу* может каждый (ТВ-программа для автолюбителей 24.03.2003).
(5) Хочется взять книжечку и с ней забыться, как пьяница с бутылкой, как наркоман с каким-нибудь *ширевом* (Л. Улицкая. ТВ-программа «Линия жизни» 15.03.2003).
(6) Говоря сегодняшним языком, он [Хрущев], видимо, так *достал* своих преемников, что после его смерти

[2] *Отмороженный* (сленг) 'не ограничивающий себя никакими нормами, способный на все, в том числе на любую жестокость'.
[3] *Квасить* (сленг) 'пить спиртное в большом количестве, долго'.

дачу разрушили (Е. Киселев. Фильм «Черное и белое», март 2003).

(7) Если власть встречается с солидарным обществом, она не может так наглеть, так *отвязываться*, как у нас в России (С. Доренко. Радио «Эхо Москвы» 25.11.2004).

(8) Поэтому здесь обвинять, что общество все пушистое, а *менты* все черным, просто будет несправедливо по отношению к тем миллионам сотрудников милиции, которые честно выполняют свой долг (депутат МГД Е. Балашов. Радио «Эхо Москвы» 16.01.2005).

В число употребляющих сленг входят даже те, кто выступает с позиций борьбы за культуру русской речи, ср. следующий пример из речи известного журналиста А. Мамонтова (цит. по статье (Бельчиков 2005)):

(9) Даже употребление таких слов, как *ужасный*, *страшный*, *кровавый* недопустимо. Нужно делать все без накруток[4] и домыслов.

Традиционно в русистике для обозначения этой подсистемы используется терминологическое словосочетание «общий жаргон». Ряд соображений заставил нас отказаться от следования этой традиции в пользу термина «сленг».

1. Термин «жаргон» ассоциируется с речью закрытой социальной группы, обычно враждебной обществу, ср. *жаргон наркоманов*, *тюремно-лагерный жаргон* (название словаря Балдаев, Белко, Исупов 1992), поэтому в словосочетании «общий жаргон» есть внутреннее противоречие: жаргон по определению не может быть общим.

2. Из двух близких по значению терминов, «жаргон» и «сленг» (Беликов, Крысин 2001: 48–52), «сленг» – более нейтральный: в отличие от жаргона, он не имеет отрицательных коннотаций, так как не связывается в сознании носителей русского языка ни с какой криминальной группировкой.

3. Термин «сленг» ('slang') принят в англоязычной лексикологии и лексикографии для обозначения жаргонной по своему происхождению лексики, которая стала общим достоянием и используется в непринужденном общении носителей британского и американского вариантов английского языка, – ср. определение, данное в словаре Wentworth a. Flexner 1975: 'Slang is the

[4] Выделено мной. Р.Р.

popular expression of many subgroups' («Сленг – общеизвестная часть жаргонов многих подгрупп»), и следующее определение из словаря Collins 1987: 'Slang consists of words, expressions and meanings that are informal and are used by people who know each other very well or who have the same job and the same interests' («В состав сленга входят слова, выражения и значения, использующиеся в непринужденной обстановке людьми, которые либо очень хорошо знают друг друга, либо вместе работают и имеют общие интересы»).

4. В отечественной лексикографии помета «сленг» используется в новом издании Большого англо-русского словаря (НБАРС 1993) по отношению к сниженной лексике, близкой к разговорной, которая используется хорошо знакомыми людьми при общении друг с другом. Долгое время в отечественной англистике и лексикографии насильственно насаждалась точка зрения, согласно которой существование сленга как некоторой единой категории, осознаваемой носителями английского языка, отрицалось (Гальперин 1956). Вместо пометы «сленг» в предшествующих изданиях БАРС использовался ряд помет – «жарг.», «прост.», «спец.», «проф.» и др.[5] Ю.Д. Апресян восстановил помету «сленг» в правах, опираясь на практику английской и американской лексикографии по отношению к английским лексемам.

5. Ю.Д. Апресян отмечает, что такая категория, как сленг, появляется и развивается в тех языках, где ее раньше не было, в частности в русском. Примеры русского сленга – такие слова и выражения, как *засветиться*, *тусовка*, *подсуетиться*, *завязать* и др. (Апресян 1987: 11).

Сленг противопоставлен целому ряду подсистем, лежащих за пределами литературного языка: региональным диалектам в силу их привязанности к определенной территории; профессиональным жаргонам, воровскому арго, жаргонам различных замкнутых социальных групп в силу ограниченности круга их носителей; городскому просторечию, поскольку этой подсистемой пользуются необразованные и полуобразованные горожане, не владеющие литературной нормой (см. об этом, например, Русская разговорная речь 1973: 23–25; Беликов, Крысин 2001: 53). Ряд признаков отличает сленг от нецензурной (так называемой обсценной) лексики – непристойных слов и выражений, связанных с обозначениями органов и функций «материально-телесного

[5] См. об этом предисловие И.Р. Гальперина к изданиям Большого англо-русского словаря 1972, 1977 и 1979 гг.

низа» (Бахтин 1990) и традиционно служащих для выражения резко отрицательных эмоций в речи мужчин (в последнее время обсценная лексика все чаще встречается и в речи женщин):

1. Обсценная лексика – очень старый слой лексики русского языка; сленг – относительно новая лексическая подсистема (складывается с начала 20-го в.).
2. Состав обсценной лексики почти не меняется на протяжении всего ее существования – основная часть обсценной лексики – производные от трех известных матерных корней (Левин 1998); сленг постоянно обновляется.
3. Обсценная лексика служит главным образом для выражения резко отрицательных эмоций; сленг часто передает иронию, в нем силен игровой компонент.
4. Обсценная лексика не имеет образного характера; сленг, как впоследствии будет детально показано, в высокой степени метафоричен.
5. Употребляя обсценную лексику во всех ситуациях, кроме общения в закрытой мужской группе, говорящие знают, что они нарушают существующий в обществе запрет[6]. Напротив, сленг свободно употребляется в ситуациях непринужденного общения всеми, включая образованных носителей русского литературного языка. Некоторую неловкость вызывает лишь употребление сленга в публичной речи, что говорящие выражают с помощью различных способов, включая метаязыковые высказывания (подробно см. ниже).

Сленг бурно развивается в русском языке во второй половине 80-х – 90-е гг., т.е. в период общественных изменений, связанных с перестройкой, когда он проникает буквально во все сферы употребления языка, в частности в прежде запретные для него радио- и телепередачи и на страницы газет, имеющих самых разных адресатов, – молодежь, как «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда», и интеллигенцию, как «Сегодня», «Независимая газета», «Известия» и «Новые Известия». Чтобы проиллюстрировать, насколько широко употребляется сленг, приведем примеры употребления одной и той же сленговой лек-

[6] Ср. «Обсценность, вообще говоря, представляет собой стилистическую категорию, хотя и своеобразную, – поскольку она связана с нарушением табу» (Левин 1998).

семы самыми разными по своим социальным характеристикам носителями языка и в направленных на разную аудиторию средствах массовой информации:

(10) а. Недоброжелателям ничего не стоит вживить *жучок* в Ваш телефонный кабель (МК3.08.95);

б. ...Ключевым фактором успеха стало, как выяснилось, внедрение электронных «*жучков*» на территории резиденции. Эти «*жучки*» были вмонтированы в самые неожиданные предметы (Изв. 29.04.97).

(11) а. А спецслужбы, как рассказал Андрей Андреевич, «наводили» у него порядок во время визита Нэнси Рейган на дачу Пастернака. Причем и наши *гебешники*, и американские одновременно (МК 8.08.95).

б. Оказалось, что его остановила машина с *гэбэшниками*, когда он прогуливался в своих сапогах (ТВ 23.03.97. В.В. Иванов о Б. Пастернаке).

(12) а. Материал у потенциального исследователя московских рэкетиров объемен и неиссякаем: 10–20 человек в день обращаются в милицию за помощью – на них «*наезжают*» (Центр-Plus 1994, № 38);

б. ...та затребовала к себе наверх весь материал по «Вертексу», да еще и намекнула, что неплохо было бы дать ответ патриарху, почему на его груз «*наехали*» (Нов. Изв. 13.07.99);

в. Скуратов черт знает на чем попался, у Бородина там счета откопали, теперь на Лужковскую жену *наезжают* (звонок зрителя в программу В. Шендеровича «Итого» 17.07.97);

г. Я эти разговоры, честно говоря, переношу скверно. *Наехал* на тетушку по первое число (А. Черкизов на радио «Эхо Москвы»);

д. Вы не боитесь, что после того как по всем каналам ТВ показали репортажи о Вас, на Вас «*наедут*» рэкетиры и попросту отнимут весь выигрыш? (интернет-конференция в передаче ТВ «О, счастливчик!» 15.01.2001).

Современному периоду развития сленга предшествовали два других периода, также связанных с нестабильностью в обще-

стве: послереволюционный период (20-е гг.) и период хрущевской оттепели (вторая половина 50-х – начало 60-х гг.). В 20-е гг., в результате разрушения сословных барьеров, в сленг хлынули заимствования из воровского арго, солдатского сленга, из речи беспризорников[7]. В 50-е – 60-е гг. развитию сленга способствовало снятие завесы тайны с деятельности НКВД и существования системы лагерей, контакты с бывшими заключенными и общая обстановка раскрепощения. Результатом было проникновение в разговорную речь образованных носителей литературного языка (и, тем самым, пополнение сленга) тюремно-лагерного жаргона и жаргонов формировавшихся молодежных группировок, оппозиционных официальным нормам поведения, таких, например, как стиляги и музыканты (*лабухи*) и любители джаза.

Сленг развивался и в промежутках между этими периодами, но менее бурно. Среди причин, приводивших к появлению новых единиц сленга, были различные ситуации противостояния власти – например, преследование людей, подписавших письма против каких-либо действий официальных лиц в обстановке брежневского застоя, привело к появлению такого слова, как *подписант*, а отказ дать разрешение на эмиграцию – слова *отказник* и выражения *быть в отказе*.

Выражение оценки сленга говорящими

Как уже говорилось, в разговорной речи носители русского языка употребляют сленг в целом свободно; в то же время, употребляя сленг в публичной речи, на письме и в СМИ, говорящие часто одновременно оценивают его употребление как несколько неуместное. Это находит отражение в различных способах выделения единиц сленга в речи, наиболее распространенные из которых – кавычки и метаязыковые высказывания.

§ 1. Кавычки

Наиболее общая функция кавычек в тексте – выделение отрезков, принадлежащих чужой речи. При этом использование кавычек может быть обязательным и факультативным. Как известно, кавычками обязательно оформляется прямая и цитируемая речь. Факультативное употребление кавычек имеет оценоч-

[7] См. об этом (Селищев 1928).

но-стилистическую, модальную, оценочно-семантическую функцию; в этом случае кавычки выполняют роль оценочных помет слова в тексте (Шварцкопф 1984: 52; см. также Шварцкопф 1974 и Шварцкопф 1997). Именно в этой функции выступают кавычки, часто оформляющие сленг в письменном тексте.

В наших примерах кавычки встречаются в следующих случаях:

а. Сленговая лексема используется впервые (по крайней мере, так считает автор текста) или она малоизвестна[8]. Если слово продолжает употребляться, кавычки впоследствии исчезают. Это легко проиллюстрировать на примере слова *ужастик* 'страшный фильм'. В 1993–1994 гг. оно употребляется в кавычках, а иногда даже с указанием, что это неологизм, ср.:

(1) а. Режиссер Сэм Райми – мастер ужасов. Его самые зловещие *«ужастики»* – «Зловещие мертвецы», «Зловещие мертвецы-II», а фильм «Человек тьмы» был одним из самых кассовых в Америке два года назад (МК 27.07.93).

б. Есть ряд фильмов, которые по всем признакам, обусловливающим жанр, подпадают под категорию «фильмов ужасов». Но которые у меня язык почему-то не поворачивается назвать милым неологизмом *«ужастик»*. (МК 26.10.1994).

Впоследствии у слова *ужастик* появляется новое значение 'выдуманная страшная история', и оно начинает употребляться без кавычек, ср.:

(2) Слова, вынесенные в подзаголовок этой публикации – вовсе не показательная хлесткость для привлечения читательского внимания и не пропагандистский *ужастик* (Изв. 15.05.97).

Другой пример освобождения слова от кавычек по мере его освоения носителями языка – *фанера* в значении 'фонограмма': в 1991–1994 гг. это слово употребляется то в кавычках, то без, а затем начинает систематически употребляться без кавычек, ср.:.

[8] Об использовании кавычек при окказиональных словах см. (Фельдман 1957).

(3) а. Уж сколько вашего брата ругало ее в газетах за то, что Таня в «Мираже» раскрывала ротик под чужую фонограмму, а Таня нынче выступает сама, залы забивает. – Неужто опять под чужую *фанеру*? (МК 30.08.91).

б. ...вытягивали съемки «Парада парадов» в основном два человека: Дмитрий Маликов – новыми песнями и демонстрацией хороших манер и Владимир Пресняков... – очевидным и похвальным профессионализмом, насколько его можно было, конечно, продемонстрировать «пением» под «*фанеру*» (МК 30.10.93).

Связь использования кавычек в сознании пишущего с новизной слова или значения хорошо иллюстрирует вопрос, заданный сотрудникам портала «Русский язык»:

(4) «Как писать слово «*совок*» (в новом смысле) – с кавычками или уже без? Спасибо! Светлана».

б. Автор текста хочет выделить сленговую лексему как принадлежащую чужой речи. Чаще всего это происходит, если слова из жаргона какой-либо закрытой социальной группы, например из уголовного жаргона, лишь недавно были вовлечены в общий обиход. Так, хотя слово *прессовать* 'избивать', первый пример употребления которого в прессе по данным нашей картотеки относится к 1999 г., получило широкое распространение и даже дало производное значение 'оказывать моральное давление на кого-то', оно пока продолжает выделяться на письме кавычками, наряду со своими дериватами *пресс-хата* 'избиение подозреваемого другими заключенными, работающими на милицию' и *прессование* 'избиение', например:

(5) а. От спиртного у Ушакова «поехала крыша», и он стал «*прессовать*» своими стальными кулаками всех без разбора (Нов. Изв. 6.07.99).

б. Чтобы выбить признание или получить «нужные» показания, оперативники прибегают к услугам «своих», пользующихся особыми привилегиями подозреваемых в местах содержания под стражей в милиции, ИВС и СИЗО, которые избивают, насилуют или иным способом принуждают других подозрева-

емых или обвиняемых. Эта широко распространенная практика получила название «*пресс-хата*», потому что работающие на милицию «*прессуют*» задержанного непосредственно в камере предварительного заключения (Нов. Изв. 28.09.00).

в. ...именно в изоляторах временного содержания (ИВС) наиболее жестоко «*прессуют*» арестантов, выбивая из них признательные показания (Нов. Изв. 8.06.2002).

При этом некоторые слова (по данным нашей картотеки) никогда не употребляются в кавычках. Это, с одной стороны, относительно старые сленговые лексемы арготического происхождения, известные еще с конца 19-го в. или с 20-х годов, например *фраер*, *шмотки*, *шухер*, а с другой – слова, не ассоциирующиеся ни с какой закрытой социальной группой, такие как, например, *тусовка, халява, раскрутить* и т.п. Не последнюю роль играет частотность слова. Старое и хорошо известное слово *халява* 'что-то полученное даром' и выражение *на халяву* 'даром' всегда употребляются без кавычек, в то время как дериваты *халявы* — прилагательное *халявный* 'полученный даром или без труда'и наречие *халявно* — встречаются и в кавычках, и без, ср.:

(6) а. Одурманенные *халявными* деньгами, в какой-то момент похитители расслабились и потеряли бдительность (Нов. Изв. 8.08.2000).

б. Многочисленным госчиновникам скоро придется с тоской вспоминать блаженные времена «*халявных*» командировок (МК 7.07.93).

(7) а. Не верю, что вице-премьер правительства РФ, даже «*халявно*» отдыхая здесь, в элитном Суханово, мог поддаться на чьи-то уговоры (МК 6.09.94).

б. Члены Думы могут теперь *халявно* кататься на заказных лимузинах, яхтах и чартерных рейсах (МК 27.01.94).

У кавычек может быть еще одна функция – сигнала, что слово употреблено в сленговом, а не в литературном значении, в тех случаях, когда это неясно из контекста, как в следующем примере употребления слова *командировка* 'неделовая поездка':

(8) Но дожидаться Выборга студент не стал, сошел с поезда в Санкт-Петербурге и отправился по старым адресам. Еще в предыдущей «*командировке*» Павел познакомился со студентками из Индии (КП 14.01.2002).

Сомнение в том, что кавычки здесь служат для указания на сленговый характер значения слова, а не на его ироническое употребление, отметается следующим примером использования однокоренного глагола *командироваться (у кого-то)* в сленговом значении 'временно жить'. Так же, как и существительное *командировка*, он оформлен кавычками:

(9) Вызов устроила лучшая подруга героини, она же вторая содержанка финансиста (у которой он и «*командируется*»)... (Нов. Изв. 19.09.2002).

В тех случаях, когда необходимость указать, что имеется в виду сленговое, а не литературное значение слова, появляется в устной речи, используется эквивалент кавычек — выражение *брать в кавычки*, например:

(10) Слово *семья* я беру в кавычки и под семьей имею в виду некоторых чиновников (А. Венедиктов, радио «Эхо Москвы» 1.08.1999).

§ 2. Метаязыковые высказывания

Как в письменной, так и в устной речи употребление сленговых лексем часто сопровождается метаязыковыми высказываниями, имеющими различные функции.

а. Оправдание употребления сленга общепринятым узусом. Для комментария такого типа характерны выражения *что называется, как говорится, как говорят, как теперь говорят, что принято именовать*, например:

(11) Намерения губернаторов, однако, Котенкову, *что называется, по барабану* (Нов. Изв. 8.06.00).

(12) Вот и во время нашего знакомства он был, *что называется, «с бодуна»* – голова у нюхача раскалывалась от боли, а клея больше не было (Нов. Изв. 27.12.2001).

(13) Обманули, кинули и *напарили, как говорится* (К. Набутов в ТВ-передаче «За стеклом» 1.12.2001).

(14) До сих пор писательские братания, или, *как теперь говорят*, тусовочная *жизнь*, представляются мне чем-то нецеломудренным (Изв. 14.11.1997).

(15) Спектакль, построенный на том, *что принято именовать «чернухой»*, невозможно высветлить... (Нов. Изв. 21.07.99).

Ссылаясь на принятую речевую практику, говорящий, с одной стороны, указывает на то, что он осознает, что появление в его речи сленговой лексемы или словосочетания может вызывать возражения у слушателей, а с другой — приводит оправдание этому употреблению.

б. Отсылка к чужой речи. В некоторых случаях метаязыковое высказывание содержит отсылку к социальной группе, диалект которой включает данное выражение, ср.:

(16) Труженики стальных магистралей утешали себя тем, что в любой день и час могут получить деньги у «железного кассира». Но *«фиг на рыло», как говорят нынешние детсадовцы* (Нов. Изв. 30.07.99).

(17) Борис Васильевич, Вы меня, *как молодежь говорит*, подсадили на одну мелодию (звонок слушательницы, ок. 60 лет, на радио «Эхо Москвы» 27.08.2003).

в. Извинение. В устной публичной речи может встречаться прямое указание на то, что говорящий понимает, что, употребляя сленг, он нарушает некоторые нормы — различные формы извинения, ср.:

(18) а. Нас решили, *извините за выражение, мочить* (Г. Зюганов, ТВ, март 2001).

б. *Извините, пожалуйста, за несколько неэфирное слово «бодяга»* (радио «Эхо Москвы» 5.09.2002).

г. Пояснение. Функция такого метаязыкового высказывания – не только объяснить значение слова, но и выразить опасения, что адресату речи оно может быть неизвестно, ср.:

(19) ...Потом тот, у кого срок не окончен, а досрочного освобождения не заслужил, отправляется *«на взросляк», то есть во взрослую колонию* (Нов. Изв. 2.03.2001).

Такой комментарий может предшествовать употреблению слова, поясняя его перед вводом в речь, например:

(20) Мошенник подсунул вместо денег нарезанные листы бумаги. То есть *«куклу»* (Нов. Изв. 22.06.2000).

д. Указание на происхождение слова — время его появления или источник:

(21) Правда, все чаще *«неформалы»* (*это понятие вошло в обиход гораздо позже, в конце 80-х годов*) объединялись и давали тем, кого они именовали *«гопниками»* (*по всей видимости, это слово происходит от сленгового «гоп-стоп», обозначающего уличное ограбление), серьезный отпор* (Нов. Изв. 25.09.1991).

(22) Презрительное *жаргонное [уголовное] имя «мент»* узаконилось в печати (А. Минкин. Нынешнее поколение будет жить при коммунизме. МК 14.05.1994).

(23) Возникает жанр письменных протестов, направленных властям, их авторов называют *подписантами* (Л. Парфенов в ТВ-передаче «Намедни» (3.07.1994).

(24) Раньше «челноки» назывались мешочниками, но те больше с голоду действовали (МК 14.05.94).

(25) Эта широко распространенная практика [избиения, изнасилования, принуждения заключенных другими заключенными, находящимися в сговоре с милицией] получила название «пресс-хата», потому что работающие на милицию «прессуют» задержанного непосредственно в камере предварительного заключения (Нов. Изв. 28.09.2000).

Пути пополнения сленга[9]. Роль семантической деривации

Основные пути пополнения сленга – это заимствование из других языков и из других жаргонов, образование новых слов

[9] Все наблюдения, сделанные в работе, основаны на материале словаря [Ермакова, Земская, Розина 1999] и на данных составленной мной картотеки примеров. Источниками примеров употребления сленга была пресса и радио- и телепередачи, ориентированные на широкую аудиторию, а также речь образованных людей, хорошо владеющих литературным языком.

от основ слов литературного языка с помощью словообразовательных моделей, различные формальные преобразования слов литературного языка не по словообразовательным моделям и семантическая деривация.

Главный источник иноязычных заимствований в современный сленг – английский язык США (часто его подсистема – американский сленг). Примеров множество: *грины* 'доллары' от *green* (амер. сленг) 'деньги, бумажные купюры', *баксы* 'доллары' от *buck* (амер. сленг) 'доллар', *мэн* 'мужчина', *фэн* 'поклонник, болельщик'. Среди заимствований из английского языка встречаются кальки, например *крутой*, прилагательное, выражающее высокую оценку, – калька с *cool* (амер. сленг); *зелень* – калька с *green* (амер. сленг 'деньги', букв. 'зеленые'); *ночные бабочки* 'проститутки' (ср. night flies амер. сленг 'проститутки', букв. 'ночные бабочки'), травка 'марихуана' (ср. grass амер. сленг 'марихуана', букв. 'трава)'. Заимствования из других языков единичны. В их числе *фазенда* 'дачный участок' – слово, заимствованное из испанского языка благодаря латиноамериканским сериалам, которые демонстрировались на отечественном телевидении, и *путана* 'валютная проститутка' из итальянского *puttana*.

Многочисленные случаи заимствования из различных жаргонов в современный русский сленг можно проиллюстрировать такими примерами, как *беспредел* 'грубое нарушение норм' и *разборка* 'вооруженное столкновение' из уголовного жаргона; *прикол* 'шутка', *прикид* 'одежда', *прикинутый* 'хорошо одетый' и *прикалываться* 'шутить' из молодежного жаргона; *кайф* 'состояние наркотического опьянения' и 'приятное состояние', *колеса* 'таблетки', *глюки* 'галлюцинации', *ширяться* 'колоть наркотики' и *ширево* 'наркотики', *машина*, *машинка* 'шприц', *подсесть на иглу* 'стать наркоманом' из жаргона наркоманов, *грузить (кого-то)* 'читать нотации', возможно, из жаргона программистов.

Во многих случаях сочетаются оба источника – слово заимствуется из какого-либо языка в жаргон замкнутой социальной группы, а затем попадает в сленг. Многие английские заимствования попадают в сленг через молодежный жаргон, как, например, *креза* 'сумасшествие' (от англ. *crazy* 'сумасшедший'), *попса* (от англ. pop art 'popular art', букв. 'доступное искусство' – направление искусства, возникшее в 60-е гг., черпающее свои сюжеты, объекты изображения и краски из повседневной жизни.

На предыдущих ступенях развития сленга в русском языке английский язык не играл такой важной роли. Основным поставщиком заимствований был идиш. Благодаря говорившим на нем еврейским контрабандистам, переправлявшим в конце 19-го – начале 20-го века товары из Польши в Одессу, слова польского или ивритского происхождения попадали в жаргоны криминальных групп, а из них – в сленг. Иллюстрацией может быть сложный путь слова *ксива* 'документ'. Его источник – ивритское слово *ktiva* 'письмо', которое вначале через идиш попало в уголовный жаргон, а лишь затем из уголовного жаргона в сленг. Другой пример сложной цепочки – история слова *шмотки* 'одежда', заимствованного в уголовный жаргон из идиша (ср. идиш *schmate* 'тряпье'), в свою очередь заимствовавшего это слово из польского (ср. польск. *szmata* 'тряпка'). Добавим к этому, что на своем пути (скорее всего, при заимствовании в идиш) оба слова изменили свое значение по сравнению с исходным в языке-источнике.

Модели сленгового словообразования ограничены суффиксацией[10]. В число различий между литературным и сленговым словообразованием входит использование в сленге формантов, вообще отсутствующих в литературном языке, – например, суффикса *-он*, ср. *выпивон, закусон, закидон*. Суффикс *-он* заимствован в общий сленг из сленга семинаристов. По своему происхождению это – неотделимый компонент греческих слов, ср. *асиндетон, синедрион, флогистон*, который использовался в жаргоне семинаристов для образования шуточных псевдогреческих слов.

Другое различие может быть связано с нарушением правил сочетаемости форманта и основы – например, суффикс *-ух(а)* сочетается в русском литературном языке с основами прилагательных (*толстая – толстуха*) и глаголов (*стряпать – стряпуха*), а в общем сленге может сочетаться с редуцированными основами существительных (*презентация – презентуха, порнография – порнуха*) и быть средством универбации словосочетаний (*мокрое дело* 'убийство' – *мокруха*) (Земская 1999: XIX).

Наконец, различаться может результат сочетания форманта и основы. В частности, суффикс *-ак (-як)* в сочетании с основами прилагательных и глаголов в сленге дает неодушевленные существительные, обозначающие что-либо по его признаку (*проходняк* 'произведение, которое проходит', т.е. может быть опуб-

[10] Детально сленговое словообразование рассмотрено в (Земская 1999: XVIII–XXIV). В данной работе мы останавливаемся только на некоторых, существенных для дальнейшего изложения, моментах.

ликовано, поставлено в театре и т.п., и 'проходной балл'; *висяк* 'уголовное дело, которое «висит»', т.е. дело, которое невозможно довести до конца, поскольку не удается найти виновных) или оценочные наречные предикативы (*верняк, мертвяк* 'наверняка') (Земская 1999: XX). Между тем в русском литературном языке в сочетании с основами прилагательных он порождает (с интерфиксом *-ч-)* обозначения людей, обладающих соответствующими качествами (*веселый – весельчак, смелый – смельчак* и т.п.).

Новые слова могут образовываться в сленге и не по моделям, с помощью усечений (иногда в сочетании с суффиксацией), например *мерс* от *мерседес, видик, видак, видяшник, видюшник* 'видеомагнитофон', и аббревиации, например эвфемизмы *ж* и *жэ,* ср.:

(1) Знаю, старики, что вы все тут собрались такие левые ребята, сказал он [Борис Полевой] авторам и редакции при вступлении на трон, но все-таки давайте попробуем, может вам и удастся отсидеться за моей широкой *жэ* (Аксенов).

Особенность использования аббревиации в современном сленге – активное образование каламбурных аббревиатур от имен собственных, омонимичных эвфемизмам или вызывающих ассоциации с нецензурными словами, – *Х* от *Хасбулатов, Ж* от *Жириновский, ЕБН – Ельцин Борис Николаевич,* например:

(2) Осененные постами и приближенные к власти плебеи сгрудились в кучу и двинулись с вилами на ослабевшего *ЕБН* (Нов. Изв. 29.10.98).

В некоторых случаях сочетание звуков, возникшее в результате аббревиации, просто кажется смешным (никакими другими причинами нельзя объяснить популярность аббревиатуры *ЧВС – Черномырдин Виктор Степанович)* или вызывает какие-то неясные ассоциации, как аббревиатура имени действующего президента *ВВП.*

Примерно половина лексем сленга возникает в результате семантической деривации: по своему происхождению они – производные значения слов, в своих основных значениях входящих в литературный язык. Приведем лишь несколько примеров:

чайник 'непрофессионал': В результате получается, что «*чайник*» за рулем опаснее любого самого жесткого защитника на футбольном поле (КП 30.06.93);

крыша 1. ‘рассудок’: Дальше шли еще более немыслимые комплименты. Понятно, у меня *крыша поехала* от счастья (А. Вознесенский. Сюр. Изв. 04.08.94);

крыша 2. ‘прикрытие или покровитель’. Обычно *крыша* бывает у тех, кто нарушает закон: Ополченцы в свободное от шествий и митингов время выполняют функции *«крыши»* для некоторых коммерческих организаций, расположенных на Петроградской стороне (Изв. 25.05.96); Когда вы видите проституток на вокзале или лохотронщиков у метро – будьте уверены, что у них есть *«крыша»* (Знамя 2000, № 8, с. 177);

наварить ‘получить прибыль’: Как мне сказал Миша К., который был одно время связан с этим бизнесом, *«наваривать»* на икре можно прилично (НГ 22.06.93).

Новые слова – старые модели (тенденции развития сленга в 2000–2003 гг.)

Получивший бурный толчок к развитию и употреблению с началом перестройки сленг продолжает использоваться и пополняться и в последние несколько лет. Возникает вопрос, изменилось ли что-нибудь в тенденциях развития сленга: какова роль каждого из названных источников пополнения словарного состава сленга в течение последних трех лет.

Заимствования из других языков потеряли ту важную роль, которую играли в начале перестройки – в примерах, собранных за последние три года, не встречается ни одного нового заимствования или кальки.

Продолжается активное заимствование сленга из жаргонов, однако роли различных жаргонов, поставлявших сленг, изменились. Жаргон наркоманов, по нашим данным, прекратил пополнять сленг. В то же время мощным источником пополнения сленга продолжает оставаться воровское и тюремное арго. В прессе последних трех лет встретились такие слова, как *взросляк* ‘тюрьма для взрослых’; *малолетка* ‘колония для несовершеннолетних’; *дурка* ‘психиатрическая больница’; *забить стрелку* ‘устроить драку; *закрыть (на тюрьму)* ’посадить в тюрьму’; *крот* ‘вор, работающий в метро’; *маза* ‘выгода’; *махла, махач* ‘драка’. Факт единичного употребления в прессе ничего не говорит о том, станут ли они употребляться впоследствии людьми, не принадлежащими к тем

закрытым социальным группам, в которых эти слова возникли, т.е. пополнят ли эти слова состав сленга, но *забить стрелку* и *махач* уже вошли в общее употребление, например:

(1) Все чаще современные «*махачи*» назначаются с применением мобильной связи. Причем по сотовым телефонам не только договариваются о встрече в определенном месте с врагом, но и обзванивают товарищей по оружию, чтобы сообщить им место сбора (Нов. Изв. 25.04.2001).

По-прежнему активным источником пополнения состава сленга является словообразование, но и здесь «расстановка сил» изменилась.

Как и в предыдущий период, появляются новые сленговые производные слова[11], образованные от основ литературного языка по различным словообразовательным моделям: *крупняк* – следователь по важным делам (по аналогии с существовавшим ранее *важняк*, заимствованным из уголовного жаргона); *журналер* 'журналист' (вместо ранее образованного *журналюга*), *мобила* 'мобильник', *чрезвычайка* 'чрезвычайное происшествие', *невезуха* 'невезение' с популярным суффиксом *-ух(а), эпохалка* ср. *нетленка – от нетленный.*

Однако гораздо более важную роль, чем раньше, в последние три года играет образование сленга от сленговых же единиц. Возникают производные слова, образованные от сленговых основ – например, прилагательные *кинутый* (от *кинуть*); *улетный* (высокая оценка, ср. *убойный* и *забойный*); абстрактные существительные, обозначающие результат действия, которое описывает глагол: *отрыв* от *оторваться* 'получить удовольствие', *оттяг* от *оттянуться* с тем же значением; *развод* от *развести кого-то на что-то* 'вынудить сделать что-либо'.

Нужно отметить активизацию разработки отдельных словообразовательных гнезд. В частности, это ряд производных от глагола *мочить* 'убивать' – *мочиловка*, *мочилово* и *мочильщик*; ряд производных от *крыша* 'защита, покровительство' – *крышевать*, *крышевание*, *крышующий*; производные от *прессовать* 'оказывать давление' – *прессование*, *пресс-хата*; от *лох* – *ло-*

[11] Доказательством новизны слова или значения считалось его отсутствие в нашей картотеке примеров за 1985–1999 г. и в словарях (Елистратов 1994) и (Скляревская 1998).

хотрон, *лохотронщик*; *бомбила* ‘шофер такси’ от *бомбить* ‘зарабатывать деньги’.

Активизируются отдельные модели словообразования – образование названий лиц от сленговых основ с суффиксом *-щик*: *беспредельщик*, *понтярщик;* образование существительных среднего рода со значением деятельности от глаголов НСВ с помощью суффикса *-ов(о)*: *кидалово* ‘обман’, *косилово* ‘уклонение от чего-либо, в частности от армии, под предлогом несуществующей болезни’; *махалово* ‘драка’, *стебалово* ‘разговоры ради самих разговоров’. Этот суффикс заменил активный в предыдущие периоды развития сленга суффикс *-овк(а)*, ср. *махаловка* ‘драка’, *обдираловка*, *тошниловка, рыгаловка* ‘столовая’.

Другой способ, который активизируется, – бессуффиксальное образование существительных, оформленных по женскому роду, от основ как литературных, так и сленговых глаголов: *подстава* ‘подвох’, *заява* ‘заявление’, *предъява* – действие по глаголу *предъявить*.

По-прежнему очень важную роль играет семантическая деривация. С одной стороны, продолжают появляться новые сленговые значения слов литературного языка, например *подвинуть* ‘переместить на менее значимую должность или позицию’; *командировка* ‘поездка без определенной цели’, *командироваться* ‘временно жить’, *слить* (информацию) ‘поместить куда-то с целью сделать известной’, например:

(2) Он взял и, как теперь говорится, *слил* информацию о готовящейся реформе в статью в газету (женщина-лингвист в программе радио «Свобода» 11.12.2000).

(3) Вызов устроила лучшая подруга героини, она же вторая содержанка финансиста, у которой он и «*командируется*» <...> (Нов. Изв. 19.09.2002).

С другой стороны, в рамках семантической деривации наметилась новая тенденция: уже существующие сленговые значения слов мотивируют новые сленговые значения, например *мочить* ‘уничтожать’ от *мочить* ‘убивать’; *отмывание* (машин) – представление чего-либо как полученного законным путем от *отмывать деньги*; *засвечивать*, *светить* ‘проявлять, демонстрировать что-то’, от *светить* ‘обнаруживать кого-то’[12], *отслюнить* ‘взять деньги с кого-то’, от *отслюнить* ‘дать (деньги)’, ср.:

[12] Ср. полисемию глагола *обнаружить* в литературном языке: ‘найти что-то’ (В Сибири *обнаружили* залежи нефти) – ‘проявить какое-то свойство’ (Новый ученик *обнаружил* недюжинные способности).

(4) Везешь деньги – не *свети* их. Бумажник держи ближе к сердцу – щипач лицом к лицу редко работает (Округа 11.05.2002).

(5) За кусок ламинированного картона с них *отслюнили* по 60 тогдашних тысяч рублей (Нов. Изв. 30.07.99).

Характерная особенность рассматриваемого периода – появление синонимов уже существующих единиц сленга, например *братан* в том же значении 'бандит', что и *браток*; *вести* – то же, что *пасти* 'неустанно следовать за кем-то'; *делаться под кого-то* 'подражать кому-то' – синоним выражения *косить под кого-то*; *накатить* – синоним *наехать* 'высказать угрозы'; в свою очередь, *накат* – синоним слова *наезд*; кроме того, возникает слово *откат* 'отступное, которое платят, чтобы избежать *наезда* или *наката*'; *пачковаться* 'собираться группами' – синоним *кучковаться; подслушка* 'подслушивающее устройство' – синоним *прослушки*, *конкретный* – синоним слова *четкий* 'обладающий ярко выраженными качествами'; *база* – квартира, по аналогии с уже существующим словом *хаза; втирать* 'внушать какую-то идею', близкое к значению слова *впаривать* 'вынуждать купить что-либо'; *улетный* – синоним уже существующих в сленге прилагательных *забойный* и *убойный*.

В первые годы перестройки сленг вел себя очень агрессивно: он вторгался во все новые области жизни, черпая единицы для их обслуживания из самых разных источников. Яркость и новизна сленга делали его привлекательным для всех носителей русского языка, стремившихся сделать свою речь более экспрессивной или противопоставить себя кому-то.

За последние три года области жизни, которые охватывает сленг, не изменились, но стали более детально разрабатываться: появляются синонимы, антонимы уже существующих слов, производные с абстрактным значением. Круг источников сленга сузился. Новые слова возникают во многих случаях на основе уже существующих – иначе говоря, происходит разработка уже имеющегося словарного запаса. Наступает, по-видимому, период стабилизации сленга. В то же время, хотя в рамках каждого из путей пополнения сленга произошли определенные изменения, основные пути пополнения сленга остались теми же – это заимствование, словообразование, различные формальные преобразования слов и семантическая деривация.

Во всех случаях, кроме семантической деривации, способность носителей русского языка идентифицировать новые едини-

цы как сленг можно объяснить формальными отличиями этих единиц от единиц литературного языка. Что касается производных значений слов, то все образованные носители русского языка умеют определять, какие из них являются сленговыми, даже если сталкиваются с ними в первый раз. Это происходит не потому, что у сленговых значений какие-то особые денотаты – по большей части они совпадают с денотатами литературных значений[13], например *железо* 'компьютер', *въехать*, *врубиться* 'понять', *вмазать*, *врезать* 'ударить', *засветить*, *накрыть* 'обнаружить', *ящик* 'телевизор' и т.д. Безусловно, существуют исключения – например, у слова *откат* есть сленговое значение 'взятка, которая дается чиновнику за заключение выгодного договора, часто в ущерб интересам государства', не имеющее выражения в литературном языке, но и в этом случае вряд ли стоит связывать восприятие его как сленгового только с характером его денотата. Иначе чем объяснить, что никто не считает сленговым новое значение слова *оборотень* 'милиционер – член преступной группировки', хотя его денотат вполне мог бы иметь сленговое выражение?

Можно предположить, что в основе интуиции говорящих лежат не сами значения, а различия моделей образования производных литературных и сленговых значений слов (моделей семантической деривации) и что эти различия имеют регулярный характер. Иными словами, модели семантической деривации при определении того, какие лексемы являются сленговыми, играют такую же роль, как модели словообразования. Именно поэтому новые, но образованные по известной модели значения распознаются как сленговые. Задача выявить различия между моделями семантической деривации в литературном языке и в сленге – центральная задача данного исследования.

3.

Основные принципы и метаязык исследования

Данное исследование опирается на ряд идей и принципов современной лингвистики.

[13] Ср., например: «Сленг обычно предоставляет альтернативный словарь для денотатов, уже имеющих обозначение в литературном языке» (Eble 1996:49), перевод мой. Р.Р.

1. Идея единства слова. Отказ от проведения четких границ между отдельными значениями слова и их так называемого «списочного» представления в пользу идеи о том, что различные значения слова представляют собой модификации некоторого исходного значения, получил различное преломление в ряде направлений современной лингвистики.

В рамках когнитивной лингвистики исходной считается некоторая концептуализация реальной ситуации – образная, или концептуальная, схема, от которой осуществляется переход к другим концептуальным схемам, образующим, вместе с исходной, семантические цепочки. Яркий пример – работа Brugmann, Lakoff 1988, в которой значения предлога *over* были представлены в виде семантической сети (см. об этом Филипенко 2000), повлекшая за собой целый ряд исследований семантики предлогов и приставок.

Другое решение предлагается представителями школы А. Кюльоли, в частности Д. Пайаром, который исходит из идеи абстрактного инварианта, получающего конкретные преломления в контексте.

В отечественной лингвистике идея единства слова связана с работами Д.Н. Шмелева, считавшего, что полисемия – не что иное, как цепочка модификаций основного значения слова и что единство слова обеспечивается определенными отношениями между его значениями, в частности метафорическими и метонимическими (Шмелев 1973: 71). Идеи Д.Н. Шмелева получили развитие в ряде работ Е.В. Падучевой, посвященных семантической деривации (см. список литературы).

2. Идея системности. Представление о том, что не только кодифицированная сфера существования языка (литературный язык), но и некодифицированная (разговорная речь) представляют собой системные образования, восходит, прежде всего, к идеям М.В. Панова. В 70-е – 80-е гг. лингвистами школы М.В. Панова – Е.А. Земской, М.Я. Гловинской, Н.Н. Розановой, М.В. Китайгородской, Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильниковой – было убедительно показано, что русская разговорная речь представляет собой не свалку ошибок и отклонений от нормы, но является системой, отличной от русского литературного языка (Русская разговорная речь 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981). В данном исследовании представление о системности разговорной речи распространено на другую некодифицированную область существования русского языка – русский сленг.

В монографии 1981 г. отмечалось, что жаргоны и просторечие не представляют собой самостоятельных систем, но встречаются в виде отдельных вкраплений в разговорной речи (Русская разговорная речь 1981: 20). Действительно, у жаргонов нет собственных морфологии и синтаксиса. В то же время, нет сомнений в том, что различные жаргоны и сленг представляют собой отдельные лексические системы – в частности, что сленг по-своему концептуализует тот реальный мир, который описывает[14].

3. Представление о многомерности языкового значения. Современная семантика рассматривает значение слова как многомерную структуру, в которой выделяются различные слои смысла – пресуппозиции, ассерции, модальная рамка, рамка наблюдения (Апресян 1999: 47). В данном исследовании эта идея получает воплощение в разметке толкований глаголов[15]. Толкования, которые используются в данной работе, по своему синтаксису ближе всего к тем, которыми пользуется А. Вежбицка (Wierzbicka 1988): они не имеют сентенциальной формы, но состоят из отдельных семантически независимых компонентов с указанием их коммуникативного статуса. В частности, используются такие коммуникативные пометы, как презумпция, фон, ассерция и следствие (примерно равнозначное импликации по Karttunen 1971). В соответствии с существующей традицией, ассерция понимается как компонент смысла, попадающий под воздействие отрицания, а пресуппозиция – как компонент, не попадающий под него. Понятие фона используется по отношению к таким компонентам смысла, которые не входят в ассерцию, но и не являются пресуппозицией, так как отрицание воздействует на них. В предложении *Щенок отнял тряпку у котенка* (*X отнял Y у Z-а*) пресуппозиция глагола *отнять* 'у X-а не было Y-а', ассерция 'X переместил Y от Z-а к себе', а фоновый компонент, без которого толкование было бы неполным, – 'Z не хотел, чтобы Y был у X-а'.

Важно отметить, что в данном исследовании толкование включает только те компоненты значения данного глагола, кото-

[14] О проявлении системности в лексике и о системности описания лексических фактов см. (Апресян 1999: 42–44).

[15] В исследовании используются принципы описания значений глагола, разработанные для семантического словаря в виде базы данных «Русский глагол» в рамках системы «Лексикограф». Система «Лексикограф» создается с 1990 г. под руководством Е.В. Падучевой коллективом, в который входит и автор данной работы, см. об этом (Кустова, Падучева 1994б).

рые относят его к достаточно крупным семантическим классам, так что толкования, например, у *наполнить* и *заполнить* тождественны, хотя эти слова, конечно, не тождественны по смыслу. Строго говоря, это не толкование, а семантическое представление глагола (semantic explication). Каждый компонент семантического представления – это семантический признак глагола.

Каждое значение глагола характеризуется по четырем параметрам: участники, диатеза, тематический класс и таксономическая категория.

Термин «участник» используется в смысле, предложенном в работах (Падучева 1997б) и (Падучева 1998а). Участник – категория семантического уровня. Глагол концептуализует некоторую ситуацию, имеющую место в реальном мире, выделяя в ней определенных участников и приписывая им определенные семантические роли, – например, глагол *приехать* выделяет в ситуации перемещения таких участников, как того, кто перемещается (Агенс), то, куда перемещаются (Конечная точка), и то, на чем перемещаются (Инструмент-Место), в то время, как глагол *прибыть* выделяет только двух участников – Агенс и Конечную точку, ср.:

(1) Сердито нахмурив лоб, Кубик вышел на улицу и встретился с Клепкой, который только что *приехал* на своем прыгающем автомобиле (Носов).
(2) Местное татарское правительство смели новенькие советы, из Севастополя *прибыли* опытные пулеметчики и палачи (Набоков).

Различаются такие роли, как Агенс, Пациенс, Инструмент, Средство, Место и под. Набор семантических ролей участников примерно соответствует списку глубинных падежей по Филлмору (Филлмор 1981). Помимо семантической роли, каждый участник характеризуется еще по трем параметрам – синтаксическое выражение, коммуникативный ранг и тематический класс.

На синтаксическом уровне участники выражаются актантами глагола. Различаются Субъект, Объект и все остальные актанты. Однако не все участники получают обязательное выражение. Например, у глагола *купить*, описывающего ситуацию с четырьмя участниками, только два – Агенс и Пациенс – имеют обязательное выражение (выражаются, соответственно, Субъектом и Объектом), а два других участника, Контрагент и Цена, выражаются факультативно, ср.:

(3) Выиграв сто тысяч, загадочный гость Ивана поступил так: *купил* книг, бросил свою комнату на Мясницкой... (Булг.)

Не получают выражения участники ситуации, не являющиеся переменными,– они инкорпорированы. Так, у глагола *жевать*, описывающего ситуацию с тремя участниками – Агенс (кто *жует*), Пациенс (что *жует*), Инструмент (с помощью чего жует), Инструмент имеет постоянное значение ('зубы'). Поэтому у *жевать* Инструмент – инкорпорированный участник[16], а выражение получают только Агенс и Пациенс, например:

(4) Уполномоченный по копытам *жевал* трубочку, следя за тем, чтобы крем не выдавился с противоположного конца (Ильф и Петров).

В некоторых случаях не получают выражения и те участники ситуации, которые являются переменными. Это происходит, когда они не попадают в поле внимания говорящего. Например, в предложении (5) Агенс выражен Субъектом, в то время как в предложении (6) Агенс не получает выражения:

(5) Первый суд их не *развел*, не дала согласия на развод Наташа (Вишневская).
(6) ....я однажды зашла к ней, беременной на последних неделях вторым ребенком, чтобы успокоить ее после суда, когда Солженицына снова не *развели* (Вишневская).

Место каждого участника ситуации в поле внимания говорящего характеризуется таким параметром, как коммуникативный ранг участника. Различаются три коммуникативных ранга: Центр, Периферия и За кадром. Участники, выраженные Субъектом и Объектом, находятся в центре внимания говорящего и, соответственно, всегда имеют коммуникативный ранг Центр. Остальные участники ситуации, получающие какое-либо синтаксическое выражение, находятся дальше от центра поля внимания говорящего и, соответственно, имеют ранг Периферия. Участники, вообще не попадающие в поле внимания говорящего, имеют ранг За кадром и не имеют синтаксического выражения. Именно этот ранг у Агенса в примере (6).

[16] Об инкорпорации участников см. (Падучева 1999в).

Тематический класс участников – их объединение с точки зрения того «участка» неязыковой действительности, который они описывают. Примеры тематических классов участников – ЧЕЛОВЕК, ЧАСТЬ ТЕЛА, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПРЕДМЕТ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, МНОЖЕСТВО ПРЕДМЕТОВ, ВМЕСТИЛИЩЕ, МАССА, ВЕЩЕСТВО и т.п.

Тематический класс глаголов – объединение глаголов, имеющих общий родовой признак, например глаголы речи, глаголы деформации. На то, что вхождение глагола в тематический класс (синонимы – лексический класс, лексико-семантическая группа, семантической поле) определяет многие из его свойств, обращали внимание многие лингвисты. Тематические классы глаголов делятся на подклассы, которые образуются признаками глаголов, уточняющими родовой признак. Так, в тематическом классе глаголов движения можно выделить различные подклассы по разным признакам – например, по направлению движения (глаголы движения вниз: *сбежать по лестнице*, *слезть со стула*, *сойти со ступенек*, *упасть с дерева*; глаголы движения в сторону: *сойти с колеи*, *соскочить с крючка*; глаголы движения от говорящего или от точки отсчета: *выйти из комнаты*, *уйти домой*, *отойти в сторону* и др.), по способу перемещения (*плыть*, *идти*, *карабкаться*, *ползти*, *лезть*, *лететь*), глаголы с отрицательной оценкой (*брести по дороге*, *ковылять по коридору*, *шататься по лесу*) и т.д. Подробнее понятие тематического класса и его роль в исследовании семантической деривации будут рассмотрены в разделе 4 Введения.

Диатеза, вслед за работой (Мельчук, Холодович 1970), понимается как соотношение семантических ролей и синтаксического выражения участников. Каждое значение глагола характеризуется своей диатезой (набором диатез). Например, для ряда глаголов полного охвата, которым посвящен раздел Главы II-ой, характерны две диатезы, с участником Средство в периферийной позиции, где он выражен творительным падежом, и в центральной позиции Объекта: *залить бассейн водой* – *залить воду в бассейн*. Исследование диатез стало основой для выделения классов русских (Апресян 1967) и английских глаголов (Levin 1993).

И, наконец, таксономическая категория (далее Т-категория) глагола. В основе системы таксономических категорий глагола – аспектуальные (синоним – онтологические) классы глаголов по Вендлеру (Vendler 1967). С точки зрения способности английских глаголов иметь форму progressive, выражающую актуально-длительное значение, Вендлер выделил четыре основных аспек-

туальных класса – деятельность, действие, процесс и состояние. Впоследствии был добавлен еще один класс – происшествие (happening, Wierzbicka 1980:177), а сама классификация дополнена производными катергориями. Ниже будут кратко охарактеризованы основные категории.

Деятельность (activity по Вендлеру) – семантический примитив; семантический компонент толкования, выражающий принадлежность глагола к этой категории (он называется категориальным), – 'Субъект действует'. В ситуации деятельности обязательно присутствует контролирующий Субъект, который инициирует и осуществляет деятельность. Деятельность может иметь лексикографически фиксируемую цель (ср. получение удовольствия для *гулять*), но эта цель не задает предела деятельности, т.е. того состояния Объекта, при достижении которого деятельность сама собой прекращается (назовем такую цель недискретной).

Действие (обычное) – это уже не примитив (ср., впрочем, работу (Bogusławski 1991), где приводятся аргументы в пользу неразложимости понятия действия). Действие может быть определено как деятельность, имеющая дискретную цель. Упрощенный пример схемы толкования глагола действия в несовершенном виде (НСВ):

Я варю картошку =

Категориальный компонент: Субъект действует <определенным образом> с определенной Целью;
Цель: картошка находится в функциональном состоянии: 'готова к употреблению'.

В толковании глагола СВ Цель переходит в Результат:

Я сварил картошку =

Категориальный компонент: Субъект действовал <определенным образом> с определенной Целью;
это вызвало
Результат: «картошка готова к употреблению».

У действия может быть, помимо обычной цели, д а л ь н я я ц е л ь, которая не достигается в СВ; ср. глагол *прятаться*, проанализированный в (Кустова 1990): цель Субъекта, который прячется, – переместиться в определенное место, которое он выбрал или выбирает в данный момент; а дальняя цель Субъекта – сделать так, чтобы его не нашел Контрагент. При этом фраза *Я спрятался, но он меня нашел*, с глаголом СВ, не содержит

противоречия: глагол СВ обозначает достижение цели действия, но не дальней его цели. Нечто близкое к понятию дальней цели обсуждается в работе (Wierzbicka 1988: 365) в связи с анализом глагола *throw* 'бросать' и *send* 'посылать'. Подклассом действий являются действия с акцентом на результате (achievements по Вендлеру) – *выиграть*, *найти* (в результате поисков), *понять*.

У действия с акцентом на результате компонент 'Субъект действует с целью' гетерогенный: как справедливо отмечает Вендлер, деятельность, соответствующая ситуации 'найти', 'прийти', 'понять', описывается другим глаголом: для *найти* – *искать*, для *прийти* – *идти*, для *понять* – *размышлять* и т.п., а данный глагол не может обозначать деятельности, в отличие, скажем, от глагола *открыть (дверь)*, который обозначает в НСВ деятельность, а в СВ – ее результат. Поэтому у действий с акцентом на результате парный НСВ, если он есть, не имеет актуально-длительного значения.

Происшествие (ср. *Обвал загородил выход из ущелья)* – это семантический примитив. Для происшествий категориальный компонент толкования – 'произошло нечто'[17]. Соотношение происшествий и действий будет рассмотрено в деталях в Разделе 3 Главы II-ой.

Подклассом происшествий являются происшествия с действующим Субъектом, ср. *уронить, споткнуться, проиграть;* из числа рассматриваемых глаголов – *переполнить (себе желудок), засорить (мусоропровод), залить (скатерть чернилами).* Происшествие с действующим Субьектом – это производная Т-категория. Толкование глаголов этой категории может включать компонент 'Субъект несет ответственность за непроизвольно причиненный ущерб', например за залитую чернилами скатерть. У происшествий НСВ тоже не имеет актуально-длительного значения.

Последние две Т-категории – процесс (инактивный, т.е. без целеполагающего субъекта), ср. *Вода постепенно заливает мостовую* и состояние, ср. *Дети плотной толпой окружают*

[17] Здесь и далее мы позволяем себе для краткости называть глаголы происшествия, состояния, процесса, действия и т.п. соответственно происшествиями, состояниями, процессами, действиями – аналогично тому, как глаголы эмоции называются эмоциями (см. Apresjan 1992) или глаголы пропозициональной установки – пропозициональными установками.

елку. Их категориальные компоненты – семантические примитивы: 'идет процесс', 'имеет место состояние'.

Процессы, в отличие от состояний, динамичны и, следовательно, подразумевают источник энергии, который логически необходим для их осуществления. Источник энергии может быть выражен сирконстантом, ср. *Белье сохнет на ветру* – т.е. сохнет под воздействием ветра; а может совпадать с Пациенсом, если, например, он является природной силой (*Вешние воды заливают луга; Ряска затягивает пруд*)[18]. Фактически здесь должны быть различены две сущности – «активная вода», Каузатор процесса, источник энергии, и «пассивная вода» – Пациенс процесса, подвергающийся перемещению, т.е. объект, проходящий через все стадии процесса. В некоторых случаях язык дает возможность назвать эти сущности разными именами; так, *воды (вешние, весенние), паводок* – и *вода; ветер, ураган* – и *воздух* обозначают, соответственно, активную и пассивную воду (воздух). Но, как правило, обе сущности обозначаются одним и тем же словом.

С другой стороны, источником энергии, необходимой для осуществления процесса, может быть – явно выраженный или подразумеваемый – внешний Каузатор, действующий Субъект. При этом если деятельность Субъекта несинхронна процессу (т.е. Субъект лишь инициирует процесс и далее устраняется из ситуации), процесс легко представляется языком как автономный, ср. *Стрела летит*. Если же деятельность Субъекта синхронна процессу, то Субъект, будучи наиболее заметным («салиентным», от англ. salient) участником ситуации, может быть оставлен «за кадром» лишь в очень мощном контексте. Так, в примерах типа *Я следил, как лак покрывает пол* (игнорируя одушевленного Каузатора процесса, который явно присутствует в ситуации) имеет место метонимический перенос. В русском языке такие употребления обычно носят окказиональный характер, в отличие от английского, где употребление глагола действия в значении процесса вполне нормативно – таковы глаголы *break* (*I broke the cup – The cup broke), boil, change, turn, wake* и много десятков других, ср. (Филлмор 1981: 508).

Каждая из основных категорий дает производные категории. Например, производные действия – действие с акцентом на результате (соответствующие классам accomplishment и achie-

[18] Ср. понятие «стихийной силы» и «стихии» в (Мельчук 1974: 350–353, 358) и «силы» в (Филлмор 1981б: 516).

vement по Вендлеру), действие с несобственным Объектом и моментальное действие; производные происшествия – происшествие с действующим Субъектом и происшествие с Объектом. Т-категория может быть семантическим примитивом, так что для ее отражения в толковании достаточно одного компонента (он называется категориальным компонентом), а может быть семантически разложимой.

Из перечисленных параметров значения глагола нам наиболее важным представляется его тематический класс. Тематический класс задает целый ряд свойств глагола: его модель управления – ср., например, обязательное наличие таких участников, как Агенс, Контрагент, Пациенс (Собственность) и Деньги у глаголов купли-продажи, или Агенс, Объект-Место и Средство у глаголов полного охвата (Глава II.1); его таксономическую категорию – например, глаголы передачи собственности могут быть либо моментальными действиями, либо предстояниями (Глава II.2); модели его регулярной многозначности. Поэтому следующий раздел Введения посвящен детальному рассмотрению понятия тематического класса и его роли в семантике глагола.

4.

Тематический класс глагола и его семантический потенциал

В лингвистике не однажды высказывалась идея о том, что производные значения, которые может развивать слово, во многом определяются тематическим классом, которому оно принадлежит.

Тематический класс и семантическое поле

Представление о тематической классификации как об объединении слов, связанных с обсуждением определенной темы, т.е. принадлежащих одной семантической области, ввел в обиход отечественной лингвистики А.И. Смирницкий (Смирницкий 1956: 174–177, 181–183). А.И. Смирницкий называл такие объединения тематическими группами; впоследствии близкие понятия стали выражаться такими терминами, как тематический класс, лексический класс,

онтологический класс, семантическое поле. В частности, тематический класс определялся как объединение слов на основании общности родового значения (Ахманова 1969: 402) или на основании предметно-логической общности (Шмелев 1973: 103–104), игнорирующее какие-либо свойства слов; «нелингвистическое» объединение слов, отражающее представления человека об устройстве реального мира (ср. Гак 1998: 32–33). Примеры тематических классов – названия частей тела, названия минералов, растений, рыб, глаголы движения, глаголы речи и т.п. Семантическое поле отличается от тематического класса только тем, что оно не ограничено словами одной части речи. Примеры семантических полей – поле еды, включающее как названия блюд, так и глаголы, описывающие процесс поглощения пищи, и прилагательные, характеризующие вкусовые ощущения; поле радости; поле смеха и т.п.

Тематические классы противопоставляются семантическим классам – «лингвистическим» объединениям слов. Основой для объединения слов в семантический класс может быть любой лингвистически интересный (Булыгина 1982: 11), или нетривиальный (Апресян 1995ж: 28–34), семантический признак, т.е. семантический признак, повторяющийся у многих слов и обязательно имеющий языковое выражение в каких-либо их свойствах – в морфологических особенностях, аспектуальном поведении, сочетаемости и т.п.

Возникновение тематических классификаций слов было вызвано, с одной стороны, чисто практической целью облегчения поисков нужного слова говорящему или пишущему[19], а с другой – интересом к соотношению языка и культуры[20]. Современная лексическая семантика была бы совершенно безразлична к тематическим классам, если бы не одна их интересная особенность: во многих случаях у слов одного тематического класса удается обнаружить ряд общих свойств – сочетаемость, деривационный потенциал, общие модели регулярной многозначности (Шмелев, там же; Падучева 1998б). Поэтому тематические классы могут быть исходным материалом лингвистического анализа, цель которого – обнаружить множества слов, обладающие общими свойствами. В свое время попытка противопоставить тематические классы слов с установленными общими свойствами темати-

[19] Именно практическими соображениями руководствовались создатели известных тезаурусов – П. Роже (Roget, 1952) (первое издание 1852 г.) и Ф. Дорнзайф (Dornseiff 1959).

[20] См. об этом, например, (Гак 1977: 7).

ческим классам, которые представлялись (иногда в силу их неизученности) чисто идеографическими объединениями слов, выразилась в использовании по отношению к первым термина «лексико-семантическая группа» (Шмелев 1973: 104). Впоследствии термин «лексико-семантическая группа» стал употребляться недифференцированно как синоним терминов «тематический класс» и «семантическое поле» (Кузнецов 1999), и вместо него был предложен термин «лексический класс» (Шведова 1998).

Тематический класс и регулярная многозначность. Концептуальные связи между ситуациями как основа развития значения слова

В центре нашего внимания в этой работе – такое общее свойство слов одного тематического класса, как регулярная многозначность. Можно предположить, что в основе этого свойства лежат связи, которые устанавливаются в сознании человека между различными ситуациями реального мира. Все слова одного тематического класса обозначают одну и ту же денотативную ситуацию или область, которая концептуализуется человеком – например, движение, разрушение, создание (ситуации) или посуда, постройки, транспорт (области). Каждая ситуация, вернее, ее концептуализация, связывается в сознании человека с концептуализацией какой-то другой ситуации. Пример – связь между движением и звуком. Из повседневного опыта известно, что движение обычно сопровождается звуком, появляющимся в результате трения частей движущегося предмета друг о друга и о поверхность, по которой он перемещается. Это соотношение находит выражение в языке – в том, что целый ряд глаголов, в своих основных значениях описывающих движение, в производных значениях описывает перемещение звука, например:

(1) Он стоял, ...выплевывая косточки, которые *долетали* до меня (Пушкин).
(2) До слуха *долетел* дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая (Булг.).
(3) Через несколько секунд денежный дождь, все густея, *достиг* кресел (Булг.).
(4) Рокот прибоя *достиг* его слуха (МАС).

В то же время некоторые глаголы звучания имеют производное значение движения, например:

(5) Мимо *просвистела* пуля.
(6) Редко, очень редко какой-нибудь помещик ... *тарабанит* по мостовой в какой-то бричке или полубричке (Гоголь, МАС).

Другой пример – связь между обработкой и созданием, которая отражается в регулярной многозначности глаголов обработки и деформации, например *варить (овощи – суп), склеить (бумагу – домик)* (Апресян 1995г: 206). Например, известно, что параметрические прилагательные, описывающие температуру, в своих производных значениях характеризуют эмоциональную сферу и поведение, имеют производные значения создания и т.д., ср.:

Таким образом, в основе регулярной многозначности слов одного тематического класса лежат концептуальные структуры, связывающие в сознании человека различные денотативные ситуации или различные аспекты одной денотативной ситуации[21].

Близкие идеи высказываются в рамках когнитивной лингвистики. Категории когнитивной лингвистики, сходные с тематическим классом, – образные, или топологические, схемы (image schemas, термин введен М. Джонсоном). Топологические схемы – это простейшие модели концептуализации пространства человеком, отражающие его опыт перемещения в пространстве и обращения с пространственными формами (см. об этом Ченки 1997, Рахилина 1998 и Рахилина 2000). Примеры топологических схем – ВМЕСТИЛИЩЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, ПУТЬ, ПОВЕРХНОСТЬ, КОНТАКТ. Многие топологические схемы имеют динамический характер и отражают действие каких-то сил – например, ПУТЬ включает представление об исходной точке, собственно пути, по которому осуществляется движение, и цели, а ВМЕСТИЛИЩЕ ассоциируется с защитой от воздействия внешних сил. Топологические схемы

[21] В основе регулярной полисемии слов одного тематического класса может быть также связь между двумя разными концептуализациями одной денотативной ситуации, ср. *Я наполнил ведро водой – Вода наполнила ведро*. В этом случае производное значение является результатом диатетического сдвига (Падучева 1998б) и принадлежит тому же тематическому классу, что и производящее.

позволяют человеку обобщать его опыт в других, более абстрактных, областях его деятельности в терминах пространства – например, схема пути используется для описания процесса достижения человеком любой цели вообще. Некоторые переходы от пространственной к непространственным областям деятельности человека регулярны – например, переход от перемещения куда-либо к изменению состояния.

Возвращаясь к обсуждению роли тематического класса в обеспечении полисемии слова, нужно сказать, что во многих случаях концептуальные структуры, лежащие в основе регулярных связей между тематическими классами, выводятся совсем не так легко или совсем не выводятся. Пример – известная многозначность параметрических прилагательных по модели 'температура – характеристика человека или обстоятельств': ср. *холодный, теплый, горячий (чайник – человек / прием)*. В целом, прозрачны концептуальные структуры, на которых основана метонимическая связь между значениями, и гораздо реже оказывается возможным вывести концептуальные структуры, лежащие в основе метафорически мотивированной многозначности.

Потенциально каждое слово одного и того же тематического класса – претендент на реализацию всех концептуальных структур, в которых участвует денотативная ситуация, лежащая в основе класса. Е.В. Падучева высказывает предположение о том, что тематические классы слов имеют свои парадигмы регулярной многозначности – наборы значений, которые в принципе допустимы для любого слова данного класса. Более сильное предположение, сделанное Е.В. Падучевой, состоит в том, что эти значения выводимы по определенным правилам друг из друга, причем правила вывода имеют общий характер, т.е. действуют и за пределами данного класса. Особенности индивидуальной семантики слова могут накладывать ограничения на действие правил и редуцировать его полисемический потенциал. Парадигма регулярной многозначности глаголов звучания описана в работе Падучева 1998б.

Принципы отнесения глагола к тематическому классу

Формальной процедуры объединения слов в тематические классы не существует. Попытка использовать для объединения глаголов в тематические классы метод ступенчатой идентифика-

ции, т.е. метод последовательного замещения каждого рассматриваемого глагола глаголом с более общим значением и приведения таким образом групп глаголов к общему идентификатору, была сделана группой лингвистов под руководством Э.В. Кузнецовой (Кузнецова и др. 1988), но выделенные группировки слов никогда не рассматривались с точки зрения наличия у них каким-либо общих свойств. Современные исследования разбиения слов на тематические классы с помощью ступенчатой декомпозиции представлены работами Л. Миньоранса и П. Фабер, например (Mignorance 1984; Faber, Mairal 1998). С другой стороны, опыт обращения к свойствам глаголов – их синтаксическим характеристикам – при анализе их разбиения на классы представлен работой Ю.Д. Апресяна (Апресян 1967) и современными работами Б. Левин (Levin 1998).

Вопрос об отнесении глаголов к лексическому классу можно решить иначе, обращаясь к толкованию глаголов и последовательно применяя ряд параметров. На самой верхней ступени классификации важно, какое событие, происшедшее в реальном мире, описывает глагол. Событие определяется переходом от исходной ситуации к конечной; например, событие, которое описывает глагол *прийти* в предложении *В тот день Николай пришел домой очень поздно*, складывается из ситуации 'до t X не был в Y-е', и 'в t X находится в Y-е', и тем самым глагол *прийти* попадает в тематический класс глаголов перемещения наряду с другими глаголами, описывающими события такой же структуры; а событие, которое описывает глагол *получить* в предложении *Настя получила письмо*, складывается из ситуаций 'до t у X-а не было Y-а' и 'в t у X-а есть Y', и тем самым глагол *получить* попадает в класс глаголов обладания. В толковании глагола исходная ситуация соответствует пресуппозиции, а конечная – одному из компонентов ассерции, результату. Исходная ситуация может быть тождественна конечной, и тогда событие является нулевым, но это не мешает отнесению глагола к тематическому классу; например, глагол *стоять* в предложении *Второй стол был пуст, и на нем стоял телефон* (Стругацкие) описывает нулевое событие, так как его исходная ситуация ('до t X находился на Y-е') тождественна конечной ('в t X находится на Y-е'), и *стоять* принадлежит тематическому классу глаголов положения в пространстве.

Второй параметр лексической классификации глаголов – то, с помощью какого набора переменных (участников) глагол

описывает событие. Например, событие, складывающееся из двух состояний 'до t X не существовал' / 'в t X начал существовать', может описываться с помощью разного набора участников, и в зависимости от этого глагол относится к классу глаголов существования (*Появилась* рецензия на новую постановку «Горя от ума») или к классу глаголов создания (Елена Ямпольская *написала* рецензию на новую постановку «Горя от ума»).

Следующий параметр классификации – это способ перехода от исходной ситуации к конечной. Глаголы *наполнить* и *залить* в предложениях *Шофер наполнил бак бензином* и *Шофер залил бак бензином* описывают одно и то же событие структуры 'до t в X-е не было Y-а', 'в t в X-е есть Y' с одним и тем же набором участников и попадают в один и тот же тематический класс глаголов перемещения Объекта, но глагол *наполнить* никак не специфицирует способа перехода от исходной ситуации к конечной, в то время как *залить* указывает его (Субъект *лил* Y-а).

* * *

Исследование отражено в трех главах, ключевое понятие для каждой из которых – тематический класс. В Главе I-ой рассматривается связь между тематическим классом глагола и его парадигмой семантической деривации – набором выводимых друг из друга значений, характерных для глаголов данного класса.

Глава II-ая посвящена проблеме связи между тематическим классом глагола и его категориальной парадигмой.

В Главе III-ей исследуется связь между тематическим классом глагола и тематическими классами участников ситуации, которую он описывает.

Глава I.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

В данной главе будут рассмотрены парадигмы семантической деривации ряда тематических классов глаголов движения, которые представляют собой настолько крупный тематический класс, что он, в свою очередь, членится на отдельные классы. В частности, будут рассмотрены глаголы прибытия (*прийти*, *прибыть*, *прибежать* и др.), глаголы движения вниз (*сойти*, *слезть*, *сбежать* и др.) и глаголы остановки (*затормозить*, *остановить*, *удержать* и др.); кроме того, будет рассмотрен фрагмент парадигмы регулярной многозначности – деривация ментальных значений у различных глаголов движения.

Частный случай парадигмы регулярной многозначности глаголов – категориальная парадигма. Ее рассмотрению будет посвящена Глава II-ая данной работы.

1.

Глаголы прибытия: потенциальная семантическая структура

Общий семантический потенциал, который по-разному могут реализовывать отдельные слова, принадлежащие одному и тому же тематическому классу, можно представить в виде потенциальной, или полной, семантической структуры, имеющей иерархический характер и включающей основное значение, принадлежащее данному тематическому классу, и производные значения, принадлежащие как данному тематическому классу, так и другим, связанным с ним. Например, в полной семантической структуре глаголов движения в качестве основного значения должно выступать собственно значение физического перемещения, а в качестве производных, среди прочих, – такие принадлежащие другим тематическим классам значения, как 'стать понятным', ср. *Смысл его слов дошел до меня не сразу* и как 'приобрести определенное социальное положение', ср. *дошел до степеней известных* (Грибоедов). Полные семантические структуры слов одного и того же тематического класса в разных языках могут различаться, потому что их определяют разные культурные модели действительности. Понятие потенциальной семантической структуры шире понятия парадигмы регулярной многозначности: оно включает все значения, теоретически возможные для слов данного тематического класса, независимо от того, образованы они по регулярным моделям или же являются уникальными. Требования, которые предъявляются потенциальной семантической структуре, – полнота охвата значений слов тематического класса и выводимость одного значения из другого.

Соотношение полной семантической структуры, характерной для слов какого-либо тематического класса, и ее конкретных реализаций может быть различным. В тематическом классе могут быть слова, которые реализуют полную семантическую структуру целиком, и слова, семантические структуры которых, по сравнению с полной семантической структурой, дефектны; именно так обстоит дело с глаголами производства звука и, как мы впоследствии продемонстрируем, с глаголами полного охвата и глаголами обладания; тогда возникает задача объяснения

дефектности парадигм отдельных слов класса. В то же время существуют особенно крупные и разветвленные тематические классы, в которых ни одно слово не реализует семантический потенциал класса полностью. Тогда возникает задача конструирования полной семантической структуры для слов данного класса. Примером такого класса являются глаголы движения.

В работе Е.С. Копорской (Копорская 1996) выдвигается гипотеза о существовании изоморфизма между семантической структурой слов какого-либо тематического класса и внутренней организацией этого класса: произведя разумное разбиение всех лексем, принадлежащих данному классу, на подклассы и установив отношения между ними, можно получить идеальную, теоретически возможную семантическую структуру, которую по-своему реализует каждое слово данного класса. Но при таком подходе не учитывается ни то, что потенциальная семантическая структура должна включать и значения, принадлежащие другим тематическим классам, ни то, что культурная модель отношений между разными аспектами действительности, лежащая в основе полной семантической структуры, характерной для слов какого-то одного тематического класса, может не совпадать с «рациональной» классификацией лексем этого класса.

Поэтому представляется, что вывести полную семантическую структуру можно только опираясь на сопоставление семантических структур отдельных слов данного класса, устанавливая связи между отдельными значениями разных слов и выстраивая их в единую структуру (Е. Бабаева и Е.В. Урысон называют конструкт такого рода «логической моделью полисемии» [устное сообщение]). Ниже будет сделана попытка сконструировать фрагмент потенциальной семантической структуры одного из подклассов русских глаголов движения – глаголов прибытия.

Глаголы движения легко членятся на более мелкие тематические подклассы, такие как, например, ‘движение к конечной точке’, ‘движение от конечной точки’, ‘движение внутрь’ и т.п. Можно допустить, что каждый из этих тематических подклассов имеет свойственную ему потенциальную семантическую структуру, и предположить возможность существования семантической гиперструктуры для всего тематического класса в целом (хотя теоретически она может быть сконструирована на основе полных семантических структур слов каждого подкласса, вряд ли эта задача практически выполнима). В данной работе

мы попытаемся сконструировать потенциальную полную семантическую структуру только для подкласса глаголов движения с приставкой *при-*. В качестве первого шага естественно построить семантическую структуру самого многозначного глагола этой группы – *прийти*.

Основное значение глагола *прийти* складывается из значения самой приставки *при-* 'доведение движения до цели, до определенного места' (МАС) и значения основы мотивирующего слова – глагола несовершенного вида со значением перемещения определенным способом *идти*. Глагол *прийти* часто выступает в контексте цели, ср.:

(1) Я улетаю навсегда и *пришел* к вам лишь с тем, *чтобы попрощаться* (Булг.).
(2) Ты что, собаку *пришел проведать*? (корп.).

Целью, в частности, может быть вступление в контакт с кем-либо, например *пришел поговорить*, *повидаться* и т.п. Целевой контекст характерен и для других глаголов движения с приставкой *при-*, ср.:

(3) Вот моя карточка, паспорт и приглашение *приехать* в Москву *для консультации* (Булг.).

Ю.Д. Апресян отмечает, что сочетаемость с именными группами и инфинитивами, имеющими целевое значение, вообще характерна для глаголов движения (Апресян 1990: 79). Кажется необходимым включить в основное значение *прийти* целевой компонент: 'прибыть с целью сделать что-то, в частности вступить в контакт с кем-либо'.

Описывая глагол *прийти*, естественно ориентироваться на описание глагола *выйти*, сделанное Ю.Д. Апресяном (Апресян 1990). Однако глагол *прийти* не симметричен глаголу *выйти*: значения глагола *выйти* имеют различные фазовые приращения, финитивные (*выйти из дома* 'перестать быть в доме') или инцептивные (*выйти в коридор* 'начать быть в коридоре'), что определяет деление значений в словарной статье *выйти* на два крупных блока – финитивные значения и инцептивные, в то время как все значения глагола *прийти* (как и всех остальных глаголов с приставкой *при-*) могут быть только инцептивными (*прийти домой* 'начать находиться дома', *прийти в ярость* 'начать быть в ярости', *прийти к мысли* 'начать считать'; ср. также

приблизиться к столу ‘начать быть близко от стола’, *приблизиться к великому писателю* ‘начать быть в контакте с великим писателем’ и т.п.). В остальном семантические структуры глаголов *прийти* и *выйти* и, соответственно, принципы описания этих глаголов совпадают: семантическая структура *прийти* определяется комбинацией бытийных значений ‘местонахождение – свойство или состояние – существование’, к которой добавлена идея изменения; описание связи между значениями направлено от непереносных значений к переносным.

В предлагаемой словарной статье глагола *прийти* значения сгруппированы по тематическим классам, а внутри классов – по таксономическим категориям. В словарной статье глагола *прийти* принята следующая система нумерации значений: первая цифра (римская) – номер тематического класса глагола; вторая (арабская) – номер таксономической категории глагола в рамках данного тематического класса; третья – номер лексического значения в рамках данной таксономической категории. Для удобства изложения тематические классы и таксономические категории, которым принадлежат отдельные группы значений, указываются в отдельных строках.

ПРИЙТИ

I. ДВИЖЕНИЕ

I.1. действие

I.1.1. ‘переместившись (определенным способом: идя), начать находиться в конечной точке или вблизи нее для того, чтобы сделать нечто по отношению к конечной точке или возможное в конечной точке, в частности вступить в контакт с кем-либо’: *прийти на почту; прийти к городским воротам.*

I.1.2. ‘переместившись (неспецифицированным способом), начать находиться в конечной точке’ (о транспорте): *Поезд пришел.*

I.2. процесс

I.2.1. ‘переместившись (неспецифицированным способом) в результате действий, совершенных кем-то, начать находиться в конечной точке’: *Письмо пришло.*

1.2.2. ‘переместившись (неспецифицированным способом), начать существовать в данном месте’: *Тьма пришла со Средиземного моря. Майские сумерки пришли поздно* (корп.).

II. ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ

II.1. происшествие ‘как бы переместившись, настать’: *Придет ли час моей свободы?* (Пушкин).

II.2. процесс 'как бы переместившись во времени, начать существовать в каком-либо периоде': *Вот, наверное, все с чем я пришел к концу своей жизни* (корп.).

III. МНЕНИЕ

III.1. действие 'как бы перемещаясь от мысли к мысли, начать иметь мнение': Много лет спустя я пришел к убеждению, что эти трофейные фильмы ничего, кроме вкуса руководителей рейха, не выражали (Искандер); *Я смеялся, смеялся, а потом пришел к своему решению* (корп.).

III.2. происшествие 'как бы переместившись извне, появиться в голове (о мысли)': *Поправки пришли ему в голову неизвестно откуда.* (корп.).

IV. ЭМОЦИИ

Происшествие 'под воздействием фактора как бы переместиться из одного состояния в другое, крайне хорошее или плохое': *Посмотрела и пришла в смятение* (Лидин); Студент последнего курса, Коншин явился к нему с научным предположением, от которого *пришел* в восторг его будущий учитель (корп.).

V. ПРИОБРЕТЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Происшествие 'изменив место пребывания, начать быть членом новой социальной группы': *Придя на завод, Вера обнаружила среди рабочих множество людей, которых не отнесешь ни к плохим, ни к хорошим* (Гранин).

VI. РАСПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Процесс 'как бы перемещаясь, дальним от наблюдателя концом начать граничить с чем-то': *Дорога пришла к лесу.*

Данная семантическая структура покрывает все значения глаголов движения с приставкой *при-* за исключением некоторых значений глагола *приблизиться* и *прибыть*, ср.:

ПРИБЛИЗИТЬСЯ

I. ДВИЖЕНИЕ

I.1. деятельность 'переместившись (неспецифицированным способом), начать находиться близко к чему-либо'

I.1.1. о человеке: *Когда Чик приблизился к лошади, он почувствовал волнение* (Искандер).

I.1.2. о транспорте: *Скоро показалась впереди лодка, быстро приблизилась она к берегу* (Лермонтов).

I.2. процесс 'перемещаясь, начать находиться близко к чему-либо'

I.2.1. о небесном теле /о свете: *Солнце... не успело еще приблизиться к своей высшей точке* (Булгаков). *Огонек какой-то лампадки приблизился к веранде* (Булгаков).

I.2.2. о звуке: *Вдруг свист и шум снова приблизились* (корп.).

II. ПРИОБРЕТЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА/ КОНТАКТ

Происшествие 'переместившись по социальной лестнице, начать быть в контакте с членом более высокой социальной группы': *...такое неожиданное счастье – приблизиться к великому поэту, узнать его так коротко* (Державин).

III. РАСПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

'как бы перемещаясь, дальним от наблюдателя концом начать находиться близко к чему-то': *В этом месте шоссе приблизилось к лесу.*

ПРИБЫТЬ

I. ДВИЖЕНИЕ

I.1. действие 'переместившись (неспецифицированным способом), начать быть в конечной точке': *Козлоногий почтительно осведомился у Маргариты, на чем она прибыла на реку* (Булгаков).

I.2. происшествие 'переместившись (неспецифицированным способом) в результате действий, совершенных кем-то, начать находиться в конечной точке': *[Рукопись] наконец прибыла в издательство* (Герман, МАС).

II. ЗНАЧЕНИЕ ПАРАМЕТРА

II.1. процесс 'увеличиться': *Вода сильно прибыла. Немедленно спустили пруд* (Аксаков, МАС).

II.2. происшествие 'увеличиться': *Людей в полку прибыло* (МАС); *Думай не думай, ума не прибудет* (Островский, МАС).

Попытаемся показать, что на самом деле те значения, которыми *приблизиться* и *прибыть* отличаются от *прийти,* т.е. значение движения звука (*приблизиться* I.2.2), значение вступления в контакт (*приблизиться* II) и значение изменения параметра в сторону увеличения (*прибыть* II), являются пропущенными звеньями одной семантической структуры.

а. Значение перемещения звука. Известно, что звук движется. Также известно, что движение относится к тем ситуациям, которые могут восприниматься и зрением, и слухом (зрительно-слуховой класс по Урысон 1997: 36), поскольку физическое пере-

мещение обычно сопровождается определенным звуком. Однако этих утверждений, вытекающих из общего знания о мире, недостаточно для того, чтобы объяснить связь между значением физического перемещения и значением перемещения звука в языке. Чтобы доказать, что эта связь отмечается языком, необходимо найти переходные значения, совмещающие оба аспекта ситуации движения. Такие значения регулярно отмечаются у глаголов производства звука (Падучева 1998б), например:

(4) Мотоцикл весело *тарахтел* по проселочной дороге.

– 'мотоцикл перемещался по дороге и тарахтел'. У глаголов прибытия переходным значением между значением физического перемещения и движения звука является *приблизиться* 1.2.2:

(5) *Вдруг свист и шум снова приблизились* 'источник звука переместился, и звук переместился'.

Ср. также:

(6) *Свист и шум постепенно приближались* 'источник звука перемещался, и звук перемещался'.

б. Значение вступления в контакт. Это значение связано со значением физического перемещения общим компонентом 'цель'. Как уже было указано, целью физического перемещения в направлении к конечной точке может быть вступление в контакт с кем-нибудь. Такие производные значения есть у целого ряда глаголов движения, ср., например, *сблизиться* 'вступить в тесную связь, в дружеские отношения с кем-нибудь': *Это уныние не мешало ему сблизиться с Катей* (Тургенев, МАС); *выйти* 'получить доступ': *выйти на заместителя председателя Гостелерадио* (Апресян 1990: 84). В то же время антонимичные глаголы движения в качестве производных могут иметь значения прерывания контакта, ср.: *В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а напротив, разошелся с Соней* (Толстой, МАС); ср. также *отдалиться* (*от семьи*), *отойти* (*от народников*) 'стать чуждым' и т.п.

в. Значение 'увеличиться'. Связующим звеном между значением физического перемещения и значением увеличения должно быть значение присоединения к множеству или массе в ре-

зультате перемещения. Потенциальная возможность глаголов данной группы иметь это значение заложена семантикой приставки *при-*, которая может выражать, наряду с идеей доведения движения до конца, идею соединения, ср. *примерзнуть, присохнуть, прилипнуть*. Четко выраженного значения присоединения нет ни у одного из рассматриваемых глаголов, но у *прийти* есть круг употреблений, в которых значение присоединения совмещается со значением перемещения, ср.: *В январе он пришел к партизанам* = 'пришел в место расположения партизан и присоединился к ним'. Идея физического перемещения и присоединения лежит в основе такого выделяемого МАСом переносного значения *прийти*, как 'присоединиться, примкнуть на основании своих взглядов, убеждений' (*прийти к большевикам*). Глагол *прибыть*, у которого отдельное значение присоединения также отсутствует, может представлять увеличение массы как результат процесса (*прибыть* II.1): *Вода прибыла,* где Пациенс процесса – Субъект, и как происшествие (*прибыть* II.2): *Воды прибыло,* где Пациенс – Объект. Поскольку модель управления *прибыть* II.1 идентична модели управления этого и других глаголов в значении физического перемещения, в *Вода прибыла* просматривается значение физического перемещения и присоединения, в отличие от *Воды прибыло*, имеющего чисто количественное значение. Таким образом, *прибыть* II.1 является семантической связкой между основным значением *прибыть* и производным значением увеличения. Последнее получает статус четко выраженного значения у *прибыть* в силу особого характера этого глагола: он мотивирован глаголом существования *быть*, а не глаголом движения; поэтому у *прибыть* на первый план выступает такое значение приставки *при-*, как 'присоединение', затушеванное у глаголов, мотивированных глаголами движения.

Смысл построения полной семантической структуры – в том, что она позволяет, с одной стороны, обнаружить потенциал отдельных членов тематического класса, реализующийся иногда не в отдельных значениях, а в определенных типах употреблений, а с другой – ставить вопросы, касающиеся особенностей семантической структуры отдельных глаголов тематического класса (например, почему у глагола *прибыть* не может быть значения перемещения звука и значения изменения времени и др.).

2.

Глаголы движения вниз: движение – пребывание – функционирование – существование

Задача этого раздела Главы I-ой – вывести концептуальные структуры, задающие парадигму регулярной многозначности слов одного тематического класса, составить инвентарь языковых правил, действующих на этих концептуальных структурах, и выявить и объяснить ограничения на их действие. Первая часть этой задачи решается разбиением всех значений слова на тематические классы; вторая и третья – сопоставлением толкований отдельных значений на предмет выявления правил порождения одного значения из другого. Задача решается на материале глаголов движения вниз (*сойти*, *сбежать*, *слететь* и т.п.). В рамках такого большого и развитого тематического класса, как движение, глаголы движения вниз представляют отдельный подкласс.

В парадигму регулярной многозначности рассматриваемых глаголов входят производные значения, принадлежащие иным, чем ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, тематическим классам – классу БЫТИЙНЫХ ГЛАГОЛОВ, классу ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ и классу СУЩЕСТВОВАНИЯ, ср., например, различные значения глагола *сойти* в примерах (7) – (10):

(7) Он *сошел* вниз и ходил по оврагу, ноги его по колено были мокры и холодны от росы, на плечи с ольшаника и черемухи густо лила холодная утренняя роса (Маканин).

(8) Когда она *сошла* с места [прекратила быть в месте], рой мух со злобным гудением слетел с ее спины и потом снова уселся ей на спину, как стая лилипутских стервятников (корп.).

(9) Я... написал более 50 оригинальных пьес, из которых ни одна еще не *сошла* [прекратила исполняться, т.е. прекратила функционировать] со сцены (Островский).

(10) а. А когда *сошел* снег [прекратил существовать], детдом повезли в эвакуацию на Большую землю (корп.).

б. Ночь на землю *сошла* [начала существовать], Мы с тобою одни (Блок).

Ниже каждый из переходов – от значения движения вниз к бытийному значению, к значению функционирования и к значению существования – будет рассмотрен отдельно.

Бытийное значение

Так же, как все глаголы движения, глаголы движения вниз имеют динамический характер, и поэтому как у их основного, так и у производных значений есть фазовые приращения 'начать' и 'прекратить'. В качестве основного рассматриваемые глаголы могут иметь значение 'переместившись вниз каким-либо способом, прекратить находиться в Месте – Исходной точке и начать находиться в Месте – Конечной точке', например:

(11) а. Мука эта продолжалась до начала первого часа, даже когда Никанор Иванович просто *сбежал* из своей квартиры в помещение управления у ворот (Булг.).
б. Дети испугались, посыпались с крыши горохом, а она осталась стоять на подоконнике. Вдруг сразу почувствовала, как ей трудно *слезть* (корп.).
в. – Изволите ли видеть, в числе прочего бумажки *слетели* с потолка, – буфетчик понизил голос и конфузливо оглянулся, – ну, их все и похватали (Булг.).

У глаголов перемещения вниз может возникать производное бытийное значение 'прекратить находиться в исходной точке' (11):

(12) а. Климов *сошел* с дороги, пропуская машину, и тут же провалился по колено (Маканин).
б. Но прошло и десять минут, а его нету. Радость охватила филиальцев – *сбежал* (корп.).
в. ... осторожная ворона пролетела раз над самой моей головой и, явно с целью отвлечь меня, уселась на нижний сук другого дерева. Я замахнулся на нее, но она лишь пригнулась и подалась вперед, но не *слетела* (корп.).

Связь между значением движения вниз и бытийным значением прозрачна. Ситуация движения вниз предполагает таких участников, как Субъект движения, Исходная точка, Конечная

точка, Путь, по которому осуществляется движение, и Наблюдатель, относительно которого ориентировано движение, ср. *сбежал вниз* (по отношению к Наблюдателю, находящемуся в Исходной точке) и *сбежал к нам* (по отношению к Наблюдателю, находящемуся в Конечной точке). В ходе движения вниз Субъект прекращает находиться в Исходной точке движения и одновременно исчезает из поля зрения Наблюдателя, если тот расположен в ней. Поэтому ситуация движения вниз оказывается включенной в концептуальную структуру, связывающую движение вниз и прекращение пребывания в каком-либо месте.

Рассмотрим, как модифицируется толкование глагола движения вниз при образовании бытийного значения:

а) Он *сошел* в воду.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	Человек
Y	Исходная точка	Нврз[22]	За кадром	Участок пространства
Z	Конечная точка	Периф	в+вин.	Участок пространства

до t< МН X находился в/на Y-е
в t< МН X действовал: перемещался вниз
определенным способом:
шел
это вызвало
Результат: в МН X находится на Z-е
тем самым X не находится на Y-е

б) Климов *сошел* с дороги.

УЧАСТНИКИ				
X	Агенс	Субъект	Центр	Человек
Y	Исходная точка	Периф	с+род.	Участок пространства
Z	Конечная точка	Периф	в+вин.	Участок пространства

[22] Нврз – невыразимый участник, т.е. не имеющий лексического выражения.

до МН X находился в/на Y-е
в t< МН X совершил действие: переместился
в направлении от Y-а
это вызвало
Результат: в МН X не находится на Y-е

При образовании бытийного значения вычеркивается компонент движения вниз и связанный с ним компонент результата – 'X находится в Z-е'.

Естественно, что при этом у глаголов движения вниз не может быть симметричного производного значения 'начать находиться в каком-либо месте', которое тоже было бы образовано от исходного значения вычеркиванием компонента движения вниз. Это согласуется с прагматическими особенностями ситуации – различием поля зрения Наблюдателя с позиции наверху и внизу. Начав двигаться вниз, Субъект сразу исчезает из поля зрения Наблюдателя, находящегося наверху, на одном уровне с Субъектом. В то же время Наблюдатель, стоящий внизу, видит не только конечную точку движения Субъекта, но и весь его путь вниз, так что пример (13) предполагает, что синичка не просто появилась на крыльце, но переместилась туда откуда-то сверху:

(13) Синичка *слетела* на крыльцо и запрыгала, поминутно дрыгая хвостиком (корп.).

Этому не противоречит следующий пример, хотя при указании на конечную точку движения в нем явно отсутствует компонент движения вниз:

(14) Мамаша Петерса – бабушкина дочь – *сбежала* в теплые края с негодяем, папаша проводил время с женщинами легкого поведения и сыном не интересовался (Токарева).

Дело в том, что речь здесь идет не о прибытии Субъекта в какое-то место, но о направлении его движения.

Не все глаголы движения вниз способны образовывать производное бытийное значение с вычеркнутым компонентом движения вниз – например, такого значения нет у *спрыгнуть*. Глагол *спрыгнуть* отличается от *сойти* и *сбежать* траекторией перемещения, которое он описывает: вначале Субъект делает толчок и оказывается несколько выше своего исходного положения, и только затем перемещается вниз.

Бытийное значение несколько затруднено у таких глаголов, как *слезть* и *сползти*, хотя его можно признать в таких примерах, как *Повязка слезла / сползла* (не обязательно с вертикально ориентированной поверхности). Это также связано с характером перемещения, которое описывают эти глаголы, и с его траекторией. *Сползти* описывает перемещение, при котором Субъект прижимается к поверхности, по которой перемещается, всем телом, а *слезть* – такое перемещение, при котором Субъект цепляется за какой-то предмет или поверхность руками и ногами, например:

(15) Убедившись, что все коротышки *слезли* с полок, он нажал одну из кнопок, которые были на стене коридора у двери (Носов).
(16) И вдруг, почувствовав это, тихо *сползли* все в кустарники, опять обнажив насыпь (Иванов).

Поэтому в обоих случаях, и когда Субъект *слезает*, и когда он *сползает*, в отличие от того, когда он *сбегает* и *сходит* откуда-либо, нет такого момента, когда он, перемещаясь по горизонтали, не перемещался бы одновременно вниз. В таких примерах, как *Шапка сползла*, *Одеяло сползло* легко добавляется указание на точку ниже начальной, в/на которую переместился Субъект – *Шапка сползла на затылок, Одеяло сползло на пол* и т.п.

Значение функционирования

Значение прекращения пребывания в каком-либо месте естественным образом мотивирует другое производное значение – прекращение функционирования (в широком смысле – прекращение участия в какой-либо деятельности), например: *сойти с лыжни* (о человеке), *сойти со следа* (о собаке) ‘потерять след’, *сойти с круга* (о лошади) ‘прекратить участвовать в бегах’, *сойти с рельсов* (о поезде), *сбежать из школы, сбежать в кино, сойти с экрана* ‘прекратить демонстрироваться (о фильме)’ или ‘прекратить сниматься’ (об актере).

(17) Потом ее обогнали другие лошади, и она сама *сошла с круга* (корп.).
(18) Большую часть времени они проводили в кухне: там ели, чтобы не пачкать в комнате, там читали или про-

сто разговаривали, если вечер был пустой, то есть Антону не удалось *сбежать* в «киношку» (корп.).

Семантика прекращения деятельности ярко выражена в устаревшем значении глагола *сойти* 'оставить место работы', например:

(19) *Кучер сошел у нас*, отошел, отказал нам (Даль); Лукерья сейчас объявила, что жить у меня не станет и, как похоронят барыню, – *сойдет* (Достоевский, МАС).

Концептуальная структура, связывающая пребывание в каком-то месте и деятельность, представляется прозрачной: человек находится где-то для того, чтобы заниматься чем-то, даже если это занятие – бездействие. Именно поэтому рассматриваемые глаголы во многих случаях допускают метонимическую замену участника с ролью Место на участника Занятие, например *сбежать (из школы – с занятий), сбежать (в киношку – на концерт).*

Некоторые виды деятельности ассоциируются с местами, представляющими собой возвышение, как сцена, на которой играют актеры, или поднятыми относительно других, как многие виды транспорта. В таких случаях значение прекращения функционирования может образовываться непосредственно от значения перемещения вниз, а не от промежуточного, бытийного значения. Именно так ведет себя глагол *слезть*, например:

(20) Здесь он привязал комбайн к тросу, *слез* на землю и свистнул два раза в свисток (Носов).

Глагол *сойти* демонстрирует оба способа образования значения прекращения функционирования – и от бытийного значения (см. примеры выше), и прямо от значения перемещения вниз, например *сойти с автобуса* / с *поезда* 'прекратить перемещаться на транспорте', *сойти со сцены* 'прекратить выступать (об актере)'. Интересно, что в основе значения *сойти*, представленном в примере *сойти со сцены* – зрительское представление о том, как сходят со сцены в зал (по ступенькам), хотя в реальности актер, временно или навсегда закончивший играть, не спускается со сцены в зал, а уходит за кулисы. У подмостков нет ступенек, и поэтому нельзя сказать *сошел с подмостков*.

Возможность образования значения прекращения функционирования непосредственно от значения движения вниз ярко

демонстрирует метафорическое разговорное значение глагола *слететь* ‘лишиться должности (обычно высокой)’, например:

(21) Вместе с ними *слетел* Шепилов – «и примкнувший к ним» (корп.).

Глаголы движения вниз – не единственный тематический класс русских глаголов, отражающих эту связь. Эту же концептуальную структуру могут выражать бытийные глаголы. В частности, у глагола *быть* и у целого ряда синонимичных ему глаголов (*навещать, посещать, забегать, заглядывать* и др.) есть как значения перемены местоположения, так и значения функционирования – ср. разные значения *быть* в примерах (22) – (23)и *посетить* в примерах (24) – (25):

(22) Я *была* в Лондоне два раза.
(23) Врач сегодня уже *был*. ‘Человек А переместился в <на> X и находился там для занятий какой-л. деятельностью’[23].
(24) Вновь я *посетил* / Тот уголок земли, где я провел / Изгнанником два года незаметных (Пушкин).
(25) Врач обещал еще раз *посетить* больную вечером.

Рассмотрим, как происходит переход от значения смены местоположения к значению функционирования.

В толкованиях основных значений глаголов движения вниз компонент ‘X начал / прекратил заниматься какой-либо деятельностью’ отсутствует, ср. толкование *сойти* в (26):

(26) Он *сошел* вниз и ходил по оврагу.

(a) до t<МН X был в Месте – Начальной точке <презумпция>
(b) в t<МН X совершил действие: переместился из Места в направлении Конечной точки <ассерция>
(c) X находится в Месте – Конечной точке
(d) в МН X нет в Месте – Начальной точке

Однако, при наличии подходящего контекста, этот компонент легко появляется, ср. (27), где становится понятным, что Субъект движения спустился вниз для того, чтобы заниматься ловлей рыбы:

[23] Толкование, синонимы и пример (23) приводятся по (Апресян 1995в: 522).

(27) Чижегов... *сошел* в воду и повел [удочку] вдоль берега.

Можно предположить, что в основном значении рассматриваемых глаголов компонент 'X начал / прекратил заниматься какой-либо деятельностью' является слабым, прагматическим – это речевая импликатура, возникающая из контекста.

В толкованиях производных значений данных глаголов ей соответствует компонент 'Сб начал (прекратил) заниматься деятельностью, типичной для данного Места', имеющий ранг обязательной импликатуры, ср. толкование для *сойти* в (28):

(28) Поздней осенью в середине дня с рейсового «Икаруса», ходящего от железнодорожной станции до Нового города, *сошел* молодой мужчина.

УЧАСТНИКИ				
X	Агенс	Субъект	Центр	Человек
Y	Исходная точка	Периф	с+род.	Транспортное средство
Z	Конечная точка	Периф	в+вин.	Участок пространства

(a) до t<МН X был в Y-е <презумпция>
(b) X участвовал в деятельности, типичной для Y-а: ехал
(c) в t<МН X совершил действие: переместился из Y-а <ассерция>
(d) в МН X нет в Y-е
(e) тем самым X прекратил участвовать в деятельности, типичной для Y-а <импликатура>

С другой стороны, какое-либо место может ассоциироваться с бездействием, и тогда у глагола движения вниз может появляться другое следствие – 'Субъект начал действовать'. Например, слезание с печи в русской сказке символизирует начало деятельности:

(29) а. *Слез* Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани (По щучьему велению).
б. Тут Иван с печи *слезает*,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет (Ершов).

Таким образом, суть перехода от значения перемены местоположения к значению прекращения или начала функционирования состоит в том, что слабый прагматический компонент – речевая импликатура – втягивается в значение слова, повышаясь до ранга обязательного.

Это преобразование не может происходить само по себе. Оно обеспечивается изменением характера актантов – сужением их тематического класса: в роли Места выступают либо названия мест, которые однозначно связаны с какой-либо деятельностью (в *кино* смотрят фильмы, в *школе* учатся и т.п.), либо названия мероприятий, типичных для этих мест, ср. (30) и (31):

(30) А прежде *на вечерах она сбегала*, как только начинались танцы [т.е. сбегала с вечеров].

(31) К доске не вызывали, не надо было каждый день уроки учить, да и *с лекций сбегать* проще простого (корп.).

Точно так же осуществляется переход от значения перемены местоположения к значению функционирования при образовании производных значений у бытийных глаголов: Место становится более специализированным или же заменяется на мероприятия, ср. *был в театре / на спектакле*, тем самым обеспечивая обязательность импликатуры ‘тем самым участвовал в деятельности: смотрел пьесу’.

Предположение о том, что правилом перехода от основного значения к производному может быть повышение статуса прагматического компонента, подтверждается данными диахронических исследований. Как показывает Э. Трауготт, анализируя развитие полисемии английского временного союза *so long as*, база для семантического изменения возникает тогда, когда какая-либо речевая импликатура начинает регулярно индуцироваться избыточным контекстом, приобретает значимость для речевого сообщества и делается конвенциональной (Traugott 1998).

Роль импликатуры («следствия», «возможного последствия», «импликации») при образовании производных значений, сопровождающемся меной тематического класса, рассматривается в работах (Кустова 1995) и (Падучева 1998б). Интересно, однако, что при преобразованиях, рассматриваемых в работе Е.В. Падучевой, компоненты обязательно обмениваются коммуникативными статусами – при переводе возможного следствия на уровень ассерции, ассерция уходит в фон, например:

(32) Банка *треснула* =
Экспозиция – X был целый
произошло нечто
это вызвало
Новое состояние – в X–е имеется разлом <центр>
возможное последствие – X издал звук: треск
<периферия>

(33) Что-то *треснуло* в овраге – это медведь =
произошло нечто
возможно – разлом X-а
это вызвало
Последствие – X издал звук: треск <центр>
(Падучева 1998б: 35–36).

Анализ глаголов движения позволяет предположить, что есть и другие возможности: для образования нового значения, принадлежащего другому тематическому классу, достаточно, как показывают примеры (30) и (31), просто перевода слабого прагматического компонента на уровень обязательного, не влекущего за собой вытеснение ассерции в фон.

Значение существования

Производные значения существования, которые регулярно появляются у глаголов движения вниз наряду с значениями функционирования, также имеют инцептивные и финитивные приращения, вследствие чего глаголы могут значить 'прекратить существовать', как в примерах (34) – (36), и 'начать существовать', как в примере (37):

(34) А когда *сошел* снег [=прекратил существовать], детдом повезли в эвакуацию на Большую землю.
(35) Она села на сено, спиной к солнцу, и почувствовала, что успокаивается, что краснота с лица *сходит*, что теперь все хорошо.
(36) Так любил ходить в лес, что весь менялся, вся сонная лень одним махом *слетала* с него.
(37) Корабль *сошел* со стапелей / автомобиль сошел с конвейера [=начал существовать].

Рассмотрим, на чем основана связь между движением вниз и началом или прекращением существования. Два компонента ситу-

ации движения вниз – начало/прекращение пребывания в каком-либо месте и появление в поле зрения Наблюдателя / исчезновение из него могут быть частью более общей ситуации начала/прекращения существования в мире. Такое же отношение, но без динамического компонента начала /конца существования фиксируют бытийные глаголы, ср.: «Основным и в некотором смысле единственно принципиальным различием между предложениями, говорящими о существовании во фрагменте мира, и предложениями, говорящими о существовании в мире (в целом), является различие в "объеме" области бытия, достигающем в последнем случае своего максимума» (Шатуновский 1996: 152). Однако, в отличие от связи между существованием во фрагменте мира и существованием в мире вообще, связь между началом/прекращением пребывания в каком-либо месте и началом/прекращением существования в мире является асимметричной: начало/прекращение существования обязательно предполагает начало/прекращение пребывания где-либо; между тем обратное неверно. В предложении

(38) Но прошло и десять минут, а его нету. Радость охватила филиальцев – *сбежал* (Булг.).

сбежать имеет значение 'перестать находиться в зоне говорящего', но не имеет значения 'перестать существовать'; в то же время в предложении

(39) ...связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска *сбежала* с его лица и глаза обессмыслились (Булг.).

сбежать, безусловно, имеет и значение 'перестать находиться в зоне говорящего', и 'перестать существовать вообще'. Поэтому правильнее считать, что начало/прекращение пребывания где-либо не часть, а з н а к начала/прекращения существования вообще. Такое же отношение существует между другим компонентом ситуации движения вниз – появлением чего-либо в поле зрения наблюдателя / удалением из него – и началом / прекращением существования. Появление физического предмета в поле зрения наблюдателя может свидетельствовать о возникновении этого предмета в мире, как показывает следующий пример:

(40) Вновь *появившаяся* морщина еще глубже вырезалась на лбу (Толстой).

Но это необязательно. В примере (41) тот же глагол означает 'появился в поле зрения', но не означает 'начал существовать':

(41) Небольшая их [морских коньков] стайка *появилась* среди водорослей (Катаев, МАС).

А иногда однозначная интерпретация вообще невозможна, ср.

(42) На горизонте *появились* небольшие тучки, которые начали быстро расти.

Здесь неясно, идет речь о появлении в поле зрения в результате перемещения или в результате начала существования[24].

Смена местоположения и появление в поле зрения наблюдателя / удаление из него в реальной жизни сопутствуют друг другу, а иногда вообще плохо различимы. Это демонстрирует, в частности, пример (43), где неясно, идет речь о перемещении какой-либо реальной сущности или же только о появлении в поле зрения / удалении из него какого-либо внешне воспринимаемого признака, ср.:

(43) Паруня подняла голову и какое-то время смотрела сквозь меня без испуга и досады, лишь улыбка медленно *сходила* с ее ярких от земляники губ (корп.).

Отсюда общая связь между сменой местоположения, появлением в поле зрения Наблюдателя и существованием в мире.

Попытаемся теперь проанализировать языковые правила, обеспечивающие возможность перехода от значения смены местоположения к значению существования.

Толкование *сойти* в (44):

(44) С воды *сошел* туман.
(a) до t X находился в Месте – Начальной точке: <презумпция>
покрывал Место
(b) в t<МН шел процесс с X-ом: количество X на поверхности Места уменьшалось
(c) в МН X не находится в Месте <ассерция>
(d) X не существует

[24] На невозможность различения в ряде случаев начала существования и появления чего-либо в поле зрения указывает Е.В. Падучева в работе (Падучева 1997а).

Компонент (c) данного толкования совпадает с компонентом (d) в толковании *сойти* в (26). Компонент (b) заменяет компонент 'X совершил действие' как следствие изменения участников ситуации: в роли синтаксического Субъекта выступают различные массы, неспособные к целенаправленному контролируемому движению. Неясно, однако, происхождение компонента (d) – он не соответствует ни одному из компонентов (обязательных или необязательных) толкования *сойти* в его основном значении. Остается предположить, что это новый компонент. Это противоречит распространенному мнению о том, что образование новых значений всегда идет по линии выветривания исходного значения, но, как кажется, согласуется с тем, что в реальности можно найти и другие случаи появления новых компонентов в производных значениях слова. Таковы, например, различные оценочные компоненты производных метафорических значений – ср. толкования *заткнуть* в основном (45) и производном (46) значениях:

(45) Пуаро *заткнул* бутылку пробкой =
- (a) X действовал: давил на Z и на стенки Прохода Y-а
- (b) шел процесс с Z-ом: Z перемещался в Проходе; количество Z-а в Проходе увеличивалось
- (c) это вызвало
- (d) результат: Z находится в Проходе в таком количестве, что поперечник Прохода полностью заполнен Z. Стенки Прохода сжимают Z
- (e) тем самым существует Преграда для продвижения через Проход (Проход не функционирует)

(46) Толпа быстро *заткнула оратору рот* хохотом и свистом.
- (a) экспозиция: Y действовал: говорил
- (b) в t< МН X совершил действие: произвел Z
- (c) это вызвало
- (d) как бы существует препятствие для продвижения речи через рот Y-а; Y не функционирует
- (e) Говорящий считает: Y-у нанесен ущерб

Чем обеспечивается появление нового компонента 'X не существует' в толковании *сойти*? Как кажется, его источник – общее знание об устройстве мира. О центральных участниках ситуаций, описываемых данными глаголами в значении начала/прекращения существования – различных естественных массах и внешне воспринимаемых признаках – известно, что они не

могут существовать отдельно от какой-либо поверхности. Именно способность существовать отдельно от своего обладателя делала улыбку Чеширского Кота такой необыкновенной. Поэтому утверждение о том, что в момент наблюдения этих участников нет на поверхности, на которой они были до того, без указания, на какой поверхности они находятся, интерпретируется как утверждение о прекращении их существования. Ср. два разных значения *слинять*, модели управления которых различаются присутствием актанта Место – Конечная точка, а толкования – наличием компонента 'X не существует':

(47) Джинсы постирали в горячей воде, и с них *слиняла* краска.
(48) Краска *слиняла* с джинсов на рубашку.

Таким образом, новый компонент *сойти* в значении существования – это вывод (inference), который делается по отношению к ситуации, представленной остальными компонентами толкования, причем его появление – результат изменения тематического класса субъектного актанта.

Механизм появления вывода в толковании сходен с механизмом интерпретации метафорического высказывания: когда расходятся фоновые знания слушающего и условия истинности предложения, слушающий понимает, что буквальное значение предложения нелепо, и переходит к его метафорической интерпретации, см. об этом, например, (Серль 1990). Точно так же, когда есть несоответствие между фоновыми знаниями и ситуацией, которую в совокупности моделируют актанты и компоненты толкования, возникает необходимость другой интерпретации толкования, и эту функцию выполняет «выводной» компонент.

Один из запретов на семантическую деривацию

В рассматриваемый подкласс глаголов движения входит глагол *спрыгнуть*, у которого есть значение прекращения функционирования (*спрыгнул с поезда*), но нет значения прекращения существования. Что мешает данному глаголу развивать это производное значение с помощью тех же правил, которые обеспечивают его у других глаголов рассматриваемой группы?

Необходимое условие появления такого значения, как указывалось, – замена тематического класса Субъекта предложе-

ния. В значении прекращения существования субъектным актантом глагола должны быть, вместо названий живых существ, различные названия природных масс и внешне воспринимаемых признаков. Для *спрыгнуть* это условие выполнить невозможно, потому что *спрыгнуть* описывает действие, предполагающее исходный толчок, создаваемый энергией самого Субъекта движения, т.е. то, к чему неспособны естественные массы и тем более внешние признаки.

* * *

Итак, глаголы движения вниз позволили обнаружить несколько концептуальных структур, лежащих в основе регулярной многозначности ряда русских глаголов: связь между движением вниз и прекращением пребывания в каком-либо месте, между прекращением пребывания где-либо и функционированием, между прекращением пребывания где-либо и существованием. Переход от концептуализации одной ситуации к другой возможен благодаря двум правилам преобразования значений: повышению речевой импликатуры до уровня компонента значения слова и приписывание нового компонента значения – вывода. Эти преобразования значений сопровождаются актантными преобразованиями: в первом случае сужением тематической категории актанта, а во втором – ее сменой. Возникает соблазн предположить, что определенные типы преобразования компонентов значения и типы актантных преобразований сцеплены. Вопросу о том, как меняются тематические категории актантов при переходе значения в другой тематический класс, посвящена Глава III данной работы.

3.

Ментальные значения глаголов движения

В данном разделе Главы I отправной точкой исследования будет не какой-либо тематический класс глаголов движения, но, наоборот, одна модель регулярной многозначности, общая для целого ряда тематических классов глаголов движения. Мы имеем в виду образование ментальных значений глаголов движения. То, что они входят в парадигму регулярной многозначности глаголов

движения, – хорошо известный факт, о котором свидетельствует множество примеров, таких как *Ко мне пришли гости – мысли пришли мне в голову; никого не допускать к себе – не допускать мысли о чем-то; мелькнула чья-то тень и исчезла – мысль мелькнула и исчезла; слезы бежали у нее по щекам – мысли бежали у нее в голове; я вернулся домой – мои мысли вернулись к пережитому* и т.п.[25]

Нас будут интересовать две проблемы, возникающие в связи с наличием у глаголов движения регулярных ментальных значений: во-первых, какая концептуальная структура лежит в основе этой модели регулярной полисемии, и, во-вторых, по каким лингвистическим правилам происходит переход от значения движения к ментальному значению.

Концептуальная основа деривации ментального значения

В (Урысон 1997) было сделано наблюдение о том, что язык может представлять мысли как совершенно независящими от человека, так и частично контролируемыми им. Это полностью справедливо в отношении того, как процесс мышления описывается ментальными значениями глаголов движения.

Производные ментальные значения возникают у глаголов движения обеих основных таксономических категорий – у процессов и у действий. Ментальные значения, производные от глаголов процесса, изображают процесс мышления независимым от человека, а его самого – пассивным наблюдателем происходящего, ср.:

(1) Мне *пришли* в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой (Булг.).
(2) Она [мысль] *улетела*, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить *мелькнувшая* как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль «бессмертие...» (Булг.).

Ментальные значения, производные от глаголов действия, таких как *прийти (пришел к выводу/оценке/мысли)*, *дойти (до мысли)*, *вернуться (к идее)*, наследуют их акциональный

[25] Ряд ментальных предикатов, производных от глаголов движения, приводится в работах (Кобозева 1993) и (Урысон 1997).

компонент. Поэтому они представляют человека активным участником процесса мышления: он думает, рассуждает, как в примере (3), и контролирует свои мысли, как в примерах (4) и (5):

(3) Переписываясь и разговаривая таким образом, они *дошли* до следующего рассуждения (Пушкин).
(4) Пилат *прогнал* эту мысль, и она улетела в одно мгновение, как и прилетела (Булг.).
(5) Я бы хотела знать, где Вы будете, потому что легче и напряженнее думается, если знать, куда мысль свою *направлять* (Кузьмина-Караваева).

В то же время и эти глаголы (в отличие от таких, например, как *придумать (теорию), построить (гипотезу), сформулировать (идею), сочинить (симфонию),* приведенных в (Булыгина – Шмелев 1997), представляющих мысль объектом создания в широком смысле), видят содержание мысли существующим независимо от человека. Таким образом, они сводят активность человека к сознательному направлению усилий на то, чтобы воспринять и сделать своей мыслью уже существующую идею (включить ее в свою личную сферу). В этом ментальные предикаты, производные от глаголов движения, сходны с производными от некоторых других глаголов – например, *открывать/открыть (теорию)* и *обнаруживать/обнаружить (особенности).* Как отмечается в (Булыгина – Шмелев 1997: 165), глагол НСВ в данных парах не может выражать значения целенаправленной деятельности. Тем самым человек в данной ситуации остается наблюдателем, пусть и активным, а в таком случае регулярная многозначность глаголов движения на деле связывает не движение и мышление, а движение и восприятие. Как кажется, следующий пример доказывает правомерность этого утверждения:

(6) Во всем мне хочется *дойти*
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте (Пастернак).

Суть («сердцевина») существует независимо от человека, и его усилия направлены на то, чтобы приблизиться к ней и воспринять ее т.е. постичь. Кстати, сам глагол *постичь* тоже может служить примером связи между движением и восприятием, но уже в этимологическом плане: в своем основном значении

это глагол ментального восприятия (*постигать* 'постепенно уяснять смысл', *постичь* 'уяснить смысл'), в синхронном плане непроизводный; но исторически он образован от основы со значением движения *–стигать*, ср. праслав. **stignoti*, **-stigti*, связанное с *стезя́*, *сто́гна* 'площадь, улица' и родственное лит. *steigtis*, *steiginos* 'торопиться, стараться' (Фасмер).

О существовании связи между движением и зрительным восприятием известно, и лежащая в ее основе концептуальная структура прозрачна: все, что появляется в поле зрительного восприятия, независимо от того, произошло это в результате перемещения, как в примере (7), или начала существования, как в (8), воспринимается как результат перемещения и описывается в терминах движения[26]:

(7) Голые женские тела поднимались между фрачными мужчинами. На Маргариту *наплывали* их смуглые, и белые, и цвета кофейного зерна, и вовсе черные тела (Булг.).
(8) На экран медленно *выплывали* цифры «1952».

Даже если что-то появилось в поле восприятия в результате устранения препятствия, мешавшего зрительному восприятию – например, темноты[27], как в примере (9), это все равно описывается в терминах движения:

(9) Между тем постепенно развидняется; уже различим оранжевый цвет абажура, низко висящего над столом, уже матово светится упитанный бок самовара, который стоит на печи, а сама печь *наплывает* из сумрака и *растет* (Пьецух).

Особенность ментальных предикатов, производных от глаголов движения, состоит в том, что они связывают движение не со зрительным восприятием чего-то внешнего, а с восприятием того, что происходит внутри человека в сфере сознания, ср. пример (10):

(10) Иные воспоминанья внезапно *выплывают* из мрака прошедшего (Тургенев, БАС).

Точнее будет сказать, что языку все равно, о внешней или о внутренней сфере восприятия идет речь, – во всяком случае,

[26] Падучева 1997.

[27] О темноте как о препятствии для зрительного восприятия см. (Падучева 1998в).

он плохо их различает. Это следует, прежде всего, из того, что глаголы зрительного восприятия регулярно описывают явления из сферы сознания, например *видеть (картину – проблему), разбирать (предметы в темноте – задачу), рассматривать (почтовую марку – возможность), пересмотреть (все фильмы – решение)* и т.п., а во-вторых, из того, что явления из сферы сознания регулярно описываются как зрительно воспринимаемые образы, ср. (11), в частности световые, ср. (12):

(11) Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же *мелькнула змейкой мысль* о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного (Булг.).

(12) *...мелькнувшая как молния* и тут же *погасшая* какая-то короткая другая мысль: «бессмертие...» (Булг.).

Возможно, что это неразличение восприятия внешнего мира и мира сознания основано на представлении о том, что глаза могут поворачиваться зрачками внутрь, направляя взгляд вглубь человека[28], ср.:

(13) Гамлет, перестань!
Ты *повернул глаза зрачками в душу*,
А там повсюду пятна черноты (У. Шекспир, перевод Б. Пастернака).

(14) Он увидел лежащего на кровати, побледневшего и осунувшегося молодого человека, <...> *с глазами, то обращающимися куда-то вдаль*, поверх окружающего, *то внутрь самого молодого человека* (Булг.).

Ср. также:

(15) Это лишь казалось, будто взгляд ее устремлен на что-то внешнее, нет, она *всматривалась в себя*, в свое прошлое, несбывшееся, обладавшее над ней магической властью (корп.).

Для того чтобы у глагола движения могло возникнуть производное ментальное значение, помимо прочих условий, необхо-

[28] При этом воспринимается только то, что происходит в духовном мире человека; восприятие того, что происходит в физиологическом мире, описывается (и, значит, происходит по-другому – ср. *Он прислушивался к себе*).

димо, чтобы обязательным участником ситуации стал Субъект восприятия, или Экспериент. Рассмотрим различные возможности вовлечения Экспериента в ситуацию. Это и будут возможные пути перехода глагола от значения движения к ментальному значению. Возможно, что производные ментальные значения прольют некоторый свет на семантику исходных глаголов движения.

Языковые правила перехода от значения движения к ментальному значению

Начнем с наиболее очевидного случая – с дейктических глаголов движения, т.е. таких, в семантику которых Экспериент в ранге За кадром[29] (Наблюдатель) входит изначально, в их основных значениях. Пример такого глагола – *мелькнуть*.

мелькнуть

В число производных значений глагола *мелькнуть* входит ментальное, ср.:

(16) Тут только у наездницы *мелькнула* мысль о том, что она в этой суматохе забыла одеться (Булг.).
(17) И мысль о яде вдруг соблазнительно *мелькнула* в больной голове прокуратора (Булг.).

Рассмотрим толкование *мелькнуть* :

X *мелькнул* у Y-а в Z-е =
до МН Y воспринимал: X не был в Z-е <презумпция>
в МН Y воспринимает: X есть в Z-е, а затем X-а нет в Z-е <ассерция>
в t>МН Y воспринимает: X-а нет в Z-е <импликатив>
Говорящий изображает это как то, что Y видел движение X-а в Z-е

Наблюдатель – обязательный участник ситуации, описываемой основным значением *мелькнуть*, ср. (18) при недопустимости (19):

(18) Быстрые и бойкие шаги вниз; и вот *мелькнула* спина женщины (Булг.).
(19) **мелькнула* моя спина.

[29] О коммуникативных рангах участников см. (Падучева 1998в).

Здесь Наблюдатель неподвижен, а участник, занимающий центральную позицию синтаксического Субъекта, перемещается и попадает в поле восприятия Наблюдателя:

X *мелькнул* =
X двигался в направлении мимо Y-а <фон>
в t<МН Y воспринимал: X-а нет в поле зрения Y-а <презумпция>
в МН Y воспринимает: X есть в поле зрения Y-а, затем X-а нет в поле зрения Y-а <ассерция>
в t>МН Y воспринимает: X-а нет в поле зрения Y-а <импликатив>

Перемещающимся может быть не участник в поле зрения Наблюдателя, а сам Наблюдатель, как в примере (20):

(20) Лошадь пошла галопом. Рядом *мелькнул* школьный двор, школьный сторож старик Габуния, притаившийся в кустах в ожидании разорителей школьного сада, *мелькнули* ребята, стоявшие в калитке их дома, соседские ребята у соседских калиток, *мелькали* прохожие (Искандер).

Тогда центральным участником становится Перцепт[30], а Наблюдатель, который имеет дополнительную характеристику – активность – по-прежнему остается за кадром. Сам глагол *мелькнуть* при этом переходит в тематический класс восприятия. Такая полисемия, возникающая в результате сдвига признака 'активность'с одного участника на другого, типична для глаголов движения, ср. пример из стихотворения И. Бродского «Рождественский романс», где обыгрывается многозначность глагола *плыть*:

(21) *Плывет* в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

[30] Использовать термин Перцепт для обозначения роли воспринимаемого Пациенса было предложено автору Е.В. Падучевой.

Вначале *плыть* интерпретируется как движение Субъекта-Агенса (кораблика), но пятая строка, в которой оказывается, что этот кораблик – фонарик, заставляет переинтерпретировать его значение: на самом деле движется Наблюдатель, а кораблик – Перцепт.

В основе ментального значения *мелькнуть* лежит именно первое значение с пассивным Наблюдателем. При переходе от значения движения к ментальному значению глагола *мелькнуть* происходит изменение коммуникативного статуса Наблюдателя: из участника За кадром (в дейктической рамке) он становится Периферийным участником, ср. *Вдруг у него мелькнула странная мысль*.

По своей семантике глагол *мелькнуть* близок к глаголам *появиться* и *показаться*, в своих основных значениях также предполагающих Наблюдателя в дейктической рамке (Апресян 1995: 378, Падучева 1998г). Однако при этом у *появиться* есть производное ментальное значение, близкое рассмотренному значению *мелькнуть*, ср. (22), а у *показаться* – нет, ср. (23) и (24):

(22) У Ивана *появились* новые соображения.
(23) *У Ивана *показались* новые соображения.

Но:

(24) Ивану *показалось*, что задача очень сложна.

Попытаемся ответить на вопрос, почему это так. В (Падучева 1998г) доказывается, что хотя семантика обоих глаголов предполагает такого участника, как Локус, у *появиться* Локус – личное пространство говорящего, а у *показаться* – это дальнее пространство. Этого различия уже достаточно для ответа на наш вопрос. Глагол *появиться* может иметь значение восприятия мысли, т.к. поле сознания, в котором возникает мысль, принадлежит личному пространству Экспериента. У глагола *показаться*, хоть и есть производное перцептивное значение, но совсем другое: он обозначает восприятие Экспериентом свойства Перцепта, находящегося во внешнем мире. К тому же у *показаться* есть пресуппозиция 'существовало препятствие для воприяния'. Поэтому воприятие, которое обозначает *показаться*, – неверное, как в (25):

(25) ...ему *показалось*, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад (Булг.).

прийти

Переход от значения движения к ментальному значению в семантической структуре глагола *прийти* кажется более сложным, потому что Наблюдатель не является обязательным участником ситуации, описываемой основным значением *прийти*, в отличие от *мелькнуть*. Ср. (26), который показывает, что обязательные актанты *прийти* – Агенс и Место:

(26) Вчера вечером я *пришел* с покойным М.А. Берлиозом на Патриаршие пруды (Булг.).

Но если указание на Место в предложении отсутствует, в роли Места выступает дейктический центр, т.е. то место, в которое помещает себя Наблюдатель, совпадающий либо с говорящим при речевом режиме интерпретации, как в (27), либо с тем, с чьей точки зрения ведется повествование при нарративном режиме[31], как в (28)и (29):

(27) Кто там? Маша *пришла*!
(28) [Степа] условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и *пришел*! (Булг.).
(29) Придя, был встречен домработницей Груней, которая объяснила, что сама она только что *пришла* (Булг.).

Таким образом, Наблюдатель является факультативным участником ситуации, описываемой *прийти*. Появление Наблюдателя в рамке в качестве факультативного участника при удалении указания на место – семантическая модификация достаточно общего характера. В частности, она имеет место в рамках одного значения наречий *вдалеке* и *вдали* (Апресян 1995: 640–641): при нереализованной второй валентности точкой отсчета расстояния до наблюдаемого объекта является место, в котором находится Наблюдатель; при реализованной второй валентности точка задается указанием места и положение Наблюдателя нерелевантно. Переход от основного значения движения *прийти* к производному ментальному в качестве одного из преобразований предполагает повышение статуса Наблюдателя от роли факультативного участника в дейктической рамке до Экспериента в ранге Периферийного участника, ср. (30):

[31] См. (Апресян 1995б: 632) о нарративном дейксисе, (Падучева 1996: 13–14, 169) о речевых режимах.

(30) Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо (Булг.).

Сходным образом происходит переход от значения движения к ментальному значению у целого ряда глаголов удаления *(уйти, убежать, улететь, удалиться)* и у глагола *дойти*, ср. примеры (31) – (33):

(31) Немцы *дошли* до Москвы.
(32) Петя *дошел* последним.
(33) До меня постепенно *дошел* смысл ситуации.

бежать

Бежать отличается от рассмотренных глаголов тем, что в своем основном значении 'перемещаться определенным образом' не предполагает Наблюдателя ни в качестве обязательного, ни в качестве факультативного участника. Возникает вопрос, какое значение этого глагола служит основой для образования ментального. Ментальное значение *бежать* возможно только с множественным Субъектом, ср.:

(34) *Мысль *бежала* у него в голове.
(35) Мысли, которые *бежали* у него в голове, противоречили этому чувству счастья (Симонов).

Приведем толкование этого значения:

Мысли *бежали* в голове у Ивана.

X-ы *бежали* в Z-е у Y-а.

до МН Y воспринимает: в Z-е нет X-ов <презумпция>
в МН Y воспринимает: в Z-е есть x^i, затем Y воспринимает: в Z-е нет x^i и в Z-е есть x^{ii} и т.д. <ассерция>
Говорящий изображает это как то, что Y видел, что X-ы поочередно перемещались в Y-е

Это дает основания предположить, что в том исходном значении движения, которое лежит в основе ментального значения *бежать*, Субъект множественный.

Рассмотрим несколько примеров:

(36) Из кухни в коридор уже *бежал* поток (Булг.).
(37) ...всюду пузырилось, вздувались волны, с крыш хлестало мимо труб, из подворотен *бежали* пенные потоки (Булг.).

(38) Кончались эти баталии одинаково: тетка Нюра, заплаканная, утирая концами головного платка неостановимо *бегущие слезы*, говорила... (корп.).

В примере (37), где Субъект множественный, у *бежать* то же значение, что в примере (36) с единичным Субъектом – 'перемещаться сплошным потоком'. По аналогии с итеративным значением несовершенного вида можно назвать такое значение глагола во множественном числе тривиальным. В примере (38) у *бежать* другое значение: 'появляясь на какой-нибудь поверхности поочередно, перемещаться по ней и исчезать'. Ментальное значение образовано именно от него.

Однако и это значение не предполагает Наблюдателя в качестве участника какого-либо ранга, в то время как в ментальном значении *бежать*, так же, как в ментальных значениях других рассмотренных глаголов, Наблюдатель – обязательный периферийный участник, т.е. Экспериент. Остается предположить, что в данном случае до ранга периферийного участника повышается тривиальный Наблюдатель[32].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Наблюдатель любого ранга легко становится периферийным участником в кадре – Экспериентом. Для того чтобы это произошло, достаточно отсутствия «объективной» точки отсчета или реального места, на котором разворачиваются события; в данном случае они происходят в сознании Экспериента.

Изменение аспектуального поведения глагола

Образование производного ментального значения у глагола движения сопровождается изменением аспектуального поведения. В (Маслов 1948: 315) отмечается, что глагол *прийти* в значении движения, наряду с рядом других глаголов, обозначает факт точечного перехода к новому качеству, и потому невозможно сочетание *прийти* с *постепенно*. В то же время в переносном значении это сочетание возможно, ср. *постепенно пришел к выводу*. То же относится и к глаголу *привести*, ср. *привести домой – постепенно привести к мысли*. Ниже мы попытаемся дать объяснение этим фактам, опираясь на анализ семантики производных ментальных значений глаголов движения, результаты которого были изложены в предыдущем разделе.

[32] О тривиальном Наблюдателе см. (Апресян 1997: XXIX).

Сфера действия наречия *постепенно* в сочетании с глаголами СВ – результат действия/процесса, которые описывает глагол. Поэтому сочетание с *постепенно* возможно только для таких глаголов СВ, которые описывают действия или процессы, связанные с постепенным накоплением результата[33]. При этом совершенно необязательно, чтобы у глагола СВ имелся парный глагол НСВ, имеющий актуально-длительное значение. Например, и *наполнить*, и *выкрасить* (глагол из списка, приведенного в (Маслов 1948: 313)) описывают действия с постепенным накоплением результата (ср. *наполнил бассейн наполовину* и *выкрасил половину забора*) и сочетаются с *постепенно*, но у *наполнить* есть парный глагол НСВ *наполнять*, имеющий актуально-длительное значение, а у *покрасить* – нет (соответствующее значение действия в развитии выражается другим словом – *красить*).

Обратимся теперь к нашим глаголам. Цель действия, описываемого глаголом *прийти* в его основном значении, – перемещение в определенную точку, и результатом этого действия является то, что Субъект движения находится в ней. Этот результат никак не может быть накоплен постепенно – в точке либо находятся, либо нет, и поэтому сочетаемость с *постепенно* для *прийти* в значении движения исключена. В производном ментальном значении *прийти*, как уже говорилось, глагол восприятия. Глаголы восприятия могут описывать действия и процессы с накоплением результата, ср., например, *рассмотреть* и *проступить* в примерах (39) и (40):

(39) Я ее всю *рассмотрел*. Глаз у нее, как новая копейка, желтый и блестит, а клюв лиловый (корп.).

(40) *Проступили* очертания барж и пароходов у пристани (А.Н.Толстой, МАС).

Поэтому они сочетаются с наречием *постепенно* (*постепенно рассмотрел; постепенно проступают / проступили*). Естественное объяснение этой особенности глаголов восприятия – постепенное оформление образа воспринимаемого объекта в поле зрительного восприятия[34].

[33] Ср. замечание Ю.С. Маслова о том, что каждая частица действия, описываемого таким глаголом, непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата (Маслов 1948: 311).

[34] Здесь, как и всюду, речь идет не о реальном процессе восприятия, а о метафоре восприятия – о том, как восприятие изображается языком.

Прийти в ментальном значении ведет себя в соответствии со своим тематическим классом – как глагол восприятия, для которого сочетаемость с *постепенно* совершенно нормальна. Так же ведут себя остальные производные ментальные предикаты, например, *дойти (до мысли)*.

Здесь возможно возражение, заключающееся в том, что и непроизводные ментальные предикаты могут сочетаться с *постепенно* (например *постепенно придумал новый сюжет*), а значит, не нужно обращаться к глаголам восприятия, чтобы объяснить сочетаемость ментального *прийти*, и само отнесение его к глаголам восприятия остается недоказанным. Но сходство производного ментального *прийти* и подобных ему предикатов с глаголами восприятия не ограничивается возможностью сочетаемости с наречием *постепенно*.

Прийти и *дойти* в ментальных значениях могут употребляться в двух конструкциях: 1) с Экспериентом в ранге центрального участника и Пациенсом (Перцептом) – в ранге периферийного, например (41), и 2), где участники обмениваются рангами и Перцепт получает ранг центрального участника, а Экспериент – периферийного, например (42):

(41) Я *пришел* к этой мысли не сразу.
(42) Эта мысль *пришла* ко мне не сразу.

Употребление в таких конструкциях характерно для глаголов восприятия, ср. *Вижу* ворота имения – *виднеются* ворота имения; *слышу* песню – *слышится* песня и т.п.[35]. При этом, если глагол описывает пассивное восприятие, он употребляется в обеих конструкциях, как *видеть* и *слышать*, а если активное – только в одной, как *рассматривать*; в конструкции с Перцептом-Субъектом ему соответствует другой глагол, ср.:

(43) Опершись локтями о песчаный бруствер, он *рассматривал* поле впереди (корп.).
(44) Поле *выглядело* неровным.

Прийти и *дойти* в рассматриваемых значениях ведут себя как глаголы пассивного восприятия. К тому же парные им глаголы НСВ в объективной диатезе так же, как НСВ глаголов пассивного восприятия, могут иметь актуально-длительное значение, ср.:

[35] В рамках данной статьи мы игнорируем различия между возвратными и невозвратными глаголами.

(45) До меня постепенно *доходил* смысл происходящего.
(46) Ко мне медленно *приходило* осознание случившегося.
(47) Сквозь оконную марлю, выцветшую от стирки,
проступают ранки гвоздики и стрелки кирхи;
вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно,
но никто не *сходит* больше у стадиона (Бродский).

Все это еще раз доказывает правомерность сделанного нами предположения о том, что наряду с другими ментальными глаголами, производными от глаголов движения, они являются не глаголами мышления, а глаголами ментального восприятия[36].

4.

Глаголы остановки

Цель данного раздела этой главы – рассмотреть модели регулярной многозначности глаголов, у которых пресуппозицию составляет компонент 'X перемещался', а в ассерцию входит компонент 'X прекратил перемещаться': *завязнуть, задержать, задержаться, застопорить, застрять, застыть, затормозить, налететь, наткнуться, осадить, остановить, остановиться, оступиться, поймать, перехватить, придержать, сдержать, сорваться, споткнуться, удержать, упереться*. Эти глаголы можно назвать глаголами о с т а н о в к и; они интересны тем, что, с одной стороны, образуют подкласс глаголов движения, а с другой – подмножество глаголов с компонентом 'прекратить'. Возникает вопрос, как эта особенность влияет на их многозначность.

Компонент 'прекратить', так же, как компонент 'начать', не представляет ни одного из участников денотативной ситуации и никак не влияет на тематический класс глагола[37]. Можно предположить поэтому, что список тематических классов, по которым распределяются производные значения глаголов остановки, ограничен теми же классами, что у остальных глаголов движения. В него могут войти тематический класс глаголов об-

[36] О связи характера диатез с принадлежностью глагола тематическому классу см. (Atkins a.o. 1988), (Levin 1993).

[37] Е.В. Падучева предлагает называть такие компоненты значения «строевыми» (устное общение).

ладания (точнее, передачи собственности), как в (1), функционирования, как в (2), существования, как в (3), и восприятия – зрительного, как в (4), и ментального, как в (5)[38]:

(1) Левий ... молча и быстро *взял* с прилавка то, чего лучше и быть не может, – отточенный, как бритва, длинный хлебный нож, и тотчас кинулся из лавки вон (Булг.).
(2) Потом ее обогнали другие лошади, и она сама *сошла с круга* (корп.).
(3) Корабль *сошел* со стапелей / автомобиль *сошел* с конвейера.
(4) Вместо него одного под ногами у Маргариты *возникло* скопище крыш, под углами перерезанное сверкающими дорожками (Булг.).
(5) Мне *пришли* в голову кое-какие новые мысли.

Про глаголы с компонентом 'прекратить' известно, что они образуют производные значения с компонентом 'начать', например 'прекратить находиться где-либо' – 'начать находиться где-либо', как в (6), или 'кончиться, быть израсходованным' – 'начать существовать', как в (7):

(6) а. Уже почти совсем стемнело, когда Галина *вышла* из рощи.
б. После ужина все *выходили* в сад и разбредались по дорожкам (примеры из Апресян 1995: 494).
(7) а. Вся мука *вышла*.
б. Из килограмма муки *вышел* большой пирог (примеры из Апресян 1995: 497, 500).

Деривационное правило, которое применяется в данном случае, описано – это сдвиг коммуникативного статуса компонентов толкования, в результате которого следствие становится ассерцией, ср. толкование *выйти* в примере (5а) и (5б):

Галина *вышла* из рощи.

X *вышел* из Y-а.

до t<МН X находился в Y-е <презумпция>
в t<МН X совершил действие: переместился из Y-а <ассерция>
тем самым результат: X-а нет в Y-е

[38] Концептуальная основа и правила деривации этих значений рассматриваются в наст. издании, с. 60–74.

X находится в Z-е <следствие>

Все *вышли* в сад.

X *вышел* в Z.

до t<МН X находился в Y-е <презумпция>
в t<МН X совершил действие: переместился из Y-а в Z <ассерция>
тем самым результат: X находится в Z-е

Зная семантику производящего значения с компонентом 'прекратить', в частности зная характер следствия, легко вывести семантику производного значения. В нашем случае это значит, что от любого значения глагола остановки можно образовать производное значение с компонентом 'начать'.

На деле все обстоит сложнее: производные значения с компонентом 'начать' есть совсем не у всех глаголов с компонентом 'прекратить'. Подклассы с компонентом 'прекратить' обнаруживаются у глаголов разных тематических классов, например у глаголов движения (глаголы движения вовне: *выйти*, *выбежать*, *выехать* и т.п.; глаголы движения вниз: *съехать*, *спрыгнуть*, *сойти*, *соскочить* и т.п.; глаголы удаления: *отойти*, *отбежать*, *отъехать*, *уйти*, *убежать*, *уехать* и т.п.); у глаголов звучания (*заглохнуть*, *заглушить*, *замолкнуть*, *замолчать*, *смолкнуть*, *стихнуть*, *умолкнуть*, *унять*, *утихнуть*, *притихнуть*), глаголов излучения света (*загасить*, *загаснуть*, *затухнуть*, *затушить*, *потушить*, *потухнуть*, *померкнуть*), глаголов противодействия (*капитулировать*, *помириться*, *сдаться*), глаголов деформации (*бурить*, *деформировать*, *копать*, *пилить*, *рубить*, *сверлить*), глаголов преобразования (*исказить*, *переделать*, *перекрасить*, *преобразить*, *поблекнуть*, *слинять*, *полысеть*), глаголов речи (*оборвать*, *перебить*, *прервать*), глаголов уничтожения (*аннулировать*, *выжечь*, *вырубить*, *искоренить*, *истребить*, *обеззаразить*, *сжечь*, *уничтожить*) и др. При этом производные значения с компонентом 'начать' вообще отсутствуют у глаголов излучения света, глаголов звучания и речи. Хотя эти значения регулярно образуются у глаголов деформации, ср. *бурить* (*землю – скважину*), *сверлить* (*доску – дырку*) (Апресян 1995: 205), производного значения с компонентом 'начать' нет у центрального глагола этого тематического класса *деформировать*. Из числа глаголов уничтожения производное значение с компонентом 'начать' есть только у *выжечь* (*бородавку – клеймо на лбу*) и у *вырубить* (*лес – просеку*). Производные значения с

компонентом 'начать' регулярно образуют глаголы движения вниз, ср. *сбежать (со ступенек – на землю)*, но их вообще нет у глаголов удаления, а среди глаголов движения вовне такое значение есть у *выйти* и *выбежать*, но отсутствует у *выехать* и *вылететь*. Очевидно, что на применение правила деривации значений с компонентом 'начать' от значений с компонентом 'прекратить' есть ограничения.

Ограничения на деривацию значений с компонентом 'начать'

а. Возможность смены фокусировки

Повышение следствия до статуса ассерции при образовании значения с компонентом 'начать' отражает смену фокусировки: в примере (6) в исходном значении в кадре Начальная точка перемещения (*вышла из рощи*), а в производном – Конечная (*вышли в сад*); в примере (7) в исходном значении в кадре Средство (*Вся мука вышла*), а затем – Результат (*вышел пирог*). Иными словами, в основе повышения статуса следствия – один из видов метонимического переноса: перенос по смежности. Можно предположить поэтому, что необходимое условие применения данного деривационного правила – реальная возможность перемещения взгляда наблюдателя.

Если результат и следствие неотделимы друг от друга, они попадают в поле зрения только одновременно, и смены фокусировки не может произойти. Это объясняет, почему производных значений с компонентом 'начать' нет у перечисленных глаголов звучания и глаголов излучения света: моменты начала нового состояния (тишины или темноты) и прекращения предшествующего состояния (звучания или излучения света) у них совпадают. Точно так же у глаголов речи совпадает момент, когда один участник ситуации прекратил говорить и момент, когда другой начал, как в примере (8), или момент, когда прекратилась тишина, и момент, когда кто-либо начал говорить, как в примере (9):

(8) Вы говорите три минуты, – сквозь щелчок в трубке вмешался в разговор, *прервал* их чужой голос (Бондарев, МАС).

(9) Несколько минут продолжалось затруднительное молчание; наконец, доктор *прервал* его, обратясь к Грушницкому (Лермонтов, МАС).

В отличие от этого, в ситуациях, описываемых глаголом *выйти*, как в значении движения вовне в примере (6), так и в значении создания в примере (7), прекращение исходного состояния и начало конечного состояния разделено в пространстве и во времени, и это обеспечивает возможность смены фокусировки.

6. Сочетаемость компонента 'прекратить'

Можно дать и другое объяснение того, почему для некоторых классов глаголов подъем следствия до статуса ассерции невозможен. Оно основывается на анализе сочетаемости компонента 'прекратить'.

Место компонента 'прекратить' (или выражающего его отрицания) в толковании глагола – всегда в строке 'результат', но в ней 'прекратить' может сочетаться с разными компонентами. Это процессуальный компонент, как в примере (10):

(10) Лампа *погасла*.
X *погас*.

до t<МН шел процесс: X горел <презумпция>
в t<МН произошло нечто
это вызвало <ассерция>
Результат: новое состояние: X не горит

В примере (11) 'прекратить' сочетается с локативным компонентом:

(11) Корабль *сошел* со стапелей.
X *сошел* с Z.

до t<МН X находился в Z
в t<МН X переместился вниз
это вызвало
Результат: в МН X не находится в Z

В примере (12) – с бытийным компонентом:

(12) Крестьяне *вырубили* лес.
X *вырубил* Y.

до t<МН Y существовал
в t<МН X действовал: воздействовал на X
это вызвало: процесс в X-е: количество X-а уменьшалось
Результат: X не существует

Компонент ‘прекратить’ может также сочетаться с характеризующим компонентом, как в примере (13):

(13) Рабочий *пробурил* стену.
X *пробурил* Y.

до t<МН Y был целый
в t<МН X действовал: воздействовал на Y с помощью Z
это вызвало:
Результат: Y не целый; в Y-е существует отверстие

Результаты сочетаний ‘прекратить’ с разными компонентами толкования различаются. Прекращение действия или процесса означает просто отсутствие этого действия или процесса, т.е. состояние покоя без каких-либо других следствий, а прекращение какой-либо локализации не означает отсутствия локализации вообще; его следствие – какая-либо другая локализация. Прекращение существования X-а означает, что X не существует, а следствие отрицания какого-либо признака – существование какого-либо другого признака.

Глаголы звучания и глаголы излучения света – одноместные предикаты процессов, и в их толкованиях компонент ‘прекратить’ может сочетаться только с процессуальным компонентом; поэтому у них нет следствий, которые могли бы стать основой для производных значений с компонентом ‘начать’.

в. Наблюдаемость следствия

Для всех перечисленных глаголов движения сформулированные нами условия применимости правила деривации значений с компонентом ‘начать’ соблюдены: моменты прекращения одного состояния (‘X прекратил быть в исходной точке’) и наступления другого состояния (‘X начал находиться в конечной точке’) в описываемых ими ситуациях не совпадают, а компонент ‘прекратить’ в их толкованиях присоединяется к локативному компоненту. Поэтому для объяснения того, почему, в отличие от глаголов движения вниз, производных значений с компонентом ‘начать’ нет у глаголов удаления и у некоторых глаголов движения вовне, необходимо дополнительное условие.

Глаголы движения вниз и такие глаголы движения вовне, как *выбежать* и *выйти*, представляют оба состояния – и исходное, и конечное – как наблюдаемые, например *сошел (с крыльца – на площадь)*, *выбежал (из дома – на улицу)*. Тем временем глаголы удаления представляют как наблюдаемое только исходное состояние, например *уехал из Москвы*. Даже при указании конечной точки, например *уехал в Питер*, ее достижение – только возможная перспектива, и естественно, что она недоступна наблюдению. Это же относится и к глаголам *выехать* и *вылететь*, в отличие от глаголов *выйти* и *выбежать*. Промежуток времени, который может пройти между прекращением одного состояния и началом другого состояния в ситуациях, описываемых глаголами *выехать* и *вылететь*, может быть очень большим в силу характера действия, описываемого основой, и эти глаголы представляют конечное состояние только как достижимое в перспективе, т.е. недоступное для непосредственного наблюдения.

г. Альтернативность результата

В ситуациях, описываемых глаголами деформации, прекращение исходного состояния Пациенса отделено во времени от его конечного состояния, и оба состояния наблюдаемы; тем не менее не все глаголы деформации имеют производные значения с компонентом 'начать'. Еще одно условие применимости правила повышения следствия до уровня ассерции – нетривиальность результата. В ситуации, описываемой глаголом *выполоть*, результат тривиален – это удаление сорной травы, а в ситуации *вырубить* и *вытоптать* – нет, поскольку эти глаголы допускают альтернативу: воздействие на весь Пациенс или только на его часть, например *вырубить лес – вырубить просеку (в лесу)*, *вытоптать поляну – вытоптать тропинку (на поляне)* и т.п. В случае воздействия на часть Пациенса возникает новый Объект, так что результат нетривиален. Результат действия, описываемого глаголом *деформировать*, тривиален – это потеря Пациенсом исходной формы; в то же время глагол *гнуть*, относящийся к тому же тематическому классу, что и *деформировать*, допускает альтернативу: с одной стороны, тривиальный результат действия – Пациенс перестает быть прямым, а с другой стороны, нетривиальный результат – возникновение нового предмета, например обруча.

Регулярная многозначность глаголов остановки

Рассмотрим теперь возможность образования производных значений скомпонентом 'начать' от каких-либо значений глаголов остановки. Глаголы остановки могут быть каузативными (*остановить*, *затормозить* и др.) и некаузативными (*остановиться*, *задержаться* и др.). Семантически исходные и более простые – некаузативные глаголы остановки[39]. Таксономическая категория этих глаголов – происшествие. В их толкованиях отрицание присоединяется к процессуальному компоненту, как у *остановиться* в примере (14):

(14) Шарик *остановился*.

X *остановился*. <X – ПРЕДМЕТ>

в t<МН шел процесс: X перемещался <презумпция>
в МН началось состояние: X не перемещается <ассерция>

Это значит, что у них не может быть следствий, на основе которых возникали бы производные значения с компонентом 'начать'.

В ситуации движения, описываемой некаузативными глаголами остановки, всего один участник – Субъект движения. Присутствие отрицания в ассертивной части толкования этих глаголов запрещает выражение такого возможного участника ситуации, как способ движения. Поэтому единственной основой для производных значений становится Субъект движения, а единственное правило деривации, которое может быть применено в этом случае – это замена тематического класса участника и его роли. ПРЕДМЕТ, обладающий способностью к самостоятельному движению (или движению под действием силы тяжести), может быть заменен, например, на лицо, а роль Пациенс – на Агенс. Возникает значение действия, в толковании которого есть новый компонент 'X действовал с целью', как у *остановиться* в примере (15):

[39] Мы исходим из соображения о том, что все живые существа наделены способностью к самостоятельному перемещению, а многие предметы могут перемещаться под действием силы тяжести. Доказательства в пользу того, что семантически исходными являются непереходные глаголы движения, приводятся в (Levin, Rappaport 1995: 110) и далее.

(15) Шариков *остановился*.

X *остановился*. < X – ЛИЦО>

до t< МН X действовал: перемещался
в t<МН X совершил действие с целью
это вызвало
в МН наступило новое состояние: X не перемещается

Толкования каузативных глаголов остановки включают в себя толкования некаузативных, добавляя к ним компонент воздействия, отражающий присутствие в описываемой ситуации еще одного участника – Агенса, ср. толкование *остановить* в примере (16):

(16) Профессор *остановил* Шарикова.

X *остановил* Y-а.

до t< МН Y перемещался
в t<МН X совершил действие с целью: воздействовал на Y-а
это вызвало
результат: в МН имеет место состояние: X не перемещается

При этом каузативные глаголы остановки разрешают выражение способа воздействия, как, например, *удержать* в примере (17):

(17) Наездница *удержала* коня на краю пропасти.

X *удержал* Y-а.

до t<МН Y перемещался
в t<МН X совершил действие с целью:
воздействовал на Y-а определенным способом: оказывал давление руками
это вызвало
в МН наступило состояние: Y не перемещается

Таким образом, у каузативных глаголов остановки, по сравнению с некаузативными, появляются два дополнительных источника многозначности. Можно заранее предположить, что возникновение новых значений может идти по линии замены тематического класса Агенса – обычно ЛИЦО заменяется на СИЛУ, в результате чего от значения действия образуется значение происшествия, как, например, у глагола *залить* (см. настоящее издание, с. 155–157):

ника *взор* и *внимание* – Пациенс. Но совершению выбора предшествует сопоставление членов множества выбора, в котором заняты сразу все инструменты восприятия и мышления – взгляд, внимание и разум. Поэтому можно предположить, что происходит метонимическая замена инструмента действия на его результат.

Значения глагола *задержать* распределяются по тем же тематическим классам, что и у *остановить*, но при этом добавляется еще один класс – ОБЛАДАНИЕ, ср.:

ЗАДЕРЖАТЬ

I. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

I.1. 'прекратить перемещение на время', действие: *задержать бегущих*.

I.2. 'прекратить перемещение, тем самым лишив свободы', действие: *задержать преступника*.

II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

II.1. 'отсрочить совершение действия', действие: *задержать выдачу визы;* Она... вдруг *задержала* меня, когда я уже садился в сани (Бунин).

II.2. 'на время прекратить физиологическую деятельность', действие: *задержать дыхание*.

III. ВОСПРИЯТИЕ

'привести инструмент восприятия в активное состояние', действие: *задержать взгляд* (Булг.).

IV. ОБЛАДАНИЕ

'не переместив объект, продолжить временное обладание им': *Задержать* библиотечную книгу на две недели.

В основном значении глагола *задержать* легко появляется компонент способа действия – 'воздействуя рукой / руками', благодаря которому возникает следствие 'Объект находится в руках у Субъекта', например:

(22) Он *задержал* ее руку в своей большой руке и посмотрел ей в глаза (Бунин).

Этот компонент в свою очередь служит основой для возникновения значения обладания.

В значении обладания у *задержать* есть фазовый компонент 'продолжить'. Значения обладания возникают у *задержать*

на основе способа остановки – ‘руками’. Благодаря ему, у значения *задержать* I.1.3. есть следствие ‘X находится в руках у Y-а’, которое легко становится основой для производного значения обладания, повышая в нем свой статус до ассертивного. Фазовый компонент ‘продолжить’ возникает благодаря пресуппозиции этого значения *задержать* – ‘у X был Y’, ср.:

(23) Он *задержал* ее руку в своей *большой руке*.

X задержал Y-а в Z-е.
У X-а в Z-е был Y <презумпция>
существовала вероятность, что Y переместится из Z-а
X совершил действие: воздействовал на Y-а с помощью Z-а
это вызвало
Y продолжил находиться в Z-е
тем самым X продолжил иметь Y-а

Производные значения обладания есть и у остальных глаголов остановки, в значение которых входит способ ‘руками’, т.е. у глаголов с основой *держать (удержать, придержать)* и у глаголов *перехватить* и *поймать*, но фазовые компоненты у них разные. В производных значениях обладания глаголов *перехватить* и *поймать*, в отличие от *задержать*, *удержать* и *придержать*, не имеющих презумпции ‘у X-а был Y’, это компонент ‘начать’.

Такое преобразование имеет место и у глаголов других тематических классов, описывающих ситуации, включающие воздействие руками, например *оторвать (лист – куртку)* (сленг) ‘купить’; *стянуть (скатерть со стола – книгу из библиотеки)* (сленг) ‘украсть’; *зажать (камень в руке – деньги)* (разг.) ‘не отдав, продолжить обладание’ и др., ср.:

(24) Смотри, какую он себе куртку вчера *оторвал*.
(25) *Зажали* деньги-то, папенька (Островский, МАС).

В заключение приведем распределение значений с различными фазовыми компонентами по отдельным глаголам в таблице:

	прекратить			начать		продолжить
	Перемещение	Деятельность вообще	Физиологич. деят.	Восприятие	Обладание	Обладание
остановить	*коня*	*выдачу виз*		*взгляд*		
задержать	*врага*	*выдачу виз*	*дыхание*	*взгляд*		*библиотечную книгу*
затормозить	*машину*	*выдачу виз*				
застопорить	*машину*	*выдачу виз*				
осадить	*коня*					
перекрыть	*движение /воду*					
перехватить	*знакомого на улице*		*улыбку*		*донесение*	
поймать	*преступника*		*улыбку*	*бабочку*		
придержать	*коня*					*деньги*
сдержать	*коня*		*дыхание*			
удержать	*коня*		*улыбку на лице*			*радость*

5. Изменение тематического класса глаголов при деривации сленговых значений

Рассмотрим теперь, как меняются тематические классы глаголов, в своих основных значениях принадлежащих литературному языку, при образовании производных сленговых значений и какие концептуальные структуры лежат в основе этих изменений.

Производные сленговые значения развиваются у целого ряда глаголов литературного языка, принадлежащих различным тематическим классам. Прежде чем привести их список, нужно исключить из него случаи псевдосемантической деривации – т.е. те случаи, когда глагол, образованный каким-либо другим способом, омонимичен существующему глаголу литературного языка и воспринимается как его производное значение, не являясь им. Существует несколько причин, по которым возникает такая омонимия, – ассимиляция заимствований, калькирование, эвфемистические замены, деривация сленговой лексемы от той же основы, что и производного слова литературного языка.

Пример заимствованного глагола – *ловить* 'зарабатывать деньги, подрабатывать'. По всей видимости, этот глагол образован от сленгового существительного *лавэ* 'деньги', в свою очередь представляющего собой заимствование из цыганского языка. Как все сленговые лексемы, этот глагол преимущественно использовался и используется в устной речи, где в безударной позиции *-а-* основы сленгового глагола *лавить* неотличимо от *-о-* основы литературного *ловить*. В результате сленговый глагол *лавить* переосмысляется носителями языка как производное значение литературного *ловить*. Семантика глагола *ловить* не противоречит этому, так как в своем основном значении глагол *ловить* описывает действие 'перемещаться за движущимся Объектом с целью остановить руками его перемещение', результат которого – 'иметь Объект', т.е. тот же, что и у сленгового значения *ловить* 'иметь деньги'.

Случай совпадения существующей лексемы литературного языка со сленговой лексемой, возникшей в результате калькирования, иллюстрирует глагол *держать* в выражении *держать (кого-то за кого-то)* 'считать кого-то кем-то', 'приписывать кому-то какую-то характеристику', например:

а. Провал в Большом театре. За кого нас *держат*? За папуасов? (МК 7.07.93) .
б. Операции, которые они [сотрудники ФСБ] проводят, порой поражают... полным пренебрежением к общественному мнению. Если сказать проще, нас по-прежнему продолжают *держать* за дураков (Нов. Изв. 14.10.2000).

Выражение *держать кого-то за кого-то* – калька с идиша (ср. Far veimen halts du mikh?), и поэтому значение сленго-

вого *держать* – не результат семантической деривации от основного значения литературного *держать* 'взяв предмет в руки, каузировать его находиться в этом положении', но буквальный перевод глагола haltn.

Пример омонимии, вызванной эвфемизацией, – сленговый глагол *заколебать*, 'вывести из себя', маскирующий известный матерный глагол с приставкой *за-*.

Пример формального совпадения результатов деривации сленговой и литературной лексем – глагол *оттянуться*. Сленговое *оттянуться* 'получить удовольствие' – результат семантического развития возвратного глагола, образованного от сленгового *оттянуть* 'совершить половой акт' (Балдаев и др.), и не имеет никакого отношения к литературному *оттянуться* 'отойти назад'. Точно так же сленговое *тащиться* 'получать удовольствие' никак не связано с литературным *тащиться* 'тяжело и медленно идти'. Скорее всего, глагол *тащиться* в сленге возник под влиянием сленгового глагола *оттянуться*, так как основы *тянуть* и *тащить* синонимичны.

Маскировка под семантическую деривацию вообще характерна для сленга. Известны случаи псевдосемантической деривации существительных – *памятник* 'член общества «Память»', производное слово, образованное с помощью суффикса *-ник* от названия общества, *фанера* 'фонограмма', образованное от усечения слова *фонограмма* с помощью суффикса *-яр(а)* и др. (см. подробнее Введение).

Приведем список глаголов литературного языка, имеющих производные сленговые значения[43]:

положение Субъекта в пространстве: стоять, торчать
положение Объекта в пространстве
– поддержание положения Объекта в пространстве: *держать*
– нарушение положения Объекта в пространстве: *дернуть, рвануть*
движение Субъекта
– направленное

[43] Иерархическое представление тематических классов – модификация формы, разработанной в работах П. Фабер и ее соавторов, например в (Faber 1994), (Faber a. Mairal Uson 1994) и др.

– – вверх: *взлететь*
– – вниз: *посыпаться, запасть*
– – внутрь: *врубиться, въехать*
– – под другой предмет: *подставиться*
– – от исходной точки: *отчалить, сняться, отвязаться, разбежаться*
– – – отделение от целого: *обломаться, обломиться, оторваться*
– – мимо конечной точки: *залететь, пролететь*
– – с поверхности: *слинять, смыться*
– ненаправленное
– – по окружности: *крутиться*
– отсутствие движения: *отдыхать*
НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ: *проколоться*
КОНТАКТ С ПОВЕРХНОСТЬЮ: *прикалываться, приколоться*
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА
– ненаправленное
– – в нескольких плоскостях: *кантовать*
– – по окружности: *крутить, раскрутить*
– направленное
– – от исходной точки: *подвинуть, тормозить*
– – от Субъекта: *гнать, кинуть*
– – – части тела: *достать (книгу рукой)* ‘дотронуться’
– – – другому лицу: *дать*
– – сверху вниз: *опустить, сбросить*[44], *свалить, толкнуть*
– – к Субъекту: *брать, принять, хапнуть*
– – за Субъектом: *увести, волочить, таскать, тащить, тянуть*[45]

[44] В общем жаргоне происходит декаузативация: *сброситься* образовано так же, как *скинуться* от *кинуть*.

[45] В основе жаргонного значения – не значение движения, основное для *тянуть*, а характеристика веса, ср. Ожегов–Шведова **тянуть** 14. То же, что весить (в 1 знач.) (разг.). *Сверток тянет пять килограмм*; МАС 21. Разг. Иметь тот или иной вес, весить. *Ящик тянет пять кг*. Между литературным значением и сленговым (или разговорным, ср. Ожегов–Шведова **тянуть** 15. перен., *на кого-что*. Удовлетворять необходимым требованиям, соответствовать чему-н. (разг.). *Исследование вполне тянет на диссертацию. Он не тянет на бригадира).* – промежуточное значение ‘стоить’, например *Этот ананас тянет на 100 рублей*, не отмеченное ни в одном из словарей.

– – мимо Субъекта: *пропустить*
– – с поверхности: *снять, скатывать, слизать, сдирать, стрясти*
– – – тела Субъекта: *раздеть*
– – от ориентира: *отвалить (камень)*
– – – отсоединение: *отстегнуть*
– – – – от стержня: *отмотать, отмотаться*
– – – отделение части
– – – – жидкости: *отлить*
– – – – предмета: *обломить, отрубить(ся), оторвать*
– – к ориентиру: *подгрести, привалить*
– – присоединение: *пристегнуть, склеить, припаять*
ПОМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА
– под другой предмет: *подставить*
– на поверхность: *поставить*
– – оказывая давление Инструментом, распространить: *подмазать, размазать*
– на более высокий предмет: *подсадить*
– в поверхность другого предмета: *вмазать, впаять, врезать*
– во вместилище: *грузить, нагрузиться, набраться*
– по периметру: *обложить*
– за другой предмет: *задвинуть*
– на стержень: *замотать*
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ
– на поверхность: *накрыть, начистить, обуть, отмыть / отмывать, раздеть, шерстить, тяпнуть*
– на физические свойства:
– – на плотность: *прессовать, развести*
– – на температуру: *подогреть*
– – на форму: *размазать*
– – на количество: *поддать*
– – на целостность: *бомбить, расколоть, трахнуть, проколоться*
– – на физическое состояние
– – – удаление жидкости: *выкрутить*
– – – помещение в жидкость: *замочить*
– – контактом со светом: *засветить, засветиться*
– силой
– – ударами
– – с помощью длинного гибкого инструмента: *хлестать-ся, сечь*

УНИЧТОЖЕНИЕ ОБЪЕКТА
– использование: *употребить*
– живого существа
– – резкими ударами
– – – с помощью Инструмента: *зарубить*
ПРЕКРАЩЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
– Субъекта: *отключиться*
– Объекта: *вырубить*
СОЗДАНИЕ ОБЪЕКТА: *сделать*
– с помощью обработки: *квасить*
– – большого количества: *наварить*
– соединением частей: *шить, склеить*
УПРАВЛЕНИЕ
– с помощью речи: *заказать, списать*
– людьми: *строить (солдат)*
ИЗДАВАНИЕ ЗВУКА: *гудеть, свистеть, стучать, хлопнуть, шуршать*
ИЗЛУЧЕНИЕ СВЕТА: *светиться, светить*
ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ
– телодвижения: *вздрогнуть, напрячь (мышцы), расслабиться*
ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА
– целостности: *проколоться*
– физического: *заржаветь*
– удаление поверхностного слоя
– – жидкости: *утереться*
– создание поверхностного слоя: *накрыться, намылиться*
СУЩЕСТВОВАНИЕ: *возникать*
ОБЛАДАНИЕ
– передача другому лицу: *дать, сдать*
– за деньги: *продать*
– – на время: *заложить*
– приобретение: *достать, получить*
– – от другого лица: *принять*
– – – за деньги
– – – – в постоянное пользование: *купить*
– – – – во временное пользование: *снять*
– – – без согласия Контрагента: *хапнуть*
СОСТОЯНИЕ ПОКОЯ: *отдыхать*
МЫШЛЕНИЕ: разобраться

Среди литературных глаголов, способных иметь производные сленговые значения, преобладают глаголы физического действия. Это, в частности, глаголы движения, перемещения Объекта и его помещения куда-либо, глаголы физического воздействия, деформации и физического уничтожения Объекта, глаголы изменения физического состояния, создания, глаголы излучения света, звука и глаголы физиологических действий. Глаголы, описывающие другие области жизни – социальные отношения, эмоциональную и ментальную сферы деятельности человека, – практически не участвуют в деривации сленга: глаголы эмоций не представлены в этом списке вообще, из ментальных в нем есть только один глагол *разобраться*, а из глаголов, описывающих социальные отношения, представлен ряд глаголов передачи собственности (*купить*, *сдать*, *продать*) и глагол *вписаться* 'оформить пребывание на чужой жилплощади'.

Приведем теперь список тематических классов сленговых глаголов, образованных как производные значения глаголов литературного языка:

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВООБЩЕ: *возникать, шуршать*
– замедленная: *тормозить*
– намерение: *намылиться, разбежаться*
– бездействие: *отдыхать*
– прекращение деятельности: *завязать*
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ
– ненаправленное: *кантовать(ся)*
– направленное
– – из дейктического центра: *отвалить, рвануть, свалить, отчалить, слинять, смыться*
– – к дейктическому центру: *подгрести, привалить*
ФИЗИОЛОГИЯ
– отправления: *отлить*
– секс: *дать, трахнуть*
– рождение детей: *настрогать*
ВЫПИВКА
– выпить разовую «дозу» (рюмку / стакан) алкоголя: *вздрогнуть, взять (на грудь), дернуть, принять (на грудь), пропустить (стаканчик), тяпнуть, употребить*
– выпить не очень большое количество: *расслабиться*
– слегка опьянеть: *поддать*
– пить систематически: *закладывать, поддавать*
– долго, много пить: *гудеть, квасить*

– сильно опьянеть: *нагрузиться, набраться, нажраться*
воздействие
– эмоциональное: *достать, замотать*
– давление (моральное / физическое): *прессовать, наехать*
– ударами: *вмазать, впаять, врезать, начистить*
– быть объектом ударов: *получить*
– уничтожить: *заказать, замочить, списать, размазать, хлопнуть*
– прекратить функционирование чего-то: *вырубить*
МЕНТАЛЬНАЯ СФЕРА
– понимание: *волочь, сечь, въехать, врубиться*
– – замедленное: *тормозить*
– намерение: *намылиться, разбежаться*
– перспектива: *светить*
– воздействие на психику: *грузить*
ВОСПРИЯТИЕ:
– зрительное: *накрыть, засветить*
– быть на виду: *светиться*
– прекращение восприятия: *отрубиться, отключиться*
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА
– удовольствие: *оттянуться, оторваться, взлететь*
– восторг: *торчать, тащиться (от кого-то / чего-то)*
– увлеченность другим человеком: *запасть на кого-то*
– раздражение: *достать, заколебать, напрячь/напрягать*
СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА
– поведение: *отвязаться*
– потерпеть неудачу: *посыпаться*
– – в планах: *проколоться, пролететь, нагореть (с чем-то на сколько-то)*
– – забеременеть вопреки желанию: *залететь*
– быть замеченным: *засветиться, светиться*
– изменение социального статуса
– – понижение: *задвинуть, опустить, подвинуть, размазать*
– – повышение: *раскрутить*
– – поставить в уязвимое положение: *подставить, подставиться*
– конфликт: *разобраться*
– реакция на оскорбление или обиду: *утереться*
– взять верх над кем-то: *сделать кого-то*
– руководить: *строить*
– социальный контакт

– – знакомство с целью вступить в сексуальный контакт: *снять*
– – брак: *склеить*
– создать привычку у кого-либо: *подсадить кого-то на что-то;*
– обмануть: *кинуть, обломить, купить, наколоть, косить от чего-то*
– – в финансовой сфере: *обуть, обштопать*
– проехать без билета: *вписаться*
– *перспектива*: светить

РЕЧЬ

– говорить неправду: *гнать, свистеть*
– ругать: *обложить*
– шутить: *прикалываться, приколоться*
– ерничать: *хлестаться*

ОБЛАДАНИЕ

– *приобретение*: оторвать, обломиться *(без усилий со стороны Субъекта)*
– – без согласия, быстро: *хапнуть*
– – насилием: *раздеть*
– – *обманом*: обуть
– – тайно: *увести, стянуть*
– – – присвоение чужого текста: *сдирать, слизать, скатать*
– продажа: *толкнуть*

ДЕНЬГИ

– добывание денег: *бомбить, выкрутить, кинуть (на), развести (на деньги), расколоть (на), снять, стрясти*
– помещение денег в оборот: *крутить*
– накопление: *наварить, накрутить*
– передача денег: *отслюнить, отстегнуть*
– возвращение долга: *замотать, заржаветь (за мной не заржавеет)*
– дать взятку: *подмазать, подогреть*
– получение обманным путем: *кинуть, обуть, наколоть (на деньги), обштопать*
– легализация денег / собственности: *отмыть, отмываться*
– стоить: *тянуть (на)*
– зарабатывать: *крутиться*

СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СФЕРА

– водить на допросы: *таскать*
– предать: *сдать, продать, заложить*

– арестовать: *брать*
– создавать обвинение: *шить дело, повесить (на)*
– *присоединить к делу*: *пристегнуть*
– оказывать давление, чтобы добиться признания: *прессовать*
– добиться признания: *расколоть*
– дать срок: *впаять, припаять*
– отбыть срок: *оттмотать*
– избавиться от наказания: *оттмотаться*
СУЩЕСТВОВАНИЕ
– прекратить существовать: *накрыться*
УПРАВЛЕНИЕ
– с помощью речи: *строить*

По сравнению с тематическими классами мотивирующих их глаголов литературного языка, тематические классов сленговых глаголов в целом сдвигаются в направлении от физических действий к социальной, ментальной и эмоциональной сфере.

Правда, эти сферы представлены в сленге фрагментарно, с уклоном в какую-то одну сторону.

В том ментальном мире человека, который описывает сленг, нет места для мыслительной деятельности человека. Сленг охватывает только ментальные состояния – понимание и намерение. Эмоциональная сфера представлена двумя полюсами – удовольствием и раздражением; весь диапазон чувств, которые один человек может испытывать по отношению к другому, в сленге сведен к увлечению (*запасть на кого-то*), а воздействие одного человека на другого – к глаголу *грузить*. Из всех типов восприятия сленг описывает только зрительное.

В сленге есть несколько глаголов речи, но большая их часть описывает либо насмешливую (ироническую, шутливую), либо оскорбительную речь. Речь в ее основной, информационной функции, описывают всего два глагола (*гнать* и *свистеть*), но и они являются глаголами обмана.

Хотя сленг и описывает физические действия, они представлены в нем очень скудно. Весь мир физического существования и деятельности человека сведен к четырем аспектам: перемещение, физическое воздействие на другого человека, выпивка и физиология, причем наиболее разработанный аспект – выпивка. Физическое воздействие на человека сводится к сексуальному воздействию, воздействию ударами и уничтожению человека. Физиология человека – как ее видит сленг – включает три фун-

кции, которые описывают немногочисленные глаголы: физиологические отправления, сексуальный контакт и деторождение. Что же касается перемещения, то при том, что литературные глаголы движения – один из мощных источников сленговых значений, сленговые глаголы движения малочисленны. К тому же виды перемещения, которые они описывают, ограничены перемещением по горизонтали – в направлении от дейктического центра (*отвалить, рвануть, свалить, отчалить, слинять, смыться*) или к нему (*подгрести, привалить*); один глагол (*кантоваться*) описывает ненаправленное перемещение. В отличие от глаголов литературного языка, ни один из сленговых глаголов не имеет в своем значении такого признака, как способ перемещения.

Из социальной сферы жизни человека в сленге детально представлено отрицательное влияние на изменение социального статуса человека (на фоне четырех глаголов понижения социального статуса (*задвинуть, опустить, подвинуть* и *размазать*) и двух, описывающих ситуацию попадания в уязвимое положение (*подставить, подставиться*), всего один глагол его повышения (*раскрутить*)). Сленгом хорошо разработана область обмана: невыполнение данных обещаний (*обломить, кинуть, наколоть*), обман в финансовой сфере и сфере бизнеса (*кинуть на сколько-то, обштопать, обуть*) и различные типы неудачи – провал в какой-то ситуации (*посыпаться*), неудача в планах (*проколоться, пролететь*), неудача в бизнесе или финансовая неудача (*нагореть с чем-то*), неудачная попытка остаться незамеченным (*засветиться*), наступление нежелательной беременности (*залететь*).

Сферы, наиболее полно представленные в сленге, – это финансовая и правовая. В финансовой сфере сленговые глаголы описывают ситуации добывания и зарабатывания денег, их накопление, легализацию и передачу. В правовой сфере сленговые лексемы описывают этапы, предшествующие суду – предательство (*заложить, продать, сдать*), арест (*брать*), создание обвинения (*шить дело, повесить (на), пристегнуть*), вождение на допросы (*таскать*), оказание давления с целью добиться признания (*прессовать, расколоть*), последующее избавление от обвинения с помощью ложных показаний (*отмотаться*), вынесение приговора об осуждении на определенный срок (*впаять, припаять*) и отбытие срока (*отмотать*).

В целом, по сравнению с литературным языком, сленг описывает мир человека гораздо более тенденциозно и грубо, упрощая его и выпячивая отдельные – отрицательные – аспекты.

Тематические классы глаголов сленга отличаются от классов глаголов литературного языка своей структурой. Внутри каждого тематического класса, описывающего какую-либо область реальности, глаголы литературного языка образуют разветвленную иерархию, в которой каждый глагол детализует описание фрагмента этой области, добавляя к центральному глаголу данного класса какой-либо семантический признак. Эту особенность глаголов литературного языка можно продемонстрировать на примере любого тематического класса. Так, глаголы движения (см. список) делятся на глаголы направленного и ненаправленного перемещения, а в рамках каждого из этих подклассов делятся дальше – на глаголы движения вверх, вниз, внутрь и т.п. В рамках подгрупп каждый глагол отличается от остальных одним или несколькими признаками – например, в подгруппе глаголов движения внутрь *врубиться* и *въехать* различаются характером конечной точки и способом перемещения. *Врубиться* описывает перемещение внутрь какого-то твердого предмета или множества предметов с помощью рубящего инструмента, а *въехать* – перемещение внутрь замкнутого участка пространства или помещения с помощью транспортного средства, например:

а. В одном маленьком городишке безусый пьяный корнет *врубился* с шашкой в толпу евреев, у которых он предварительно «разнес пасхальную кучку» (Куприн).
б. Через три дня Копенкин возвратился, он *въехал* в город шагом на похудевшей лошади и сам дремал на ней (Платонов).

Тематические классы глаголов сленга, как правило, устроены по-другому: у них нет центральной лексемы, а между глаголами, которые в них входят, нет отношений подчинения, т.е. они не образуют иерархических структур. При этом во многих случаях глаголы одного тематического класса различает только звуковая оболочка, но не семантические признаки. Те же глаголы *въехать* и *врубиться* в сленге имеют значение ‘понять’ и ничем не отличаются друг от друга. Глаголы *волочь* и *сечь* (что-то / в чем-то) – абсолютные синонимы со значением ‘разбираться в чем-то’, а в литературном языке они вообще принадлежат разным тематическим классам. Абсолютные синонимы представляют собой и сленговые глаголы восторга *торчать* и *тащиться* (*от кого-то / чего-то*).

(18) а. Маша *залила* картошку водой и поставила ее на огонь.
б. Вешние воды *залили* луга.

Вторая возможная линия образования новых значений – на основе использования каких-нибудь характеристик способа действия.

Проверим правомерность всех сделанных предположений, рассмотрев значения двух каузативных глаголов остановки – *остановить* и *задержать*.

Значения *остановить* – центрального глагола группы – распределяются по трем тематическим классам – перемещение, деятельность и восприятие:

ОСТАНОВИТЬ
I. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ
'прекратить перемещение'
I.1. действие: Коня на скаку *остановит*, в горящую избу войдет.
I.2. происшествие: Осенняя погода *остановила* наступление белых.
II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
II.1. 'прекратить деятельность', действие: Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не *остановишь* (корп.). Двинулись по своим местам, но не успели сесть, как, против своего желания, запели. *Остановить*, – но не тут-то было (Булг.)
II.2. 'предотвратить действие'
II.2.1. действие: Тетка бросилась было подставлять ей скамеечку, но мать *остановила* ее (корп.).
II.2.2. происшествие: Левий тут же хотел взвалить его [тело Иешуа] на плечи, но какая-то мысль *остановила* его. (Булг.).
III. ВОСПРИЯТИЕ
'прекратив перемещение инструмента восприятия и тем самым фиксировав его, привести его в активное состояние'[40]
III.1. действие: Он *остановил* взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изло-

[40] Ср. МАС: задержать, сосредоточить, направить на кого-, что-л. (взор, взгляд, внимание, мысль и т.п.).

манное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце (Булг.);

III.2. происшествие: Одна фигура *остановила* его внимание – вся в черном: очевидно, вдова (корп.).

Противоречат ожиданиям только значения действия и происшествия под номером III, потому что у них есть компонент 'начать': 'привести инструмент восприятия в активное состояние' значит 'начать воспринимать'. Но здесь компонент 'начать' возникает в силу особой природы Субъекта движения – *взора*, *взгляда*, *внимания*, (инструментов восприятия[41]), для которых равномерное перемещение соответствует если не состоянию бездействия, то пассивности, а состояние неподвижности – активному функционированию. Это синтаксически обусловленное значение (Апресян 1995е), требующее обязательного выражения участника Место, например:

(19) *Он *остановил* свой взгляд.

Его синтаксическая обусловленность полностью проявляется у некаузативного глагола, ср.:

(20) а. Его взор *остановился* на верхних этажах.
б. Его взор *остановился*.

Без участника Место *остановиться* имеет значение 'прекратить функционировать', вызывающее инференцию (вывод) 'Посессор умер'.

Возникает вопрос, что представляет собой значение *остановить* в словосочетании *остановить выбор*, ср.:

(21) Долго раздумывал Иван Васильевич, на ком из местных юристов остановить свой выбор (Мамин-Сибиряк, МАС).

В МАСе это словосочетание приводится под тем же номером значения, что и *остановить взгляд*, *взор*, *внимание*.

Семантическая роль участника, выраженного синтаксическим Объектом *выбор* – Результат[42], в то время как роль участ-

[41] О том, что *взгляд (взор)* в наивной картине мира является инструментом восприятия см. (Урысон 1999).

[42] См. об этом (Падучева 1999д).

Еще один интересный пример того же рода – глаголы снятия поверхностного слоя *содрать*, *слизать*, *скатать*. В литературном языке они отличаются друг от друга такими семантическими признаками, как характер поверхностного слоя и способ его снятия. *Содрать* описывает ситуацию снятия слоя, плотно прилегающего к поверхности места, с помощью воздействия на его край силой (*содрал кору с березы*); *слизать* – снятие языком жидкого или полужидкого слоя, находящегося на поверхности предмета (*слизал сметану с края банки*), а *скатать* – пластичного слоя (например, ткани) путем заворачивания одного из его краев внутрь (*скатал ковер*). В сленге все эти глаголы – абсолютные синонимы, имеющие значение 'списать чужой текст'.

Эти и множество подобных примеров приводит к выводу, что для сленга, в отличие от литературного языка, важно только обозначить какой-то фрагмент реальности, но не разрабатывать его. Распространенность абсолютных синонимов в сленге – явление совершенно нехарактерное для литературного языка – можно объяснить тем, что появление каждого из синонимов было вызвано необходимостью обновить номинацию, характерной для сленга, а не необходимостью зафиксировать словом какую-то новую концептуализацию ситуации.

Случаи регулярной связи между тематическим классом мотивирующего и производного сленгового значения не очень многочисленны. В числе примеров – переход от тематического класса глаголов снятия с поверхности к глаголам кражи, в том числе к глаголам кражи текста, например *стянуть (скатерть со стола – книгу из библиотеки)*, *стащить (ботинки с ног – чемодан у пассажира)*, *слизать (пенку с варенья – сочинение* [со страницы][46], *скатать (ковер – контрольную)*, *содрать (кору с дерева – сюжет)*. Другой пример – связь между глаголами помещения Объекта внутрь другого Объекта и глаголами удара, ср. *вмазать (стекло в стену – [0] в морду противнику)*, *врезать (замок в дверь – [0] сопернику)*.

В то же время другие сленговые глаголы демонстрируют обратное – отсутствие связи между тематическими классами мотивирующих и производных глаголов. Хорошая иллюстрация – глаголы выпивки, один из самых обширных тематических клас-

[46] Квадратными скобками обозначается участник ситуации, не получающий выражения.

сов сленговых глаголов. В своих исходных значениях мотивирующие их глаголы принадлежат самым разнообразным тематическим классам, ср.:

Тематический класс мотивирующего значения	Пример	Тематический класс производного значения
Изменение положения	*дернуть (шнурок)*	выпивка
Помещение куда-либо	*заложить (топор за пояс)*	
Приобретение	*принять (подарок)*	
Разрешение перемещения	*пропустить (пешехода)*	
Увеличение количества	*поддать (пару)*	
Обработка	*квасить (капусту)*	
Производство звука	*гудеть, хлопнуть*	
Физиологические телодвижения	*вздрогнуть расслабиться*	

Глава II

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СДВИГИ

Данная глава книги посвящена проблеме связи между тематическим классом глагола, его семантикой и деривационными отношениями между категориальными значениями его лексем совершенного и несовершенного вида, т.е. такими значениями, как действие, процесс, состояние, происшествие и т.п.

В первом разделе данной главы мы рассмотрим семантику и полную категориальную парадигму глаголов полного охвата – таких как *покрыть*, *усыпать*, *залить* и т.п.

Второй раздел посвящен семантике глаголов обладания и деривационным отношениям между их категориальными значениями, в частности способности глаголов обладания образовывать актуально-длительное значение и значение предстояния.

В третьем разделе этот же вопрос ставится в отношении глаголов, которые мы назвали глаголами с встроенным компонентом движения.

В четвертом разделе данной главы рассматриваются деривационные отношения между двумя категориальными значениями вне связи с каким-либо тематическим классом – между значениями действия и происшествия в литературном языке и сленге.

1.

Таксономическая категория и категориальная парадигма глагола (на примере глаголов полного охвата)[47]

Предмет рассмотрения данного раздела Главы II-ой – глаголы типа *заваливать, застилать, затягивать, наполнять, усыпáть*, которые мы называем, вслед за Ю.Д. Апресяном и Ч. Филлмором, глаголами полного охвата объекта действием (Апресян 1974: 279–280; Филлмор 1981: 528). Мы попытаемся показать, что многие особенности языкового поведения этих глаголов: синтаксическая сочетаемость, регулярная многозначность, синонимические трансформации, семантика видовых форм – могут быть выведены из их лексической семантики.

Мы покажем, что глаголы полного охвата образуют один из таких классов, характеризуясь определенным набором семантических признаков, с одной стороны, и общими особенностями языкового поведения – с другой.

Семантические компоненты толкования глаголов полного охвата

Достаточно представительный список глаголов полного охвата, общим числом около 200, приводится в работе В.И. Гавриловой (Гаврилова 1973). Отдельные глаголы этой группы рассматривались другими авторами (Апресян 1967: 111, 179; Апресян 1995а: 210, 279–280, 282, 314; Гловинская 1982; Мельчук 1974: 358; Филлмор 1981: 513, 519–529; Филлмор 1981: 439–440; Падучева 1989 и др.).

[47] Данная часть книги отражена в статье, написанной в соавторстве с Е.В. Падучевой (Падучева, Розина 1993).

Глаголы полного охвата характеризуются целым рядом общих особенностей поверхностного поведения (большая их часть отмечена в Гаврилова 1973):

1) Регулярная многозначность типа «действие – процесс – состояние», ср.:

(1) *Сторож наполняет бассейн водой* (действие);
(2) *Вода постепенно наполняет бассейн* (процесс);
(3) *Вода наполняет бассейн до краев* (состояние).

2) Квазисинонимические трансформации:

I. *Сторож наполнил бассейн водой – Вода наполняет бассейн*;
II. *Сторож наполнил бассейн водой – Вода в бассейне*;
III. *Залить бак бензином – залить бензин в бак* (см. Апресян 1967: 132; Апресян 1995а: 279–280; Филлмор 1981: 440; Филлмор 1981: 513, 528).

Трансформация 1 отражает тот же самый семантический феномен, что и регулярная многозначность, ср. примеры (1) и (3). Трансформация II выражает некое отношение семантического следования. Трансформация III допустима лишь для очень небольшого числа глаголов, но именно она имеет, как мы увидим, принципиальное значение для семантической идентификации данной группы глаголов.

Наша задача – представить глаголы полного охвата как семантический класс, т.е. выявить в толкованиях глаголов этой группы общие семантические компоненты, которые дадут возможность сделать получение их списка формальной процедурой. Кроме того, мы претендуем на то, что предлагаемый нами анализ семантики этих глаголов объяснит указанные особенности их языкового поведения – регулярную многозначность и трансформации.

Глаголы полного охвата имеют следующий набор общих семантических компонентов:

1) Субъект воздействует на Средство[48], а именно:
2) Субъект перемещает Средство в направлении Объекта;

[48] Средство, согласно (Апресян 1995г: 128) – это такой участник ситуации, который расходуется или, по крайней мере, связывается в ходе деятельности Субъекта. В самом деле, в ситуациях, описываемых глаголами полного охвата, Средство должно пребывать в определенном месте, см. компоненты (2) и (5).

3) Субъект приводит Средство в контакт с Объектом или определенной его частью (поверхностью, периметром, поперечником, близлежащим пространством);
4) контакт Средства с Объектом или с указанной частью Объекта – полный или, по крайней мере, мыслится как полный [ср. *усыпать (сцену цветами)* – 'полностью', и *посыпать (голову пеплом)* – возможно, 'частично'; *усыпать* – глагол полного охвата, *посыпать* – не глагол полного охвата].
5) Средство не устраняется из Объекта после достижения контакта; более того, этот контакт и составляет цель Субъекта [ср. ситуацию, описываемую глаголом *стрелять (из лука):* стрела – тоже Средство, и стрельба тоже подразумевает контакт Средства с Объектом – мишенью; но цель стреляющего– поразить мишень, а не оставить в ней стрелу].

В толкованиях отдельных слов к компонентам 1 – 5 добавляются другие, у каждого глагола свои; но эти компоненты есть у всех глаголов полного охвата.

Глаголы полного охвата, как явствует из нашего описания, входят в число глаголов физического действия – в том смысле, что предполагают физическое воздействие Субъекта на что-то, см. компонент 1, ср. об этом (Wierzbicka: 174). При этом у глаголов полного охвата имеются следующие особенности, выделяющие их среди других глаголов физического действия.

Первая особенность в том, что Субъект воздействует не на Объект (см. компонент 1), хотя нормой для семантики переходного глагола является воздействие Субъекта на Объект, т.е. на актант, который входит в перспективу[49]. В самом деле, Объект – это объект воздействия – непосредственного, как, например, в семантике глаголов *взять, погладить (рукой),* или через посредство Инструмента, как, например, в ситуации, описываемой глаголами *разрезать, разрубить.* Между тем в слу-

[49] По Филлмору, входят в перспективу, т.е. находятся на переднем плане, Субъект и Объект – те актанты глагола, которые выражены, соответственно, подлежащим и дополнением. Остальные актанты являются периферийными (Филлмор, 1981б: 522). Ср. в учении о падеже Р. Якобсона противопоставление периферийных падежей, в частности творительного и дательного, центральным (полным) – именительному и винительному (Якобсон 1985: 152) и понятие синтаксической перспективы (Якобсон 1985: 143).

чае глагола полного охвата Субъект воздействует на Средство, т.е. на актант, не входящий в перспективу, периферийный.

Вторая особенность в том, что воздействие Субъекта (на Средство) сводится к перемещению Средства (см. компоненты 2, 3), хотя, заметим, идея перемещения в большинстве глаголов рассматриваемого класса выражена неэксплицитно, ср. весьма типичный для этой группы глагол *наполнять*.

Третья особенность, отраженная в компонентах 2, 3, 5, состоит в том, что Объект у этих глаголов – это по существу конечный пункт, в который Субъект перемещает Средство, т.е. Место – актант, который по своей роли в ситуации является периферийным и не должен был бы входить в перспективу.

Возможно, для уточнения состава класса глаголов полного охвата нужно указать такие компоненты, которые не должны входить в толкование. Так, воздействие Средства на Объект, если оно имеет место, не должно менять сущностных свойств Объекта, т.е. размеров, цвета, формы и под.; поэтому, например, *стягивать* принадлежит к глаголам полного охвата, поскольку структура Объекта полностью восстанавливается после удаления Средства, а глагол *сгибать* – не принадлежит, поскольку обозначает необратимую деформацию объекта (о необратимых состояниях см. Недялков, Яхонтов 1983): *покрасить*, *побелить* не относятся к глаголам полного охвата, поскольку краска и известка вступают в связи *с* поверхностью Объекта, а *покрыть* (в том числе слоем краски) – глагол полного охвата, так как он представляет краску просто находящейся на поверхности Объекта (и, следовательно, она может быть легко удалена). Средство лишь связывается с Объектом, но не вступает с ним в плотный контакт.

Итак, оказывается, что глаголы полного охвата по своей семантике, в частности по набору актантов, являются глаголами перемещения, но отличаются от них перспективой по Филлмору: имеют сдвинутую п е р с п е к т и в у – периферийный актант Место возвышается у них до роли Объекта, т.е. актанта, входящего в перспективу, а Объект воздействия трактуется как Средство и оформлен грамматически не как прямое дополнение, а периферийным падежом.

Этот факт дает объяснение сразу нескольким интересным особенностям языкового поведения глаголов данной группы.

1) Начнем со свойственной этим глаголам трансформации вида *залить бак бензином – залить бензин в бак* (ср. также

забить расщелину камнями – забить камни в расщелину; набить карманы орехами – набить орехи в карманы и т.д.). Суть этой трансформации в том, что она «нормализует» перспективу, превращая глагол полного охвата в обычный глагол перемещения: актант, выражающий Место (конечный пункт движения), превращается из центрального (объектного) в обычный периферийный. Поскольку в русском языке перспектива имеет тенденцию «запаиваться» в семантику глагола, трансформация этого вида возможна далеко не для всех глаголов полного охвата; так, допустимо *заполнить бассейн водой,* но не **заполнить воду в бассейн.* В некоторых случаях такая перестройка актантов сопровождается изменением приставки, ср. *надеть комбинезон на ребенка – одеть ребенка в комбинезон; постелить скатерть на стол – застелить стол скатертью* и под.[50].

2) Получает объяснение тот семантический вклад, который вносит в семантику глагола полного охвата его надежная рамка: актант Место, делаясь центральным, приобретает специфическую роль Объекта, п о л н о с т ь ю охваченного действием, что отмечено Филлмором, ср. пример из (Филлмор: 513, 528):

I loaded the truck with hay.

'Я нагрузил грузовик сеном' – грузовик полон

I loaded hay onto the truck.

'Я нагрузил сено на грузовик' – нет такой импликатуры.

В таком случае неудивительно, что семантический класс глаголов полного охвата можно задать не только через набор семантических компонентов, как это было сделано выше, но и на уровне набора семантических ролей: глаголы полного охвата – это действия, имеющие, кроме, естественно, Субъекта-Агенса, актан Средство, а также такой актант, который с точки зрения его роли в ситуации является Местом, а с точки зрения роли в перспективе – Объектом.

В число актантов глагола полного охвата может входить также Инструмент – как посредник при воздействии Субъекта на Средство (*Чем ты наполнял ванну? – Ведром*; или – *Шлангом*), хотя обычно Инструмент является посредником при воздействии Субъекта на Объект. Средство может в принципе не только располагаться в контакте с Объектом, но и оказывать на него воздействие, не превращаясь при этом в Инструмент. При этом характер воздействия ограничен – это может быть воздей-

[50] Примеры этого рода рассматриваются в (Апресян 1995г: 279–280).

ствие типа давления, ср. *стягивать (талию поясом)*, или типа деформации упругости, ср. *набивать (подушку соломой)*.

Отличить Средство от Инструмента позволяет наша Трансформация 1– в примере (а), где она возможна, творительный падеж выражает Средство, а в (б), где невозможна, – Инструмент:

(а) *скрепил документы булавкой – булавка скрепляет документы;*
(б) *скрепил документы сшивателем – *сшиватель скрепляет документы.*

Ниже приводится список глаголов, толкование которых включает семантические компоненты 1 – 5 и которые, следовательно, должны быть причислены к глаголам полного охвата (поиск по актантам в принципе должен дать тот же список):

забить1 (щель паклей) / (листья – решетку тротуара); забить2 (окно досками); завалить (вход камнем) / (камень – вход); завершить (стену зубцами); загородить1 (подходы к зданию баррикадами) / (обвал – вход в долину); загородить2 (лицо газетой); загромоздить (комнату книжными шкафами); закамуфлировать (крышу дома зеленой тканью); закончить (шаль бахромой); закрепить (лист на стене булавками); закрыть1 (кастрюлю крышкой); закрыть2 (лицо вуалью) / (тучи – небо); закрыть3 (Каренин закрыл Анну собой); закупорить (бутылку пробкой); залепить (дырку пластилином) / (снег – стекла машины); залить1 (рыбу вином) / (вешние воды – луг); залить2 (горлышко бутылки сургучом), замусорить (комнату бумагами); занять (всю комнату чемоданами); заполнить (траншею камнями) / (камни – траншею); запрудить (толпа улицу (собой)) / (река – долину); заслонить (лицо газетой) / (тучи – солнце); засорить (раковину очистками) / (листья – решетку тротуара); заставить (комнату кроватями); застелить (стол скатертью) / (слезы – глаза); заткнуть (бутылку пробкой) / (комок травы, принесенный ручьем – норку); затянуть1 (сцену кумачом) / (ряска – пруд); затянуть2 (талию поясом); захламить (всю комнату своими вещами); изолировать (провод пластмассовой трубкой); испещрить (весь лист рисунками); набить (портфель книгами); наводнить (рынок товарами) / (река – долину); накрыть (стол скатертью) / (тьма – землю); наполнить (бассейн водой) / (вода – яму); начинить (бомбу порохом); обвить (древко копья золотым шнуром) /

(плющ – здание); облепить (тумбу объявлениями) / (снег – стекла автомобиля); обметать (платок шелком) / (сыпь – губы); обрамить (зеркало фотографиями); обтянуть (футляр тисненой кожей) / (кожа – лицо); огородить (дачу высоким забором); оживить (платье воротничком); окаймить (вышивку орнаментом); окружить (войска крепость (собой)) / (крепость рвом); окутать (плечи шалью); оплести (руль цветными проводками) / (плющ – ствол дуба); опоясать (себя кушаком); опутать (столб колючей проволокой) / (вьюнок – куст); отгородить (столовую от детской тонкой перегородкой); отграничить (свой участок от соседнего забором); отделить (часть комнаты перегородкой); перегородить (проезд машинами) (обвал – ущелье); перекрыть (улицу грузовиками); переполнить (ванну водой) / (вода – ванну); перетянуть (талию поясом); перехватить (волосы лентой) / (рыдания – горло); подпереть (изгородь жердью); покрыть (стол скатертью) / (снег – землю); преградить (всадник нам дорогу (собой)) / (обвал вход в ущелье); прикрыть (ребенка одеялом) / (снег – опавшие листья); присоединить (вагон к составу железной петлей); пронзить (сердце Амура стрелой) / (стрела – сердце); пропитать (коржи сиропом) / (влага – землю); прослоить (коржи кремом); проспиртовать (алкоголь – тело пьяницы насквозь); разделить (участок забором на две части) / (река – берега); распереть (крышу балкой) /(воздух – воздушный шар); расцветить (ткань яркими цветами); расширить (юбку клиньями); связать (Москву с Петербургом железной дорогой); сдобрить (баранину чесноком); скрепить (листы скрепкой); соединить (Строгино с Москвой мостами); сочленить (части конструкции железными стержнями); стянуть (талию поясом); венчать (голову монарха короной); увешать (стены картинами); увить (колонны дома цветами) / (плющ – стены дома); удлинить (платье воланом на 10 см); украсить (елку игрушками); укрыть (ребенка одеялом до подбородка) / (снег – землю); умастить (тело благовониями); унавозить (землю перегноем); унизать (елку игрушками); уравновесить (чашки весов гирями); усеять (тротуар окурками) / (звезды – небо); уставить (комнату шкафами); устелить (пол коврами) / (листья – поляну); усыпать (сцену цветами) / (болячки – тело).

Роль компонента в структуре категориальной парадигмы

Итак, мы показали, что предложенный нами набор семантических компонентов глаголов полного охвата позволяет дать естественное объяснение одному важному их поверхностному свойству – трансформации III, связанной с изменением перспективы. Теперь мы покажем, что те же толкования позволяют объяснить свойственную этим глаголам регулярную многозначность, а также трансформацию I, которая непосредственно связана именно с этой многозначностью. Трансформация II не требует специального комментария, поскольку объясняется непосредственно компонентами 2 и 3 толкования.

Регулярную многозначность мы представим как наличие у глагола категориальной парадигмы (как оказалось, для глаголов полного охвата признак принадлежности к Т-категории является не ингерентным, как для большинства других глаголов, которые в норме принадлежат к какой-то одной Т-категории, а флективным в смысле Т.В. Булыгиной (Булыгина 1980). Имеется четыре варианта категориальной парадигмы и, соответственно, четыре типа глаголов.

I. Тип *наполнить*

Т-категория	НСВ	СВ	Пример
Действие	+	+	*Сторож медленно наполняет / наполнил бассейн.*
Процесс	+	+	*Вода постепенно наполняет / наполнила бассейн.*
Состояние	+	0	*Вода наполняет бассейн до краев.*

В типе 1 глагол НСВ, обозначающий действие или процесс, входит в предельную видовую пару *с* соответствующим глаголом СВ. Глагол состояния, естественно, не входит в предельную пару. Такую же категориальную парадигму, как *наполнить*, имеют глаголы:

забить1, завалить, загородить, закрыть2, залепить, залить1, заполнить, застелить, затянуть1, накрыть, облепить, окутать, покрыть, прикрыть, пропитать, распереть, стянуть, укрыть, усеять, устелить, усыпать.

Это единственный тип с полной парадигмой – у всех остальных глаголов полного охвата категориальная парадигма в том или ином отношении дефектна.

II. Тип *обвить*

Т-категория	НСВ	СВ	Пример
Действие	+	+	*Она обвивает / обвила голову лентой.*
*Процесс	–	+	*Плющ обвил колонны старого дома.*
Состояние	+	0	*И мирный плющ их* [копья] *обвивает.*

Глаголы типа *обвить* не имеют парного НСВ со значением процесса; они могут обозначать (в СВ) только происшествия, как в примере выше, причем в ряде случаев имеет место окказиональное метонимическое употребление глаголов: *Пробка плотно заткнула бутылку* и под. К тому же типу, что *обвить*, относятся глаголы:

закрепить, закрыть1, закупорить, залить2, заткнуть, затянуть2, изолировать, испещрить, набить, начинить, обметать, обрамить, обтянуть, огородить, оградить/окаймить, окружить, оплести, опоясать, опутать, отгородить, отграничить, отделить, перегородить, перекрыть, перетянуть, перехватить, присоединить, пронзить, прослоить, расцветить, расширить, скрепить, соединить, сочленить, увенчать, увешать, увить, украсить (елку игрушками), умастить, унавозить, унизать, уснастить, уставить.

III. Тип *засорить*

Т-категория	НСВ	СВ	Пример
*Действие	–	+	*Сосед *постепенно засоряет / засорил мусоропровод газетами.*
Процесс	+	+	*Нерастворимые осадки постепенно засоряют / засорили фильтры.*
Состояние	+	0	*Нерастворимые осадки засоряют все фильтры.*

Глаголы типа *засорить* не обозначают действие, а употребляются только в значении происшествия с действующим

Субъектом или действия с акцентом на результате: парный НСВ не имеет у них актуально-длительного значения. К типу *засорить* принадлежат также глаголы *загородить2, загромоздить, заслонить.*

IV. Тип *оживить*

Т-категория	НСВ	СВ	Пример
*Действие	–	+	*Она *оживляет / оживила платье белым воротничком.*
Процесс	–	+	*Белый воротничок *постепенно оживляет / оживил платье.*
Состояние	+	0	*Белый воротничок оживляет платье.*

Этот тип сочетает дефекты типов II и III. Он представлен глаголами:

забить2, завершить, закамуфлировать, закрыть3, замусорить, занять, запрудить, давить, захламить, испещрить, наводнить, переполнить, преградить, разделить, связать, сдобрить, удлинить, украсить (бантом), уравновесить.

Поскольку набор компонентов, по которым отбирались глаголы, был ориентирован на глаголы действия, в наш список вошли только акциональные глаголы полного охвата. Между тем существуют процессы полного охвата, не имеющие соответствующих действий:

обволакивать, заплетать (плющ – изгородь), затуманивать, застилать – застлать (слезы застилают глаза; пар застлал горячим облаком баню), изъязвлять, налипать, обагрять, обволакивать, убелять (седины – голову).

Процессы полного охвата могли бы быть представлены парадигмой:

Т-категория	НСВ	СВ
*Действие	–	–
Процесс	–	+

У глаголов процесса роль Субъекта действия замещена Источником энергии (природной силой), а роль Средства – Пациенсом процесса, референциально тождественным Источнику энергии (см. наш анализ источников энергии процессов выше).

Вернемся теперь к истолкованию регулярной многозначности «действие – процесс – состояние». Одноименные действие и процесс никогда не описывают одну и ту же ситуацию, ср.:

(1) а. *Я завалил вход в пещеру камнями* (в первичном понимании – потому что мне так было надо, например, чтобы никто не мог туда проникнуть);
б. *Камни завалили вход в пещеру* (сами по себе; возможно, для меня это плохо; например, я не могу туда проникнуть).

Поэтому неверно было бы представить смысл (1а) как 'я каузировал (1б)', см. об этом (Wiersbicka 1980в: 171).

Глаголы процесса не могут иметь актанта Средство: Средство (равно как и Инструмент, о чем упоминает Филлмор (Филлмор 1981а)) требует наличия Субъекта-Агенса. Глаголы процесса предполагают не Средство, а источник энергии, природную Силу. Эта роль выполняется именами совершенно иной таксономической категории. Природные Силы – это *снег, лед, ряска, вода;* а Средства – ткани, краски, украшения и т.п. Неудивительно поэтому, что у одноименных действий и процессов сходственные актанты, как правило, не могут быть лексически тождественны, ср. *Лед затягивает лужи,* процесс, и *Рабочие затягивают потолок шелком* (но не *лужи льдом),* действие. Субъект процесса – слепая, часто разрушительная сила; результат процесса, в отличие от результата действия, в лучшем случае безразличен, а часто вреден для человека. В этом смысле глагол *наполнить,* у которого при акциональном и процессуальном значении сходственные актанты – Средство и Сила – могут быть лексически, а следовательно, и референциально, тождественны, ср. (а) *Я наполняю бассейн водой* и (б) *Вода наполняет бассейн,* является, скорее, исключением. По-видимому, *наполнить* в (б) – это ситуативно оправданный метонимический перенос.

Между тем процесс и состояние связаны друг с другом семантически, по существу; в частности, они могут иметь лексически (и референциально) тождественные актанты и описывать одну и ту же ситуацию в разных ее аспектах:

(2) а. *Камень завалил вход в пещеру.*
б. *Камень заваливает вход в пещеру.*

Тому, что глаголы полного охвата, как правило, не имеют однозначной категориальной принадлежности, а входят в один

из четырех указанных типов категориальных парадигм, т.е. имеют, наряду со значением действия, значение процесса и состояния, можно дать семантическое объяснение. Иными словами, определенные предпосылки неоднозначности этих глаголов заключены в их лексической семантике. Попытаемся ответить по отдельности на два вопроса:

1. Почему у глагола полного охвата, кроме значения действия, часто имеется также значение процесса?

2. Почему у глагола полного охвата, кроме значения процесса, часто имеется также значение состояния?[51]

1. Действие Субъекта, обозначаемое глаголом полного охвата, часто сводится *к* перемещению Средства. Но то же перемещение может происходить и без участия Субъекта, если Средство способно перемещать себя само; поэтому тот же глагол может обозначать соответствующий процесс, ср.:

(3) *Он заливает площадку водой* –
Вода заливает площадку (постепенно).
(4) *Он заваливает вход в пещеру камнями* –
Камни заваливают вход в пещеру (постепенно).

Если же действие Субъекта имеет более сложный характер и поэтому не может осуществляться Средством автономно, то соответствующего процесса нет. Так, нет процесса, который соответствовал бы действиям *выложить (пол изразцами), забить, застелить, заткнуть* и др.

Что касается окказиональных метонимических квазипроцессных употреблений акциональных глаголов, типа *Пробка плотно закрыла бутылку,* суждения информантов об их допустимости сильно расходятся. Но ясно, что допустимость употреблений такого рода зависит от того, в какой мере реальный деятель, осуществляющий перемещение не самодвижущейся субстанции, может представляться как отсутствующий в ситуации, т.е. от того, насколько естествен контекст, устраняющий реального деятеля – инициатора процесса и источника энергии – из

[51] Состояния могут в принципе соотноситься непосредственно с действием, но этот семантический переход не является специфическим для данной семантической группы – ср. регулярную многозначность этого типа, свойственную «семиотическим» глаголам: *Художник изобразил на картине пейзаж – Картина изображает пейзаж; Писатель высмеял в своем романе мещанский быт – Роман высмеивает мещанский быт.*

наблюдаемого фрагмента ситуации. Поэтому существенна степень наблюдаемости процесса перемещения инактивной субстанции, ср. в принципе допустимое *Лак покрывает пол* и недопустимое – вследствие недоступности для наблюдения – *Вата затыкает его уши* (постепенно).

2. Теперь о регулярной многозначности «процесс (происшествие) – состояние».

Толкование процесса полного охвата, например *наполнять* в контексте *Вода наполняет бассейн* (постепенно), задается двумя компонентами: собственно процессным – 'идет процесс: Средство перемещается в Объект' и, поскольку процесс предельный, его итоговым состоянием – 'Средство находится в Объекте'. При этом процессный компонент имеет ассертивный статус, а статус итогового состояния можно назвать условным: 'Средство находится в Объекте, если процесс дошел до конца'.

Толкование глагола состояния, например *наполнять* в *Вода наполняет бассейн до краев,* включает те же самые компоненты, только с другими коммуникативными статусами: ассерцией является итоговое состояние – 'Средство находится в Объекте', а процессный компонент – 'процесс шел' – имеет статус фона. В таком случае семантические предпосылки возникновения у процессов полного охвата стативного значения очевидны: во-первых, это определенность итогового состояния – как у всех глаголов приобретения контакта, в том числе и у глаголов полного охвата (отсутствует определенность итогового состояния, например у глаголов, описывающих процессы с устранением контакта – *вытекать, отделяться, выделяться* (о газе), *удаляться* и под.). Во-вторых, существенно то, что процессный компонент у глаголов полного охвата – это просто перемещение, не осложненное никакими спецификациями; тем самым такой процесс легко переходит в статус фона. Не развивают стативного значения такие глаголы, как *заносить (Его лишь песок раскаленный заносит* – Лермонтов), *заметать (Снег заметает следы), засыпáть, запорашивать.* Очевидно, что это глаголы с сильной спецификацией процесса (например, *заметать* включает метафорическую отсылку к инструменту – метле), и именно это препятствует подавлению процессного компонента – его переходу в статус фона.

Сравним глаголы *обмотать* и *замотать.* Первый глагол допускает стативное употребление, поскольку приставка *об-* характеризует конечное соотношение Средства и Места, результат процесса *(Шарф обматывает шею* = 'лежит вокруг шеи'),

а второй – нет, поскольку приставка *за-* в данном контексте уточняет характер процесса (способ перемещения шарфа), а не результат.

Разумеется, это всего лишь предпосылки наличия у глагола процесса значения состояния. Полной предсказуемости лексического результата из семантики нет; так, процессы *заливает* и *засыпает* однотипны, однако у *заливает* есть стативное значение, а у *засыпает* – нет.

Итак, мы показали, что лексическая семантика может предсказать набор семантических актантов, объяснить синтаксические трансформации и обосновать регулярную многозначность достаточно большой группы глаголов. За пределами рассмотрения осталась собственно синтаксическая сочетаемость, также в существенной степени предопределяющаяся лексическим значением глагола, ср. (Падучева 1993), и аспектуальная проблематика.

2. Категориальный сдвиг в литературном языке: глаголы обладания

В этом разделе будет рассмотрена категориальная парадигма двух подклассов глаголов обладания, а именно: глаголов передачи, например *дать*, *подарить*, *предоставить*, и глаголов приобретения собственности, например *купить*, *изъять*, *конфисковать*. Нас будет интересовать связь между их семантикой и набором значений, которые способны иметь их лексемы несовершенного вида.

Семантика глаголов обладания

Начнем с семантики глагола *дарить*. Для того чтобы *подарить* что-то кому-то, недостаточно просто переместить предмет к тому, кому его дарят. Даритель обязательно должен дать знать даримому о своем намерении – например, сказать *Я хочу подарить это тебе (Вам)/ Это тебе (Вам)*. Иначе непонятно, какое действие было совершено – *подарить*, *дать* или *су-*

нуть. Даже в ситуации дня рождения, когда юбиляру заведомо известно, что приходящие гости приносят с собой *подарки*, отсутствие каких-либо сигналов того, что их именно *дарят*, может быть странным, ср. *Ни слова ни говоря, он сунул ей в руки цветы / сверток, перевязанный ленточкой* и т.п.

В некоторых случаях осуществления речевого акта достаточно для того, чтобы передача собственности состоялась – например, сказать *дарю*, назвав непосредственно находящийся рядом предмет или указывая на него, может быть достаточно, чтобы он был подарен, и *дарю* превращается в перформатив. Но если предмет находится вне досягаемости Бенефицианта, перехода собственности может не произойти. Например, сказав *Я хочу подарить тебе свои серьги*, можно не достать их из шкатулки, в которой они хранятся. Поэтому в целом речевые акты – необходимые, но недостаточные компоненты действий по передаче собственности. Второй их обязательный компонент – какое-то иное действие Субъекта, в результате которого Объект становится физически доступным для Бенефицианта. Таким действием может быть перемещение предмета к Бенефицианту или же просто снятие физических преград между Бенефициантом и передаваемой собственностью. Например, чтобы *подарить книгу*, даже если на ней уже сделана дарственная надпись, нужно либо физически переместить ее к Бенефицианту / в доступное для Бенефицианта место (принести), либо просто сделать возможным, чтобы Бенефициант мог взять ее сам (например, открыть дверцы книжного шкафа). Лучше всего это бесконечное разнообразие действий может быть описано с помощью примитива 'do something with (to) smth', 'Субъект сделал нечто с чем-то', введенного А. Богуславским для действий Агенса, меняющих состояние Пациенса (Bogusławski 1994).

Таким образом, в значении глагола *подарить* сочетаются разнородные компоненты – речевой и физический.

Подарить – не единственный глагол, для которого характерна такая структура значения. Таким же образом устроен целый ряд глаголов из тематического класса обладания, описывающих приобретение или потерю собственности: *арендовать, взыскать, взять (у кого-то), вручить, дать, занять (денег), изъять, конфисковать, купить, наградить, одолжить, отнять (участок), отобрать (поместье), предоставить, премировать, приобрести, продать, подарить, реквизировать, снять (квартиру), угостить*. Например, чтобы *предоставить (комнату)*,

нужно предложить занять ее (или согласиться на просьбу дать пожить в ней), отпереть ее и удалиться из нее самому или же просто дать ключ от нее; чтобы *продать* или *купить*, участники сделки должны договориться о цене, а затем осуществить передачу предмета или права распоряжаться им[52] и т.п.

В соответствии с критериями, выдвинутыми Дж. Остином, эти глаголы могут считаться одним из типов перформативов – экзерситивами (Austin 1962: 154–156): речевые акты, являющиеся необходимыми компонентами описываемых этими глаголами действий, выражают принятие решения в пользу осуществления определенного действия, но не заменяют его, в отличие от «чистых» перформативов[53]. По сравнению с остиновским, мы несколько расширяем понятие экзерситива: осуществление действия, описываемого одним из данных глаголов, не обязательно предполагает произнесение того же глагола в первом лице единственного числа действительного залога индикатива. Например, выполнение действий *отнять, одолжить, занять (денег)* в качестве «речевого сопровождения» предполагает произнесение каких-либо других слов, а не самих этих глаголов.

Глаголы обладания с речевыми компонентами противопоставлены глаголам, описывающим такое приобретение или утрату собственности, которые сводятся к простому физическому перемещению собственности от одного Посессора к другому – например, *выиграть, завладеть, захватить, овладеть, ограбить, отнять (книгу), отобрать (нож), проиграть, украсть,* или без второго участника – например, *заготовить, истратить, нажить, промотать*. Некоторые глаголы входят в оба списка. Так, *отнять* и *отобрать* в своих основных значениях – глаголы физического действия, а в производных – глаголы с речевыми компонентами, ср.:

(1) а. Щенок и котенок поочередно *отбирали* друг у друга тряпку (из телепередачи).
б. Солдаты *отняли* его [нож] у меня, когда вводили сюда (Булг.).

[52] Важность компонента 'договор' в семантике глаголов *купить* и *продать* была отмечена в работе З. Зарон (Zaron 1972).

[53] Из перечисленных нами, в списке экзерситивов, приведенном Дж. Остином, упомянут английский эквивалент глагола *дать (give)* и *наградить (grant)* (Austin op. cit.); в списке экзерситивов, приведенном Е.В. Падучевой (Падучева 1996: 115) – глаголы *отнимать* и *предоставлять*.

в. Генерал *отнял / отобрал* у моей подруги участок [=заявил о своем желании иметь участок и сделал нечто, позволившее вступить во владение участком].

Для двух других глаголов – *дать* и *отдать* – можно говорить если не о двух значениях, то о двух кругах употреблений, в каждом из которых на первый план выступает одно из указанных значений – физического перемещения собственности или перемещения, сопровождающегося речевой деятельностью. Если Объект представляет собой относительно небольшой предмет, который можно перемещать руками, на первый план выступает значение физического действия, а речевой компонент затушевывается, как видно из следующих примеров:

(2) а. Она молча *дала* ему тарелку каши [= просто поставила перед ним];
б. ...молча *отдал* связку ключей [= просто протянул по направлению к Бенефицианту руку с ключами][54].

Если же Объект представляет собой относительно большой предмет, который нельзя переместить руками, на первый план выдвигается значение, осложненное речевыми компонентами, ср. *Он дал мне машину зерна* (= дал кому-то указание, чтобы машину зерна привезли или же разрешил ее взять); **Молча отдала мне свою комнату*.

Свойства глаголов обладания с речевыми компонентами

Глаголы обладания с речевыми компонентами обладают рядом общих свойств. К ним относятся:

а) затрудненность или невозможность интерпретации лексем НСВ в актуально-длительном значении

б) наличие у лексем НСВ значения предстояния

в) возможность употребления в конструкции P(Ipfv), но не P(Pfv):

(3) *Дарили, но не подарили; дарили, но не взял.*

[54] Хотя сам факт того, что тарелка поставлена п е р е д кем-то, как и то, что рука была протянута по направлению к Бенефицианту – скорее всего, ладонью вниз с висящими из нее ключами, – может трактоваться как жест, эквивалентный слову *«Возьми»*, т.е. как семиотический компонент действия.

Рассмотрим связь между свойствами глаголов обладания с речевыми компонентами и особенностями их семантики.

а. Затрудненность актуально-длительного значения

У всех без исключения глаголов обладания с речевыми компонентами невозможна или затруднена актуально-длительная интерпретация несовершенного вида, ср. *Она одалживает деньги у Пети* (актуально-длительная интерпретация невозможна; значение НСВ – тривиальное или предстояния); *Ира дарит Грише свитер* (актуально-длительная интерпретация возможна, но менее естественна, чем значение предстояния: 'собирается подарить'). В этом глаголы обладания – экзерситивы сходны с перформативами (ср. Апресян 1986), однако причина, по которой они не могут иметь актуально-длительного значения, иная. У перформативов отсутствие актуально-длительного значения связано с тем, что называемое ими действие осуществляется в момент произнесения глагола в форме первого лица действительного залога индикатива и длится ровно столько, сколько длится речевой интервал. У рассматриваемых глаголов это свойство – прямое следствие особенностей структуры их значения. Известно, что для того, чтобы глагол имел актуально-длительное значение несовершенного вида, должна существовать возможность представить действие как однородное. Сочетание в значении данных глаголов двух дискретных компонентов – речевого и физического – делает это невозможным.

Влияние сочетания речевого и физического компонентов на интерпретацию значения лексемы НСВ хорошо демонстрируется на примере глаголов обладания, попадающих в одном значении в класс глаголов физических действий, а в другом – в класс глаголов с речевыми компонентами, ср.:

(4) Котенок *отбирает* у щенка тряпку (лексема НСВ имеет актуально-длительное значение)
(5) Троекуров *отбирает* у Дубровского поместье (актуально-длительная интерпретация исключена).

Можно предположить, что сочетание речевого и физического компонентов действия всегда запрещает или, по крайней мере, затрудняет актуально-длительную интерпретацию лексем НСВ и, исходя из этого, предсказывать особенности аспекту-

ального поведения глаголов различных тематических классов, а не только глаголов обладания.

б. Наличие значения предстояния

В форме первого и третьего лица действительного залога настоящего времени индикатива лексемы несовершенного вида глаголов обладания с речевыми компонентами имеют значение предстояния, ср. *Я одалживаю ему деньги на покупку квартиры*; *Он покупает дом* и т.п.

Это происходит потому, что речевой и физический компоненты описываемых этими глаголами действий могут быть разделены во времени. В ассертивной части толкования лексемы НСВ этих глаголов – только речевой компонент 'Субъект дал знать Бенефицианту о том, что хочет...': *дарит* значит 'сказал, что хочет подарить', 'обещал подарить'; *конфискуют* – 'объявили, что хотят конфисковать' и т.п. Компонент 'физическое действие' является импликацией, в основе которой лежит постулат искренности Грайса: считая, что Субъект дал знать о своих намерениях искренне, можно ожидать, что при нормальном ходе событий он сделает нечто – переместит подарок к Бенефицианту (*подарит*) или, наоборот, имущество от его прежнего Посессора (*конфискует*).

Теперь становится понятно, почему значение предстояния свойственно всем экзерситивам (см. Падучева op. cit.). Можно предположить, что наличие компонента 'речевое действие' в значении глагола, не являющегося глаголом речи, всегда порождает значение предстояния.

в. Употребление в конструкциях P(Ipfv), но не P(Pfv)

Глаголы обладания с речевыми компонентами допускают употребление в конструкции 'P(IpfV), но не P(PfV)': *покупала, но не купила* 'договаривалась о покупке, но не заплатила денег/не получила товар'. Сходное употребление глаголов *давать*, *дарить* было отмечено Т.В. Булыгиной, которая назвала его употреблением в отношении неудачной попытки, например: *Дала тебе Маша билеты? – Нет, она давала, но я отказался; Моей любви просил он... Любить я не могла, И деньги мне*

дарил он – я денег не брала (Лермонтов) (Булыгина 1982: 82). Способность глагола *давать* к подобному употреблению отмечена также в работе (Гловинская 1982: 124), где в частности приводится пример из Бунина: *На дворе тоже порядок. Три коровы, лошади две. Одна матка, трех лет, пять сот, говорит, уж давали, да не отдал*. Значение *давать* в этом примере М.Я. Гловинская называет общефактическим нерезультативным. Если затрудненность или невозможность актуально-длительного значения несовершенного вида, равно как и значение предстояния характерны для всех глаголов обладания с речевыми компонентами, то третье их свойство – способность лексем НСВ употребляться в конструкциях типа '*давали, но не дали*' имеет определенное распределение. Естественно поэтому предположить, что это свойство связано не с самим фактом наличия в значении глаголов речевых компонентов, а с тем, какие именно это компоненты.

С точки зрения характера речевых компонентов и их роли в толкованиях можно выделить две группы глаголов обладания – экзерситивов:

а) действия с диалогическими компонентами;
б) действия с использованием речевой формулы – ссылки на власть.

Действия с диалогическими компонентами представлены такими глаголами, как *дать, предоставить, подарить, купить, продать, одолжить, занять, арендовать, снять, угостить*. Для того чтобы совершить эти действия, один из участников должен каким-нибудь способом выразить свое желание получить собственность, а другой – согласиться расстаться с ней; или же, в другом варианте, один из участников должен выказать желание расстаться с собственностью (например, сказать «Возьми», протянуть вперед руку с каким-нибудь предметом или дать объявление «Продаю...»), а второй – принять предложение.

Первый сценарий представлен глаголом *одолжить*, а второй – глаголом *угостить*.

Для того чтобы *одолжить денег*, один из участников должен высказать просьбу – сказать *Одолжи* или *Дай на срок*, а второй – выразить согласие и переместить деньги.

В ситуации *угостить (Сосед угостил Демьяна ухой)* один из участников, сделав физически доступным то, чем он располагает (еду, питье, сигареты), должен высказать желание, что-

бы другой воспользовался частью этого (съел, выпил или выкурил); другой – согласиться и сделать это.

Действия с использованием речевой формулы – ссылки на власть представлены глаголами *конфисковать, реквизировать, изъять, наградить, вручить и премировать*. Для того чтобы выполнить эти действия, необходимо сослаться на право, данное властью или законом – произнести речевую формулу, включающую ссылку на власть: *Именем закона/короля/революции..., Приказом Минобороны...* или известное *От имени и по поручению...* Особенность глаголов этой группы заключается в том, что роль Агенс в их модели управления может быть расщеплена на две: Субъект волеизъявления и непосредственный Исполнитель действия. В (6) *Главлит* является Субъектом волеизъявления, в то время как в (7) неизвестно, являются *большевики* Субъектом волеизъявления или же непосредственным Исполнителем:

(6) Главлит *изъял* повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» из библиотек.
(7) Большевики *конфисковали* церковные ценности.

Наконец, в (8) *солдаты* – непосредственный Исполнитель:

(8) Солдаты *реквизировали* всех лошадей в деревне.

При этом действие каждого из Субъектов – и Субъекта волеизъявления, и непосредственного Исполнителя – включает речевой компонент: Субъект волеизъявления сообщает о своем желании лишить кого-либо имущества и обращается к непосредственному Исполнителю, а непосредственный Исполнитель осуществляет изъятие имущества, ссылаясь на власть, данную ему законом, решением, указом Субъекта волеизъявления[55]. Синтаксическим субъектом глаголов *наградить* и *премировать* может быть только Субъект волеизъявления, а глагола *вручить* – только непосредственный Исполнитель, например:

[55] Таким образом, эти глаголы дополняют список глаголов с регулярной многозначностью по модели 'действие – каузация действия в свою пользу' (Апресян 1995г: 209). В то же время они отличаются от *шить* (*платье в ателье*), строить (дом) и др. наличием двух речевых компонентов в толкованиях и тем, что их двузначность снимается не контекстом, а только благодаря пониманию характера Субъекта, основанному на прагматическом знании.

(9) Командование *наградило / премировало* Иванова часами.
(10) Командир *вручил* их Иванову перед строем.

Употребление в отношении неудачной попытки допускают все глаголы с диалогическими компонентами, а из второй группы – глаголы *наградить, премировать* и *вручить*. Условием успешного выполнения действий, описываемых глаголами с диалогическими компонентами, является согласие на высказанную просьбу или же предложение и совершение ответного действия. Ср. следующее описание передачи наследства:

(11) Старичок *вручил* ему щепоточку денег. Сумма оказалась ничтожною; это был остаток проданного с молотка отцовского наследия. Ордынов равнодушно *вступил во владение*, навсегда откланялся опекуну своему и вышел.

Однако глаголы этой группы предполагают равное положение участников, и один из них может отказаться. В этом случае глагол приобретает значение неудачной попытки, например:

(12) Сосед настойчиво *угощал* Демьяна ухой, но он не ел.

Участники действий со ссылкой на власть, которые описывают глаголы второй группы, неравноправны. Один из них (Субъект действия) – лицо, имеющее официальный статус и облеченное властью. Выполнение действия не зависит от согласия/несогласия второго участника, и глагол не может иметь значения неудачной попытки, ср.:

(13) *У него *конфисковали* лошадь, но он не подчинился.

Объяснить возможность употребления глаголов *наградить, премировать* и *вручить* в отношении неудачной попытки нельзя никаким иным образом, как только признав наличие в их значениях диалогических компонентов. Действительно, отношения между лицом, облеченным властью, и вторым участником ситуации награждения не так жестки, как в ситуации изъятия имущества, и диалог между ними возможен, ср.:

(14) Тут все окружили Алису, а Додо торжественно *вручил* ей наперсток и произнес: «*От имени всей честной компании* прошу вас не побрезговать этим памятным подарком в форме наперстка». На этом Додо

закончил свою речь, и все захлопали в ладоши. Алисе эта церемония показалась донельзя несуразной, но Додо взирал на нее так серьезно, что она не посмела улыбнуться. *Так и не придумав, что сказать, она молча поклонилась* и торжественно *взяла* наперсток (Кэрролл).

Поэтому, хотя глаголы *наградить*, *премировать* и *вручить* и были отнесены нами ко второй группе, на самом деле они находятся на пересечении двух групп. В ситуации награждения возможен и отказ, например:

(15) Его *награждали* Нобелевской премией, но он отказался.

Итак, можно говорить о существовании релевантного семантического класса[56] глаголов обладания с речевыми компонентами. Все они обладают общей структурой значения и общими свойствами, два из которых – неспособность иметь актуально-длительное значение и общими способность употребляться в значении предстояния – разделяются всеми этими глаголами, поскольку основываются на наличии в их толкованиях речевых компонентов, а третье распределяется между ними определенным образом, поскольку коррелирует уже не с самим наличием речевых компонентов, а с их характером. Класс глаголов обладания с речевыми компонентами противопоставлен физическим глаголам приобретения и утраты собственности.

Это предположение хорошо согласуется с анализом центрального понятия обладания, которое выражается англ. *to have*, нем. *haben*, польск. *miec*, русск. *быть у*, предложенным А. Вежбицкой. А. Вежбицка считает, что оно не является семантически простым и эксплицирует его с помощью двух компонентов:

У Х есть У

(a) существует такой У, с которым Х может делать все, что хочет

(b) другие люди хотят, чтобы Х мог делать с У все, что хочет.

[56] Т.е. такого класса, в котором наличие определенного семантического признака / признаков мотивирует особенности поведения глаголов, в частности их аспектуальные характеристики (определение релевантного класса было предложено в (Кустова, Падучева 1994: 102)).

Но бывает, что понятие обладания исчерпывается одним первым компонентом (Lenartowicz 1984). Это происходит тогда, когда речь идет о простом наличии чего-нибудь, и обладание в этих случаях имеет чисто пространственный смысл: Y находится в пределах непосредственной досягаемости X. Например, можно сказать, что у пса есть кость, если он держит ее в зубах или лежит рядом с ней, охраняя ее.

Таким образом, можно говорить о двух глаголах *иметь*: *иметь* 1, выражающем простой концепт обладания, сводящийся к наличию объекта в непосредственной близости от Посессора и *иметь* 2, выражающем концепт обладания, оговоренного правом. Иллюстрация этого – неоднозначность вопроса *У тебя есть зонтик?* Он может пониматься как вопрос о том, находится ли какой-либо зонтик в пределах досягаемости X в данный момент (и ответом может быть *Да. Я взяла с собой мамин)*, например в ситуации дождя, и как вопрос о том, есть ли такой зонтик, которым X может распоряжаться и который другие люди считают принадлежащим ему.

Глаголы рассмотренных нами двух классов – описывающие приобретение или потерю собственности как ее физическое перемещение от одного Поссессора к другому и описывающие действия с собственностью, осложненные речевыми компонентами, могут быть представлены, соответственно, как содержащие в своих толкованиях *иметь* 1 и *иметь* 2. Толкования глаголов, содержащие *иметь* 1, могут быть достаточно сложными, как, например, у глаголов *нажить* и *заготовить*. Помимо компонента 'Субъект переместил Объект к себе' они включают указание на деятельность Субъекта, предшествующую перемещению. *Нажил* предполагает, что Субъект действовал (работал) в течение долгого времени или всей жизни, что приносило ему деньги или вещи, которые он копил; а *заготовил* – что Субъект каким-то образом воздействовал на материал (обрабатывал его) и лишь затем перемещал его к себе, чтобы использовать впоследствии.

3.

Глаголы с встроенным компонентом движения

Задача данного раздела – рассмотреть семантику и ряд вытекающих из нее особенностей глаголов, производных от основы *пустить*: это *допустить, подпустить, пропустить, впу-*

стить. Эти глаголы уже исследовались в (Гловинская 1982: 102), где отмечено, что для них характерно одно и то же нестандартное соотношение между лексемами несовершенного и совершенного вида. Мы попытаемся дать толкования лексем СВ каждого из этих глаголов и показать, что парные лексемы НСВ могут иметь не одно и то же, а разные значения, но все они выводятся из значения соответствующей лексемы СВ по общим правилам.

В своих основных значениях все эти глаголы описывают ситуацию с двумя активными участниками, один из которых хочет переместиться в какую-то точку, а другой держит под контролем (т.е. может устранить, а может и не устранить) некоторое препятствие на пути его перемещения, например:

(1) За ним гонятся, но за крепостными воротами – друзья, и они успевают *впустить* его и закрыть ворота перед преследователями в последнее роковое мгновение (корп.).

В этом примере конечная точка – ВМЕСТИЛИЩЕ (в данном случае это крепость), а препятствие, которое устраняет первый участник – ПРЕДМЕТ, который закрывает вход во ВМЕСТИЛИЩЕ (в данном случае это ворота; в других случаях таким препятствием может быть дверь или занавеска).

Одна из особенностей рассматриваемых глаголов, отличающая их от других, также описывающих ситуации с двумя активными участниками, заключается в том, что роль Агенса – и, соответственно, позицию синтаксического Субъекта предложения – у них всегда получает только один из участников, а именно тот, который устраняет препятствие. Перемещающийся участник может быть только Контрагентом, занимающим позицию Объекта. Иными словами, у этих глаголов нет конверсивов, у которых на первый план выходил бы второй участник. Все рассматриваемые глаголы относятся к классу импликативов (точнее, двойных импликативов) по (Карттунен 1985), ср.:

a) X *впустил* Y в Z ⊃ Y переместился в Z
   X *не впустил* Y в Z ⊃ Y не переместился в Z;
b) X *пропустил* Y в Z ⊃ Y переместился в Z
   X *не пропустил* Y в Z ⊃ Y не переместился в Z

и т.п. В значении этих глаголов компонент, описывающий действие второго участника, является зависимым от первого. Эти

отношения очень близки к каузации, так как хотя первый участник и не каузирует действие второго, он контролирует ситуацию: если первый участник не устранит препятствия, второй участник не сможет осуществить перемещение. По-видимому, именно это принципиальное неравноправие участников объясняет, почему только первый участник может быть выбран на роль Агенса.

Соотношение компонентов в семантике этих глаголов находит выражение и в их словообразовательной структуре: их глагольная основа описывает действие Агенса, а выбор приставки определяется характером движения Контрагента. В случае *впустить*, например, это движение внутрь, и внутрь движется Контрагент, – действия Агенса по устранению препятствия должна была бы характеризовать приставка *от-*: он *открывает* дверь, *отодвигает* занавеску, *откатывает* камень и т.д. В случае глагола *пропустить*, о котором подробнее речь пойдет ниже, приставка свидетельствует о том, что Контрагент перемещается через проход, а соответствующее действие Агенса должно было бы описываться приставками *по-* (*посторониться*) или *ра(з/с)-* (*раздвинуться / расступиться*)[57].

В семантике этих глаголов есть еще компоненты 'Y хотел переместиться в Z' и 'в t>МН Y переместился к ПРЕПЯТСТВИЮ', которые не попадают под отрицание. Таким образом, они составляют пресуппозицию.

Общее огрубленное толкование, которое годится для всех лексем СВ рассматриваемых глаголов, имеет следующий вид:

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
в t<МН Y находился у ПРЕПЯТСТВИЯ на пути в Z <презумпция>
в МН X устранил ПРЕПЯТСТВИЕ <ассерция>
Y переместился в Z <ассерция>

Внутри группы глаголы различаются по характеру конечной точки и характеру препятствия. Семантика отдельных глаголов включает еще некоторые специфические компоненты. Ниже будут рассмотрены толкования каждого из них.

[57] У бесприставочных глаголов с встроенным компонентом движения этот компонент определяет выбор сирконстанта Способ движения, например *поймал на лету*, *остановил на скаку / на полном ходу*.

впустить

О характере конечной точки и препятствия в ситуации, описываемой глаголом *впустить*, отчасти уже говорилось.

Хозяин *впустил* собаку в дом.

X *впустил* Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
в t<МН Y находился перед препятствием <презумпция>
препятствие закрывало вход в Z <атрибут>[58]
в МН X устранил препятствие: переместил его от входа в Z <ассерция>
Y переместился в Z <ассерция>

пропустить

Пропустить отличается от *впустить*, во-первых, немаркированностью конечной точки – можно *пропустить* кого-то *в зал* (ВМЕСТИЛИЩЕ), *к витрине* (ПРЕДМЕТ), *к начальнику* (ЧЕЛОВЕК – хозяин места[59]) и *на выставку* (МЕРОПРИЯТИЕ, проходящее в месте), а во-вторых, характером препятствия. Препятствие может быть физическим – его образует тело (или тела) первого участника, находящегося на линии пути второго; для того чтобы перемещение Контрагента было возможно, Агенс должен переместиться в сторону или расступиться, ср.:

(2) Коровьев и Бегемот посторонились, *пропустили* какого-то писателя в сером костюме, в летней без галстука белой рубашке (Булг.).
(3) Женщины раздвигаются, очищая дорогу к прилавку. – *Пропустите* их, бабы, пущай свое возьмут, ить у них праздник сегодня! (корп.).

С другой стороны, в ситуации, описываемой глаголом *пропустить*, препятствие может быть волитивным, т.е. установленным кем-то – необязательно Агенсом – запретом на перемещение через уже существующий проход. Этот запрет может быть снят в ответ на выраженное вторым участником желание переместиться. Иными словами, Агенс может принять решение не

[58] Термин введен Е.В. Падучевой для зависимых компонентов толкования (Падучева 1996: 243).

[59] Термин предложен в (Муравенко 1984).

препятствовать перемещению Контрагента и дать Контрагенту знать об этом, ср.:

(4) Женщина недоуменно поглядела на забинтованную голову буфетчика, поколебалась, сказала: – Ну что же... – и *пропустила* буфетчика за арку (Булг.).

В этом случае в роли Агенса и, соответственно, Субъекта *пропустить* выступает лицо, облеченное властью. Существует целый список заполняющих эту роль имен. Это обозначения лиц, чья функция – именно контроль перемещения через проход: *билетер, вахтер, консьерж(ка), контролер, охрана / охранник, привратник, стража / стражник, сторож, часовой, швейцар.* Сам проход при этом может быть перекрыт – и тогда, в дополнение к данному разрешению, самим Агенсом или кем-то другим должно быть произведено какое-то физическое действие по устранению препятствия. В то же время, если обычно проход свободен, но Агенс не разрешает Контрагенту переместиться через него, Агенс может перекрыть проход в текущий момент (т.е. в ходе развития ситуации). Таким образом, компонент, описывающий физическое действие по устранению препятствия, может входить в толкование, но является факультативным. Например, он отсутствует в значении *пропускать* в примере (5), поскольку билетер в кино решает, пропускать или не пропускать, стоя у открытой двери; между тем этот компонент явно присутствует в примере (6), поскольку в нормальном положении городские ворота закрыты:

(5) ...они мчались опрометью через мост, торопясь к сеансу. Мать могла *пропустить* и четверых, пятерых (корп.).
(6) Мы приехали к городским воротам; караульные нас *пропустили*; мы выехали из Оренбурга (Пушкин, МАС).

Таким образом, можно различить две лексемы слова *пропустить*: *пропустить 1*, безразличное к таксономическому классу Субъекта, но предполагающее существование физического препятствия, перегораживающего проход, и *пропустить 2*, требующее более узкого таксономического класса для заполнения субъектной валентности, но безразличное к тому, свободен ли проход[60]:

[60] В МАСе этим двум значениям *пропустить* соответствуют значение 1 'посторонившись, дать дорогу кому-, чему-л.' и подзначение 'позволить кому-л. войти или въехать, пройти или проехать куда-л.'

пропустить 1
Толпа *пропустила* кортеж к воротам кладбища.

X *пропустил 1* Y-а к Z-у.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
в t<МН Y находился перед препятствием <презумпция>
препятствие было образовано телом / телами X-а
<атрибут>
в МН X переместился, тем самым устранив препятствие на пути следования Y-а: возник проход <ассерция>
Y переместился по проходу (в направлении Z-а)
<ассерция>

пропустить 2
Сторож *пропустил* нас в усадьбу.

X *пропустил 2* Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z по проходу <презумпция>
Существовала возможность, что возникнет препятствие на перемещение через проход: <презумпция>
волитивное (запрет) <атрибут>
X контролирует препятствие <атрибут>
в t<МН Y находится у прохода <презумпция>
X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал ему знать об этом <ассерция>
Y переместился по проходу (в направлении Z-а)
<ассерция>

подпустить

Подпустить отличается от *впустить* и *пропустить*, во-первых, более определенной целью Контрагента. Помимо непосредственной цели перемещения к Конечной точке, у Контрагента *подпустить* есть дальняя цель – физический контакт с Конечной точкой (и, возможно, физическое воздействие на нее). Поэтому в модели управления этого глагола роль Конечной точки совмещается с ролью Мишени, в качестве которой может выступать ПРЕДМЕТ, как в примере (7):

(7) Мятежники, притаясь, *подпустили* их к самой крепости (Пушкин).

Таким предметом, в частности, может быть тело самого Агенса, например:

(8) Собака никого к себе не *подпустила*.

Другая особенность *подпустить* состоит в особом характере препятствия, которое может возникнуть на пути Контрагента. Это не физическое и не волитивное, а динамическое препятствие – противодействие силой со стороны Агенса. Точка пространства, в которой Агенс может воспрепятствовать перемещению Контрагента в ситуации, описываемой глаголом *подпустить*, никак не зафиксирована – она определяется моментом появления Контрагента в поле зрения Агенса, ср. (7), в отличие, например, от ситуации, описываемой *пропустить 2*, где возможность возникновения волитивного препятствия связана с определенным местом – физически существующим проходом. При этом Агенс глагола *подпустить*, принимая решение, не вступает в непосредственный физический контакт с Контрагентом, и противодействие может быть оказано на расстоянии, например стрельбой (животное, *не подпуская к себе*, выставляет голову вперед и, двигая ею из стороны в сторону, создает вокруг себя что-то вроде силового поля, так же как это делает человек с помощью холодного оружия). Поэтому согласие Агенса на перемещение Контрагента не получает никакого выражения и проходит для Контрагента незамеченным. Тем самым речевой (перформативный) компонент в семантике *подпустить*, в отличие от *пропустить 2*, отсутствует. *Подпустить* – глагол с внутрилексемным отрицанием[61], потому что действие Агенса заключается в том, что он принимает решение не создавать препятствия, т.е. не оказывать сопротивления. Существенно, что решение не действовать, принятое Агенсом, остается в силе, пока Контрагент преодолевает определенное расстояние – от появления Y-а в поле зрения X-а до перемещения на определенное расстояние, ср. *подпустить к самой крепости* в примере (7), а также пример (9):

(9) *Подпустив* танки на десять метров, Коля Смирнов открыл по ним огонь прямой наводкой (МАС).

Так же, как многие другие глаголы с внутрилексемным отрицанием, *подпустить* получает более «содержательное» значение физического действия под отрицанием – *не подпустил* значит ‘оказал сопротивление’. При этом появляется отноше-

[61] Т.е. с отрицанием, входящим в состав толкования (Падучева 1974: 109).

ние каузации: сопротивление Агенса приводит к тому, что Контрагент прекращает перемещение.

Приведем толкование этого глагола:

подпустить

Охотники *подпустили* волка на семь метров и выстрелили.

X *подпустил* Y-а к Z-у на D.

Y перемещался в направлении Z-а <презумпция>
Y хотел войти в физический контакт с Z (воздействовать на Z) <презумпция>
с точки зрения X-а существовала возможность, что на пути Y-а возникнет препятствие: <презумпция>
X окажет противодействие Y-у силой <атрибут>
X принял решение не противодействовать Y-у и не противодействовал, пока между X-ом и Y-ом не осталось D <ассерция>
Y продолжал перемещение, пока между X-ом и Y-ом не осталось D <ассерция>
на расстоянии меньше D X окажет Y-у сопротивление силой <импликатив>
X прекратит перемещение <импликатив>

допустить

Допустить, так же как *подпустить*, имеет более специализированную цель, чем *впустить* и *пропустить*. Но если дальняя цель Контрагента *подпустить* – физический контакт с Мишенью, у *допустить* это социальный контакт (общение), причем в качестве Мишени выступает ЧЕЛОВЕК – хозяин места, ср.:

(10) К себе она никого не *допустила* и вообще сделала вид, что ничего не происходит (корп.).

Если в качестве Мишени выступает ПРЕДМЕТ или ЧЕЛОВЕК в его физической ипостаси, непосредственной целью Субъекта *допустить* является физический контакт с Мишенью, а дальней – какая-либо деятельность, в которой Мишень используется в качестве инструмента, как в примере (11), где дальняя цель – езда:

(11) Первым он *допустил* к лошади Оника, предупредив его, что лошадь может его укусить, но он будет удерживать ее голову, коротко взяв поводья (Искандер).

Но это другое значение глагола *допустить*, которое мы не будем рассматривать.

Так же, как *подпустить*, *допустить* – глагол с внутрилексемным отрицанием. Он предполагает, что на пути Контрагента может возникнуть препятствие со стороны Агенса, и действие Агенса состоит в принятии решения не создавать его. Однако само препятствие носит иной характер, чем у *подпустить*. Это не динамическое, а волитивное препятствие, – запрет, так же как у *пропустить 2*. Однако, в отличие от *пропустить 2*, *допустить* не предполагает существования прохода, через который должно осуществиться перемещение.

допустить

Медсестра нехотя *допустила* меня к нему.

X *допустил* Y-а к S-у (в Z).

Y хотел переместиться в Z с целью войти в контакт с S-ом, который находится в Z-е <презумпция>
X контролирует перемещение в Z <презумпция>
волитивно <атрибут>
в МН X принял решение не препятствовать перемещению Y-а (и дал знать Y-у об этом) <ассерция>
Y переместился в Z <ассерция>
Y вступил в контакт с S-ом <импликатив>

Мишенью у *допустить* может быть и сам Агенс, но не в его физической ипостаси, как у *подпустить*, а в социальной, как в примере (10) – тогда S=X. В этом случае Агенс может выразить свое согласие или несогласие на перемещение Контрагента только опосредованно – через другое лицо, например через слугу (т.е. через Субъекта действия) или через какой-то канал связи, например по телефону; таким образом, в ситуации появляется новый участник – Инструмент связи.

Допустить – наиболее пустой из рассматриваемых глаголов. По преимуществу, он употребляется в отрицательном контексте, где наполняется более определенным содержанием. Дело в том, что разрешение вступить в контакт с Мишенью не обязательно формулируется – достаточно молчаливого согласия, а запрет должен быть выражен обязательно. Поэтому в утвердительном контексте речевой (перформативный) компонент в значении глагола *допустить* факультативен, а в отрицательном – обязателен. Кроме того, под отрицанием у *допустить* есть импликативный компонент ‘X оказал Y-у противодействие силой’.

Поэтому под отрицанием *допустить* развивает значение физического противодействия, ср.:

(12) Ворона птенцам певчих птичек голову размозжит и мозг выпьет, ну а за своих птенцов костьми поляжет, а не *допустит* к ним, разве только если убьете ее (корп.).

Значения лексем НСВ

Все рассматриваемые глаголы относятся к классу моментальных, – в том смысле, что не могут иметь производной парной лексемы НСВ в актуально-длительном значении[62]. Этому легко найти семантическое объяснение. Все лексемы НСВ данных глаголов описывают результат происходящих последовательно друг за другом действий двух разных участников, имеющих разные цели. Поэтому невозможно выполнить необходимое для существования актуально-длительного значения лексемы НСВ условие – представить ситуацию, т.е. все ее компоненты, как развертывающиеся перед синхронным наблюдателем[63]. Посмотрим, какие же другие значения могут иметь лексемы НСВ данных глаголов.

Чтобы ситуация могла быть представлена с помощью лексемы НСВ, нужен взгляд на ситуацию изнутри, т.е. когда ситуация не дошла до конца. Единственная возможность такого взгляда на ситуацию, описываемую данными глаголами, возникает в точке, где действие первого участника уже выполнено, а действие второго еще только предстоит. Тогда действие первого участника составит ассерцию, а действие второго получит статус возможного (ожидаемого) следствия:

впускать

Бабушка *впускает* Петерса в дом.

X *впускает* Y-а в Z.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
в t<МН Y находился перед препятствием <презумпция>
препятствие закрывало вход в Z <атрибут>
в МН X устранил препятствие: переместил его от входа в Z <ассерция>

[62] Мы используем определение и представления о причинах моментальности, данные в (Падучева 1998г).

[63] См. об этом, например, (Падучева 1996: 184).

при нормальном ходе событий Y переместится в Z <ожидаемое следствие>

Очевидно, значение *впускать* – статив. Нужно сказать, что употребление *впускать* в этом значении несколько затруднено. Это связано с характером соотношения компонентов ассерции лексемы СВ. Легко поддаются разделению во времени сочетания перформативного и какого-то другого компонентов действия, причем возникает значение предстояния, как у экзерситивов (Падучева 1996: 115), в том числе у глаголов типа *назначать* (Падучева 1998г: 340) и у глаголов обладания (см. предыдущий раздел). Например, сказать *Я покупаю* (в значении предстояния) можно потому, что ситуация, описываемая глаголами передачи собственности устроена таким образом, что перформативное высказывание и дополняющая его деятельность иного характера могут сколь угодно далеко отстоять друг от друга во времени, тем не менее составляя единое действие. *Впускать* же описывает ситуацию, в которой оба компонента имеют физический характер и в реальном времени следуют непосредственно друг за другом. В результате действия первого участника наступает состояние 'вход открыт', которое длится ровно столько, сколько продолжается действие Контрагента, перемещающегося через вход, т.е. заканчивается почти мгновенно. Поэтому *впускать* естественнее в тех контекстах, где это состояние по каким-либо причинам продлевается, например в ситуациях с множественным объектом:

(13) В зал уже *впускают* зрителей.

Другое возможное значение лексемы НСВ от *впустить* – значение неудачной попытки, ср. пример из (Гловинская 1982: 102):

(14) Я его *впускал*, но он не вошел.

Это значение легко возникает у всех глаголов, описывающих ситуации, включающие ответное действие Контрагента, благодаря тому что это действие может быть и не выполнено (см. настоящее издание, с. 134–137).

Все, что сказано о *впускать*, может быть повторено в отношении значения лексем НСВ, производных от *пропустить 1*.

Это значение статива *пропускать 1.1* и значение неудачной попытки *пропускать 1.2* (ср. *Мы его пропускали, но он почему-то предпочел нас обойти*).

пропускать 1.1
Толпа *пропускает* пассажиров к трапу.

X *пропускает* Y-а к Z-у.

Y хотел переместиться в Z <презумпция>
в t<МН Y находился перед препятствием <презумпция>
препятствие было образовано телом / телами X-а <атрибут>
в МН X переместился, тем самым устранив препятствие на пути следования Y-а: возник проход <ассерция
Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <ассерция>
X переместился от пути Y-а: возник проход <ассерция>
при нормальном ходе событий Y переместится по проходу <импликатив>

Это значение также более естественно в контекстах, искусственно продлевающих состояние 'проход свободен' – т.е. в контекстах множественного Объекта (ср. *Машины пропускают пешеходов*), удлиненного Объекта или Объекта, который перемещается медленно, например:

(15) Что ты стоишь? – *Пропускаю* велосипедиста / старушку.

При образовании НСВ от *пропустить 2* статус ассерции по-прежнему имеет перформативный компонент, а компонент, описывающий физические действия, становится возможным (ожидаемым) следствием:

пропускать 2.1
Завтра нас *пропускают* на последний сеанс.

X *пропускает* Y-а в Z (на S).

Y хотел переместиться в Z по проходу <презумпция>
существовала возможность, что возникнет препятствие на перемещение через проход <презумпция>
волитивное (запрет) <атрибут>
X контролирует препятствие <атрибут>
в t<МН Y находится у прохода <презумпция>
X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал ему знать об этом <ассерция>
Y переместился по проходу (в направлении Z-а) <импликатив>

Таким образом, *пропускать 2.1* имеет значение предстояния, регулярное для различных глаголов, в значении которых сочетаются речевые (перформативные) и физические компоненты. От *пропустить 2* также образуется значение неудачной попыт-

ки *пропускать 2.2*, ср. другой пример из (Гловинская 1982): *Билетер пропускал нас в театр, но мы не вошли.*

Совершенно иным образом ведет себя *подпустить*. К толкованию этого глагола не может быть применено то правило выведения значения НСВ, которым мы пользовались для всех остальных глаголов. Дело в том, что ситуация, описываемая глаголом *подпустить*, вообще не допускает взгляда на себя изнутри, поскольку в ней нет такой точки, в которой действия Агенса и Контрагента могли бы быть разделены: Агенс контролирует перемещение Контрагента с какого-то момента постоянно до тех пор, пока тот не закончит перемещение. Кроме того, это глагол с количественным пределом, что само по себе является препятствием употреблению НСВ в каком-либо значении, кроме тривиального (итеративного) (Падучева 1986: 186).

Лексема НСВ от *допустить* должна иметь значение перфектного состояния, так как ее ассерцию составляет перформативный компонент 'X принял решение не препятствовать перемещению Y-а и дал Y-у знать об этом', но в силу факультативности его части 'X дал Y-у знать об этом' в этом значении *допускать* почти не употребляется. В то же время употребление лексемы НСВ в значении перфектного состояния под отрицанием вполне естественно, потому что, в отличие от выражения разрешения, выражение запрета обязательно: *не допускают* значит 'не разрешили'.

Можно обобщить все различия данных глаголов в таблице:

Глагол	Конечная точка / Мишень	Препятствие	Значение лексемы НСВ	
впустить	вместилище	физическое	статив; неудачная попытка	
допустить	лицо	волитивное: запрет	перфектное состояние	
подпустить	лицо / место	динамическое: сила	–	
пропустить1	немаркир.	физическое тело / множество тел Сб	статив; неудачная попытка	
пропустить2	немаркир.	волитивное: запрет	предстояние; неудачная попытка	

4.

Деривационные отношения между действиями и происшествиями в литературном языке и в сленге

В этом разделе Главы II-ой речь пойдет о регулярных деривационных отношениях между категориальными значениями действия и происшествия. Значения действия и происшествия настолько часто встречаются в категориальных парадигмах глаголов самой различной семантики, что нет смысла рассматривать их в связи с каким-либо одним тематическим классом. Нас будет интересовать другой, сопоставительный, аспект деривации. Мы попытаемся ответить на вопрос, есть ли отличия между деривационными отношениями действий и происшествий в литературном языке и сленге.

Таксономические категории действия и происшествия

Действия и происшествия различаются характером каузальных отношений между компонентами толкования[64]: это намеренная, или контролируемая, каузация у действий и ненамеренная, или неконтролируемая, у происшествий. За этим общим противопоставлением стоят, как минимум, два признака, по которым различаются действия и происшествия, а именно – характер Каузатора и каузируемого. Каузатор действий – целенаправленная деятельность Субъекта, чему в толковании значений действий соответствует компонент 'X действовал с целью', ср. толкование *разбить* в примере (1):

(1) ...прокуратор, рассердившись, на него, *разбил* кувшин о мозаичный пол (Булг.).

X *разбил* Y-а о Z.

до t Y был целым <презумпция>
Каузатор| в МН X совершил действие с Целью: воздействовал на Y: привел Y-а в контакт с Z-ом
Каузация| это вызвало

[64] Ниже конспективно дается концепция различий между действиями и происшествиями, изложенная в (Падучева 1994).

Результат| Y не целый
Y нанесен ущерб <импликатив>

Поэтому Субъект действий всегда имеет семантическую роль Агенс, что предопределяет его тематический класс: это всегда человек. Каузируемое у действий – результат, совпадающий с целью деятельности Субъекта.

Каузатор происшествий – событие (в толковании происшествий ему соответствует компонент 'произошло нечто'). Поэтому Субъект действий не может быть целеполагающим, т.е. никогда не имеет роль Агенс, и даже в тех случаях, когда в роли Субъекта происшествий выступает лицо, его деятельность не является Каузатором происшествия[65]. Она составляет особый компонент толкования происшествия – экспозицию, ср. толкование *разбить* в примере (3). При этом каузируемое у происшествий – не результат, а последствие, как правило, связанное с некоторым ущербом либо для самого Субъекта, как в примере (2), либо для Объекта, как в примере (3):

(2) Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берлиоз *упал* навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник (Булг.).
X *упал*.
до t X находился в вертикальном положении
<презумпция>
Каузатор| нечто произошло с X-ом
каузация| это вызвало
последствие| X находится в горизонтальном положении
X понес ущерб <импликатив>

(3) Урну с водой уронив, об утес ее дева *разбила* (Пушкин).
X *разбил* Y-а о Z.
в t<МН X действовал с целью: поддерживал У-а
<экспозиция>
до t Y был целым <презумпция>
Каузатор| в МН произошло нечто
каузация| это вызвало
последствие| Y пришел в контакт с Z-ом; Y не целый
Y понес ущерб <импликатив>
Субъект несет ответственность за ущерб

[65] Некоторые типы происшествий рассмотрены в (Князев 2003: 294–301).

Но бывают и происшествия, в семантику которых ущерб не входит. Пример – перцептивные происшествия, т.е. происшествия, описывающие изменения не во внешнем мире, а в восприятии Наблюдателя, ср:

(4) Тут перед глазами Римского *возник* циферблат его часов... Он припоминал, где были стрелки (Булг.).
(5) Вот и лес *отвалился*, остался где-то сзади, и река *ушла* куда-то в сторону, навстречу грузовику сыпалась разная разность (корп.).

Деривационные отношения между действиями и происшествиями в литературном языке

§ 1. Происшествия как дериваты действий

В русском литературном языке многие глаголы, являющиеся в своих основных значениях действиями, становятся происшествиями в производных значениях (Падучева, 1994; см. по этому поводу Апресян 1995а: 228 и 1995б: 177 о глаголах, имеющих «намеренные» и «ненамеренные» значения), как *разбить* в примерах (1), (3). Другие примеры: *прорезать петлю – платье, залить водой картошку – пол, налить воду в кастрюлю – на стол, порвать письмо – рукав* и т.п. Рассмотрим механизм деривации происшествий от действий в литературном языке.

Главное преобразование при переходе от действий к происшествиям – появление в толковании компонента, характеризующего нового, нецелеполагающего Каузатора: 'нечто произошло с Х-ом'. Дальнейшие шаги зависят от того, какую связь между ситуациями отражает семантическая деривация.

А. Семантическая деривация отражает сходство между двумя денотативными ситуациями, а именно сходство между физическим результатом деятельности целеполагающего Каузатора и последствием воздействия нецелеполагающего, например:

(6) а. Рыбак *пробил* лунку во льду ломом.
б. этот единственный осколок *пробил* заднюю стенку «виллиса», пропорол карту, которую в этот момент держал Синцов (Симонов).

В этом случае в толковании происшествия сохраняется то, что относится к результату воздействия, и удаляется все, что относится к прежнему Каузатору: компонент, характеризующий прежнего, целеполагающего Каузатора, вытесняется новым каузальным компонентом, а Субъект меняет свою семантическую роль и тематический класс – из Агенса он становится Пациенсом происшествия, из лица – нелицом.

Преобразования затрагивают и компоненты, относящиеся к периферийным участникам, связанным с прежним Каузатором – таким, как Инструмент и Средство. Ведь само присутствие участников с такими ролями в ситуации возможно только если в ней есть Агенс – т.е. задается таксономической категорией действия (Fillmore 1968). Теперь участники, имевшие роль Инструмент или Средство, должны быть либо удалены из толкования, либо получить новую роль. Неизменными остаются только роль и тематический класс Объекта. Так образуется один из классов происшествий – происшествия с Объектом, ср. толкования действия и происшествия *пробить* из примера (6):

а. X *пробил* Y в Z-е S-ом.

до t Z был целым <презумпция>
в t<МН X действовал с целью:
воздействовал на Z с помощью S-а: резко, сильно
это вызвало
Результат| в МН в Z-е существует Y; тем самым Z не целый <ассерция>

б. X *пробил* Z.

до t Z был целым <презумпция>
В t<МН произошло нечто:
X пришел в контакт с Z-ом: резкий, сильный
и продолжил движение
это вызвало
последствие| в Z-е существует Y[66]; тем самым Z не целый <ассерция>
Z понес ущерб <импликатив>

В толковании происшествия с Объектом появился новый, импликативный компонент 'Y понес ущерб'. Дело в том, что воздействие нецелеполагающего Каузатора, внешне совпадающее по последствиям с результатом деятельности целеполагающего Каузатора, почти всегда наносит ущерб, либо потому, что

[66] Y – отверстие.

неуместно, либо потому, что все-таки не совсем идентично результату деятельности человека (см. настоящее издание, с. 126). Ср., например, ситуацию, в которой человек захлопнул форточку, потому что ему холодно, и ветер захлопнул форточку, возможно в тот момент, когда всем душно, с шумом и т.п.

В. Семантическая деривация отражает отношение производности между денотативными ситуациями: одна ситуация включает часть другой. В реальной ситуации, описываемой происшествием, нецелеполагающий Каузатор вмешался в деятельность целеполагающего и помешал доведению ее до желаемого результата, ср. пример (3). В этом случае при деривации происшествия сохраняются все компоненты толкования исходного действия, но компонент 'X действовал с целью', соответствующий прежнему Каузатору, Агенсу, выталкивается на более периферийную позицию в толковании – в экспозицию. При этом Субъект, так же, как в первом рассмотренном случае, меняет свою семантическую роль – становится Пациенсом, но не меняет тематического класса – остается лицом. Объект, так же, как и в первом случае, сохраняет и роль, и тематический класс. Так образуется подкласс происшествий с Объектом – происшествия с действующим Субъектом, или с Субъектом ответственности. И в этом случае преобразования толкования имеют несколько следствий.

Первое из них – потеря компонентов, уточняющих цель и способ действия прежнего Каузатора, в результате чего он приобретает максимально обобщенный характер. Например, цель Каузатора *разбить* в примере (1) (совпадающая с результатом действия) определяется как 'сделать Y не целым', а способ действия – как 'X привел Y-а в контакт с поверхностью'. Способ действия Агенса может фиксироваться через указание характера используемого Инструмента (о способе см. Levin, Rappaport Hovav, 1991).

Второе следствие – изменение семантической роли таких периферийных участников, как Инструмент и Средство, о чем уже шла речь. Так, участник 'поверхность' в примере (1) имел сдвоенную роль Инструмент-Место; этот же участник в примере (3) имеет простую роль Место; ср. также пример (7), где роль Инструмент заменяется на роль Пациенс:

(7) а. Она осадила послушную щетку, отлетела в сторону, а потом, бросившись на диск внезапно, концом щетки *разбила* его вдребезги (Булг.).

б. Вчера она подметала пол и концом щетки *разбила* стекло.

Роль Средство обычно также заменяется на роль Пациенс, ср.:

(8) а. ...потом кому-то стало любопытно, что будет, если *залить* это водой. И *залили* (Струг.).
б. Он забыл задернуть занавеску и *залил* весь пол водой.

Изменение ролей периферийных участников при деривации происшествия с действующим Субъектом от действия согласуется с потерей прежним Каузатором уточняющих его компонентов. Инструмент и Средство – роли гораздо более специализированные, чем Пациенс: это определенные типы Пациенса, и когда происходит замена роли Инструмент или Средство на роль Пациенс, роли участников так же, как прежний Каузатор, приобретают максимально обобщенный характер. Поэтому можно утверждать, что семантическая модель деривации происшествий от действий включает преобразование, которое можно назвать генерализацией толкования.

На поверхностном уровне эти преобразования отражаются в изменении диатезы – периферийный актант становится факультативным и может вообще уйти за кадр, как в примере (9):

(9) Вчера мальчишки играли на поляне в футбол и *разбили* нам стекло.

Третье важное следствие вытеснения прежнего Каузатора – появление в толковании импликативного компонента 'Y понес ущерб', так же, как при деривации происшествий с Объектом.

§ 2. Действия как дериваты происшествий

Обратное преобразование – действий от происшествий – в литературном языке встречается крайне редко. И естественно: происшествия обычно связаны с нанесением ущерба. Преобразование происшествий в действия предполагает замену каузирующего компонента 'произошло нечто' на компонент 'X действовал с целью' – и, тем самым, приписывание Субъекту намеренного нанесения вреда кому-то или чему-то, что, по-видимому, противоречит культурным нормам, которые выражает русский лите-

ратурный язык. Существует только один тип деривации действий от происшествий, который разрешается литературным языком, – семиотические действия. Возможность деривации семиотических действий от происшествий была отмечена в работе (Падучева 1998б) для глаголов производства звука, например:

(10) а. *Стукнуло* окошечко кассы, высунулся сердитый кассир и закричал (Струг.).
б. Бескудников *стукнул* пальцем по циферблату, показал его соседу, поэту Двубратскому (Булг.).

Очевидно, эта модель имеет более общий характер; например, такая же многозначность характерна для многих глаголов мимики и жеста, в своих исходных значениях описывающих непроизвольные реакции, ср. примеры:

(11) а. – О да, ты не похож на слабоумного, – тихо ответил прокуратор и *улыбнулся* какой-то страшной улыбкой (Булг.).
б. Механики поглядели на него, рассеянно ему *улыбнулись* и снова склонились над бумагой (Струг.).
(12) а. От испуга женщины вскочили и *замахали* руками.
б. Менеджер страшно нахмурился, прижал палец к губам, а потом *замахал* на Переца рукой (Струг.).

Естественно, что деривация семиотических действий от происшествий должна быть обратно направлена по отношению к деривации происшествий от действий и включать, по контрасту с генерализацией толкования, его специализацию. Главный шаг деривации семиотических действий – в добавлении в толкование соответствующего новому, целеполагающему Каузатору компонента 'X действовал с целью', который вытесняет из толкования компонент, характеризующий непроизвольного – нецелеполагающего – Каузатора происшествия. Цель уточняется в зависимости от тематического класса производного глагола: для семиотических действий цель состоит в том, чтобы дать нечто знать Z-у. Соответственно изменяется семантическая роль участника, занимающего позицию Субъекта: из Пациенса он становится Агенсом. Но, как мы уже видели при анализе деривации «действие → происшествие», изменение центрального компонента толкования влечет за собой последствия для периферийных участников.

Источниками семиотических действий могут быть происшествия двух типов – происшествия с Субъектом, ср. примеры (11), (12), и происшествия с Объектом, ср. пример (13):

(13) а. Взяв щетку под мышку, Маргарита вошла в подъезд, *толкнув* дверью удивленного швейцара (Булг.).
б. Маргарита под столом *толкнула* ногою мастера (Булг.).

Если источник семиотического действия – происшествие с Субъектом, как в примерах (11) и (12), то при деривации действия в ситуации появляется новый участник – Адресат, ср. *улыбнулись ему* в примере (11б), *замахал на Переца* в примере (12б) и толкования *замахать* в примере (12):

Женщины *замахали* руками.
X *замахал* Y-ом.

До t<МН X был неподвижен <презумпция>
Каузатор| в t<МН произошло нечто
Каузация| это вызвало
Последствие| В МН X совершает движения: Y-ом <ассерция>

Менеджер *замахал* рукой на Переца.
X *замахал* Y-ом на Z-а.

Каузатор| В МН X совершил действие с целью: <ассерция>
совершил движения Y-ом
тем самым
Цель/результат| X дал нечто знать Y-у
Y воспринял нечто <импликатив>

Если источник семиотического действия – происшествие с Объектом, как в примере (13), то роль участника, занимающего позицию Объекта, изменяется: вместо Пациенса он становится Адресатом-Пациенсом, т.е. его роль делается более специализированной. Для семиотических действий, включающих компонент физического воздействия, как *толкнуть*, существенно место воздействия[67], поскольку именно оно несет знаковую информацию. Поэтому в ситуации появляется новый участник – Мишень, а для глагола в этом значении становится возможной новая диатеза (ее можно назвать локативной) – ср. *толкнул локтем в бок*. Такая диатеза характерна для глаголов семиотических действий,

[67] В терминологии семиотики – адаптер (Крейдлин 1999).

независимо от происхождения, ср. непроизводные семиотические действия (*погладил по* голове, *поцеловал в лоб / в губы)* и семиотические действия, производные от физических действий (*ударил по лицу / по плечу* и т.п.)[68].

Возможности свободно образовывать семиотические действия от происшествий в литературном языке можно также дать естественное объяснение. В основе семиотических действий лежат происшествия, не имеющие своими последствиями возникновение нежелательного физического контакта с нарушением целостности Субъекта или Объекта и другими видами ущерба. Это либо происшествия, приводящие к поверхностному физическому контакту (как в случае глаголов звука), либо непроизвольные реакции Субъекта, также не угрожающие его физическому благополучию. Если же семиотические действия образуются от происшествий с Объектом, связанных с ущербом для одного из участников, компонент ущерба в них неважен, так как цель Субъекта – передача информации, а ущерб, если он есть (например, боль, как в примере (13)), – лишь средство.

Деривация сленговых значений

Сленговые глаголы, описывающие действия, могут возникать как производные значения литературных глаголов, описывающих происшествия, например: *толкнуть ребенка – куртку* 'продать' (*...в одной только московской области компашек, толкающих* [продающих] *тачки, не один десяток* (МК 17.08.95); *наехать на пешехода – на фирму* 'напасть с угрозами'(*Пытались на нас «наехать», заставить поднять цену. Ну, пока обошлось* (Частн. собств., 30.06.93); *вздрогнуть* 'непроизвольно сделать телом резкое движение (от испуга, холода и т.п.)': К середине выступления староста тоже задремал, разморившись, но, услыхав свое имя, *вздрогнул* (Струг.) – 'выпить': Как *вздрогнуть* по правилам [згл.] (КП 01.03.97); Ну, *вздрогнули*! Любителям кристально чистой сивухи [згл.] (Центр-Plus, 1994, № 38).

Ниже мы детально рассмотрим деривацию сленговых значений действия и попытаемся объяснить, в чем ее особенности по сравнению с семантической деривацией, действующей в рамках литературного языка.

[68] О роли падежной рамки в отнесении глагола к семантическому классу см. (Atkins, Kegl, Levin 1988).

Образование действий от происшествий в русском общем сленге – регулярный способ семантической деривации. При этом в сленге действия не являются семиотическими, ср. сленговые значения глаголов *вздрогнуть*, *наехать* и *толкнуть*, приведенные выше; ср. также:

засветить кого-то 'обнаружить чье-либо присутствие и обнародовать его против его желания': Все готово к провокации. Появляются рабочие в комбинезонах, Зинаида Михайловна первая *засветила* их: «Что же ты – комбинезон натянул рабочий, а туфельки лаковые оставил» (Изв. 04.08.94);

оторваться 'развлечься': Особенно *оторвались* дети, которые решили, что этот праздник устроен именно для них (МК 28.12.93);

смыться 'незаметно уйти': Пока все успокаивали плачущего малыша, хозяйка со своим зверем потихоньку смылись. (Сев.-зап. округ, 1997, № 7 (63));

слинять 'уйти или уехать': На том конце провода – воображаемая родня, которая, не будучи дурой, *слиняла* давно на родной Брайтон (МК 11.06.93) и др.

Источниками значений действия в сленге, так же, как семиотических действий в литературном языке, могут быть происшествия с Объектом (*засветить пленку – засветить кого-то*) и происшествия с Субъектом (*пуговица оторвалась – мы оторвались*). Главный шаг в деривации сленговых значений действия от происшествий в литературном языке – тот же, что и при деривации семиотических действий от происшествий в литературном языке: замена компонента, характеризующего Каузатора происшествия, на компонент, соответствующий Каузатору действия с сопутствующим изменением роли Субъекта с Пациенса на Агенс. Но есть и некоторые отличия.

Первое отличие связано с компонентом 'ущерб'. В литературном языке при образовании действия от происшествия имплікативный компонент 'ущерб' утрачивается. Когда от происшествия образуется действие в общем сленге, этот компонент сохраняется, оставаясь импликативом, например:

(14) а. Когда он перебегал улицу, на него *наехал* грузовик.

X *наехал* на Y-а.

Экспозиция| до t<МН X действовал: перемещался
X не был в контакте с Y-ом <презумпция>
Каузатор| произошло нечто

это вызвало
X пришел в контакт с Y-ом: <ассерция>
внезапно, резко <атрибутив>
тем самым X оказал воздействие на Y-а
Y понес ущерб <импликатив>

6. На нашу фирму *наехали*.

X *наехал* на Y-а.

Экспозиция| до t Y действовал <презумпция>
X хотел, чтобы Y действовал по-другому <фон>
X совершил действие: <ассерция>
оказал воздействие на Y-а: словами / силой
Y понес ущерб <импликатив>

Сленг выражает иное мировоззрение, чем литературный язык. Он крайне эгоцентричен, а намеренное нанесение ущерба другому, в частности насилие и деструкция, здесь не только не осуждается, но является нормой.

Второе отличие касается судьбы периферийных участников. При деривации действий в литературном языке, как мы видели, число периферийных участников может увеличиваться. В сленге оно сохраняется или уменьшается. На самом деле, в последнем случае происходит инкорпорирование[69], ср.: *Пуговица оторвалась от пальто – Мы хорошо оторвались*; *Краска слиняла с ткани – Мы быстро слиняли* и т.п. Исключение – сленговое значение глагола *толкнуть*, где появляется новый участник – Контрагент, ср. *толкнуть тачку кому-то* ‘продать машину кому-то’.

Третье, очень важное, отличие связано с характеристикой участников. Как мы видели, при деривации действий (семиотических) от происшествий в литературном языке участники не меняют своего тематического класса. При деривации сленговых значений действия от литературных значений происшествия тематический класс участников обязательно меняется. Например, в примере (14) это касается участника, занимающего позицию Субъекта, который, естественно, при деривации действия из не-лица становится лицом; ср. также *оторваться*, *смыться*, *слинять*, но не только. У таких глаголов, как *засветить* и *толкнуть*, меняется тематический класс Объекта: у *засветить* с не-лица – на лицо; у *толкнуть*, наоборот, с лица – на не-лицо.

[69] Подробнее о роли инкорпорирования при образовании жаргона см. настоящее издание, с. 250.

Итак, деривация сленговых значений противопоставлена семантической деривации в литературном языке по двум параметрам. С одной стороны, направлением: деривация «происшествие → действие», регулярная для сленга, ограничена в литературном языке одним типом действий. С другой – преобразованием характеристик участников: именно при таком направлении деривации в литературном языке их тематический класс остается неизменным. По-видимому, именно сочетание этих двух параметров составляет специфику моделей семантической деривации сленга.

Глава III

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ

Данная глава посвящена другому параметру модификации значения – изменению тематического класса участников. В центре внимания в этой главе – проблема соотношения между изменением тематического класса участника и тематического класса глагола.

В первом разделе главы последовательно прослеживаются все те изменения, которые претерпевает каждый из участников ситуации, описываемой глаголом *взять*, при переходе глагола из одного тематического класса в другой – начиная с исходного класса перемещения Объекта (*взять нож со стола*) и кончая завершающим семантическую деривацию тематическим классом эмоций (*тоска меня взяла*).

Во втором разделе на материале глаголов полного охвата рассматривается связь между тематическим классом глагола и тематическими классами участников ситуации, которую он концептуализует.

Третий и четвертый разделы посвящены сопоставлению судеб двух центральных участников ситуации при деривации литературных и сленговых метафорических значений: в центре внимания во втором разделе – изменения тематического класса Субъекта глагола, а в третьем – Объекта.

1.

Связь между тематическим классом участника и тематическим классом глагола: на примере глагола *взять*

Задача данного раздела – проследить за тем, как в ходе семантической деривации изменяются тематические классы участников ситуации, описываемой глаголом в его исходном значении. Проблема, которая нас интересует, – как связано изменение тематического класса участника ситуации, концепт которой описывает глагол, и изменение тематического класса глагола. При этом, хотя исходный пункт исследования – тематический класс, вопрос о том, в какую сторону направлено влияние – от тематического класса участника к тематическому классу глагола или наоборот – намеренно не ставится.

Теперь можно уточнить поставленную задачу.

Рассмотрим самый простой случай, когда меняется тематический класс единственного участника ситуации, которую описывает одноместный предикат, – Субъекта. Оказывается, что при этом тематический класс глагола меняется совсем не всегда, ср.:

(1) а. Ноги уже еле слушались, руки отчего-то сводило в локтях, все суставы *ныли* от усталости (Белов).
б. Мартин вел Толю за руку, а Толя все хлюпал носом и *ныл* в страшной, но уже детской, безопасной тоске (Аксенов).

(2) а. Гражданки с этого сеанса в одних панталонах *бежали* по Тверской (Булг.).
б. Они [облака] *бежали* низко и быстро и скоро, точно дым, затуманивали солнце (Бунин).

В примерах (1а) – (1б) изменение тематического класса Субъекта приводит к переходу глагола *ныть* из тематического

класса физических ощущений в класс глаголов производства звука. Между тем в примерах (2а) – (2б), несмотря на изменение тематического класса Субъекта, глагол *бежать* остается глаголом движения. Поэтому возникает вопрос: когда изменение тематического класса участника вызывает изменение тематического класса глагола, а когда – нет?

Если глагол описывает концепт ситуации с несколькими участниками, возникает еще один вопрос: каков вклад каждого из участников исходной ситуации в семантическую деривацию. Многие факты говорят о том, что в процессе деривации чаще меняется тематический класс участника, выраженного Объектом, т.е. Пациенса, ср., например, ряд примеров деривации значений глагола *to bake* 'печь' в (Atkins, Kegl, Levin 1988) и работу (Кустова 2001). В то же время есть свидетельства, что во многих случаях в процессе семантической деривации меняется и (или исключительно) тематический класс Субъекта (см. настоящее издание, с. 204); примеры того, что не только Объект, но и Субъект может менять значение глагола, приводятся в (Pustejovski 1998: 88). В данном разделе Главы III-ей сопоставляются роли различных участников исходной ситуации в семантической деривации. Основное внимание уделяется изменению тематического класса Объекта, но при этом учитываются и те роли, которые в семантической деривации играют остальные участники исходной ситуации.

Само по себе определение тематического класса участника представляет проблему. В принципе, тематический класс имени может устанавливаться по тому родовому имени, которое используется в его толковании в словаре (по его идентификатору при семантическом разложении), см., например, (Кнорина 1988), по гипериониму, заменяющему слово в тексте (Розина 1988), или по месту имени в модели управления предиката, характеризующего типичное использование денотата имени или типичный способ его создания (Рахилина 2000: 311–322). Дж. Пустейовский сочетает оба подхода; в своей модели описания семантики имени он предлагает характеризовать имя по следующим параметрам: соотношение денотата имени с более широкой областью и с частями, из которых он состоит, его типичное использование или функция и способ его создания (Pustejovsky 1998: 76–78). Так, *роман* принадлежит области к н и г а, его составная часть – н а р р а т и в, типовое использование – ч и т а т ь, а способ создания – п и с а т ь. С этой точки

зрения *словарь* отличается от *романа* способом создания – его не пишут, а с о с т а в л я ю т.

Рассмотрим, однако, простой пример. Существительные *автобус*, *машина*, *такси*, *поезд* принадлежат тематическому классу 'транспорт', и это объясняет, почему все три слова сочетаются с глаголом *поехать*, ср. *поехала на автобусе / машине / такси / поезде*. Между тем по отношению к глаголу *взять* эти слова ведут себя по-разному: *взять такси* значит 'нанять', а *взять поезд* и *взять автобус* в русском языке значит 'захватить силой'[70]. Это различие можно объяснить только тем, что такси и машина с одной стороны, и поезд и автобус – с другой принадлежат к разным подклассам транспорта: *такси* и *машина* – транспорт, предназначенный для индивидуального использования, а *автобус* и *поезд* – нет. Для *поехать* и ряда других глаголов – например, для *водить* и *сесть*, ср. *сел в такси / поезд* и т.п. – это тематическое различие несущественно, но оно актуализуется в сочетании с глаголом *взять*, предполагающим получение Субъектом личного контроля над предметом. Данные факты еще раз свидетельствуют о том, что тематический класс имени – не стабильная, раз и навсегда заданная категория[71]. Каждый глагол отыскивает в имени, которым он управляет, нужную ему характеристику, а в тех случаях, когда он ее не находит, либо меняется значение глагола, либо глагол вообще не может сочетаться с данным именем.

Подходящим материалом для исследования связи между тематическим классом участника и тематическим классом глагола представляется глагол *взять*. Это глагол с чрезвычайно развитой полисемией, в своем основном значении относящийся к классу глаголов движения, точнее – к подклассу глаголов пере-

[70] Английский эквивалент русск. *взять, to take*, имеет одно и то же значение независимо от того, является транспортное средство личным или общественным: *to take a train / a cab / a car / a bus / a plane* и т.п. значит 'воспользоваться'. Значение 'захватить силой' в английском языке выражается другим глаголом – *to capture*.

[71] Тип значений с включительно-дизъюнктивной организацией компонентов, т.е. описывающих более чем одну ситуацию, рассмотрен в (Апресян 1995г: 84–88). В (Урысон 1998) высказывается идея о том, что моносемичное слово лабильно (способно менять свой genus proximum в зависимости от контекста); там же рассматриваются существующие типы лабильности. Идея о том, что одно и то же имя может быть отнесено к разным семантическим типам одновременно, высказывается также в (Рахилина 2000).

мещения Объекта (примеры других глаголов этого класса – *схватить, стянуть, украсть, утащить, унести*), а в производных значениях – к ряду других тематических классов. Многие исследователи отмечали регулярную связь между значениями перемещения Объекта и значениями обладания (Fernandez 1998, Jackendoff 1983, Jackendoff 1992), но связи между основным значением и другими производными значениями этих глаголов, принадлежащими к иным тематическим классам, не прослеживались.

Словарная статья глагола *взять* занимает 6,5 страниц в Большом академическом словаре, который выделяет у него 16 значений с подзначениями для каждого. Малый академический словарь отсылает от *взять* к глаголу *брать* (14 значений), дополнительно указывая значение 'арестовать' (что неверно, поскольку такое же значение есть и у *брать*, ср. *брали прямо на улице*) и два употребления, свойственных только *взять* (в сочетании с союзами *да, и, да и* и следующим глаголом для выражения внезапного или неожиданного действия (3) и для указания на что-либо требующее внимания (4)):

(3) Прожили они год душа в душу, а на другой год она *возьми*, да и помри (МАС).
(4) Тех же горных инженеров *взять:* свои дома имеют, на рысаках катаются (МАС).

Связанные друг с другом значения в МАСе иногда разорваны. Например, значение *брать* в предложении *Свои чеховские словечки... брал он нередко прямо из жизни* (Куприн) отличается от основного значения *брать* 'принимать в руки, схватывать (руками, зубами, щипцами и т.п.)' только тем, что в примере из Куприна речь идет об абстрактном объекте, что, в свою очередь, исключает использование каких-либо инструментов. В МАС эти значения отделены друг от друга целым рядом других, где получение объекта связано с участием денег – 'получать в свое обладание, пользование' (*брать в долг*), 'покупать':

(5) Сбегай за колбасой. – А сколько *брать?*

В МАСе отсутствует семантический мостик и между основным значением, значением преодоления пространства (6) и значением перемещения в определенном направлении (7):

(6) Поезд трудно *брал* подъем (МАС).
(7) Кучер *взял* налево (МАС).

Возникает задача построения системы значений глагола *взять*[72] и описания связей между ними. Ниже будет показано, что связи между значениями можно описать, обращаясь, в частности, к понятиям тематического класса участника и тематического класса глагола. Конечно, эти две категории позволяют проследить лишь часть разнообразных модификаций, которые имеют место при переходе от одного значения к другому, и поэтому процесс семантической деривации описывается упрощенно.

Раздел построен по следующему плану: вторая часть посвящена возможности объединения значений глагола *взять* по тематическим классам и построению его словарной статьи; в третьей части рассматривается связь между такими моделями изменения тематического класса Объекта, как 'предмет – человек' и 'предмет – место', и изменениями тематического класса глагола.

Тематические классы значений и словарная статья глагола *взять*

(8) Римский, сколько мог, овладел собою, *взял* телефонную трубку и сказал в нее: – Дайте сверхсрочный разговор с Ялтой (Булг.).

В своем основном значении, которое представлено примером (8), глагол *взять* описывает концепт ситуации, включающий несколько компонентов:

- движение: для того чтобы взять предмет, человек перемещается к нему и/или протягивает к нему руку;
- контакт: человек охватывает предмет ладонью и пальцами
- перемещение предмета: человек перемещает предмет из какой-то точки пространства к себе, держа его в руке;
- обладание: в сознании человека ситуация перемещения предмета неразрывно связана с ситуацией обладания: согласно аксиоме обыденной жизни то, что находится в руке человека, принадлежит ему[73].

[72] Ср. анализ *take* в (Butler в печати).

[73] В (Падучева 1999г: 22) аксиомы человеческого поведения используются для объяснения следствий каких-либо компонентов толкования, например аксиома «Человек испытывает угрызения совести по поводу своего дурного поступка» позволяет объяснить компонент 'X находится в плохом психическом состоянии', возникающий в контекстах *чувствовать*

– контроль: в свою очередь, обладание предполагает возможность человека распоряжаться тем, что ему принадлежит – т.е. контроль.

Компонент изменения местоположения Объекта имеет в этом значении статус ассерции, а компоненты обладания и контроля – статус следствия (инференции).

Приведем толкование этого значения:

Петя *взял* книгу с полки.

X *взял* Y S-ом с / из Z-а в C.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ПРЕДМЕТ
S	Инструмент	Нврз	Инкорп	РУКА
Z	Исходная точка	с/со/из	Периф	УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА
C	Конечная точка	Нврз	Инкорп	ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО СУБЪЕКТА

До t< МН Y не находился в C <презумпция>
В t<МН X привел S в контакт с Y-ом и переместил Y из Z в C <ассерция>
Результат: В t имеет место состояние: Y находится в C <ассерция>
У X-а есть Y <инференция >
X может делать с Y-ом все, что хочет <инференция>

Обязательное выражение в этом значении получают только два участника, Агенс (выражен Субъектом) и Пациенс (выражен Объектом), в то время, как и Начальная, и Конечная точки могут быть дейктическими и поэтому не иметь выражения, как в приведенном примере, где Римский перемещает телефонную трубку к себе из какой-то точки в своем личном про-

вину и *искупить вину*. Выше (с. 45) было высказано предположение, что в сознании человека существуют устойчивые связи между концептуализациями различных ситуаций – концептуальные структуры, которые служат основой полисемии, в частности обеспечивая переход от одного тематического класса к другому. Материал, который рассматривается в данном разделе, приводит к выводу, что эти концептуальные структуры могут представлять собой аксиомы обыденной жизни.

странстве (со своего стола). В следующем примере Объект находится вне личного пространства Субъекта (отделен от него преградой); Конечная точка дейктически связана, а Начальная получает выражение:

(9) Кузьма, резко перегнувшись через стол, *взял из ящика* наган и пошел из сельсовета, не оглянувшись на Елизара (Шукшин).

Участник Инструмент также не выражен, но по другой причине: он имеет постоянное значение (рука) и поэтому инкорпорирован.

Некоторые компоненты ситуации, которую описывает данное значение, могут модифицироваться: субъектом действия может быть не человек, а животное, брать можно не руками, а ртом или зубами, например:

(10) Если Джеку кидали в речку палку, он бросался за ней, плыл, потом *брал* в зубы и возвращался на берег (Скребицкий).

Описание ситуации может быть более детальным, в частности может уточняться часть предмета, с которой контактирует рука при его перемещении, как в примере (11), и точка личного пространства, в которую помещается предмет, как в примере (12), но набор компонентов, входящих в концепт ситуации, остается тем же:

(11) Сволочь капитан опять *взял* черного кота за шкирку и швырнул в штормовые волны (Конецкий).

(12) Воланд *взял* в руки поданный ему экземпляр, повернул его, отложил в сторону и молча, без улыбки уставился на мастера (Булг.).

Другое значение *взять*, представленное примером (13), выражает концепт ситуации, очень близкий только что рассмотренному:

(13) Он [процесс] удивительно медленный, и у нас не хватает терпения. Откуда нам *взять* его? (Н. Мандельштам).

Хотя в этом значении *взять* описывает действие человека с какой-то идеальной сущностью, это действие концептуализу-

ется так же, как действие с физическим предметом: человек как бы перемещает эту сущность из внешнего мира к себе. Естественно, что при этом ненужным оказывается такой компонент ситуации, как перемещение с помощью руки, и что сама сущность перемещается не в личное пространство, а во внутренний – эмоциональный или ментальный – мир человека[74]. Поэтому данное значение глагола *взять*, так же, как его основное значение, принадлежит тематическому классу перемещения Объекта, но в рамках этого тематического класса эти значения попадают в разные подклассы: основное значение – в подкласс перемещения предмета в личное пространство человека, а значение действия с абстрактным объектом – в подкласс перемещения идеальной сущности во внутренний мир человека.

Остальные значения *взять* могут быть систематизированы с точки зрения того, как в концептах описываемых ими ситуаций и пользуются и аранжируются компоненты концепта исходной ситуации.

Ряд значений описывает концепт ситуации, в которой Объект переходит в личное пространство человека от другого владельца – человека, как в примере (14а), или учреждения, как в примере (14б):

(14) а. – А у кого *взял* нож? – В хлебной лавке у Хевронских ворот, как войдешь в город, сейчас же налево (Булг.).
б. *Взяла* она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей! (Булг.).

В этих значениях центральным становится компонент обладания, а компонент перемещения Объекта руками становится подчиненным ему или вообще уходит из ситуации, как в примере (15), где Субъект завладевает участком пространства, переместившись на него:

(15) И они ее [деревеньку] *взяли* малыми потерями, почти без боя, и, как все настоящие солдаты, обрадовались такому положению вещей – окопались, и даже костерки в окопах тихонькие развели: мороз был большой (Конецкий).

[74] В основе сходства концептуализации действий с физическими и с идеальными объектами лежит парность телесных и духовных систем (Апресян 1995д: 364).

В других значениях на первый план выходит компонент контроля: переместившись в личное пространство другого человека, Субъект ограничивает его свободу, например (16); в то же время, сам человек может попасть в область действия эмоций, как бы оказавшись под их контролем, как в примере (17):

(16) Да-а... У вас арестов нету? – Троих *взяли* (Иванов).
(17) И такая меня тоска *взяла* – хоть за борт прыгай (Конецкий).

В ряде значений центральным и единственным становится только один компонент – движение Субъекта, ср. приводившийся выше пример (6), или Наблюдателя (7).

Приведем словарную статью глагола *взять*. При определении тематических классов глаголов использовался словарь «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988). Номер каждого значения складывается из номера тематического класса, индекса подкласса, если он есть, и номера данного значения в рамках его класса или подкласса, например I.1.1 или II.A.1.1 и т.п. В словарной статье опущены фразеологические сочетания (*взять с кого-то слово / обещание; взять женщину* 'овладеть'; *взять что-то на себя* и т.д.).

ВЗЯТЬ

I. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА

I.A. Перемещение предмета в личное пространство человека

1.1. Охватив предмет пальцами и ладонью[75] одной или обеих рук, переместить его из какой-то точки пространства к себе: Левий ... молча и быстро *взял* с прилавка то, чего лучше и быть не может, – отточенный, как бритва, длинный хлебный нож, и тотчас кинулся из лавки вон (Булг.).

1.1.а. Охватив предмет пальцами и ладонью одной или обеих рук, переместить его в определенную точку личного пространства: Хозяин *взял* на руки Тетку и сунул ее на грудь, под шубу, где находился Федор Тимофеич (Чехов); Толстяк *взял* свой примус под мышку, овладел верхним мандарином в пирамиде и, тут же со шкурой сожравши его, принялся за второй (Булг.).

1.1.б. Переместить к себе из места, для которого характерна определенная деятельность: В Ярославле, как раз в обе-

[75] Эта формулировка предложена Е.В. Урысон в устном общении.

денную пору, в ресторан явился гражданин с примусом в руках, который он только что *взял* из починки (Булг.).

1.2. Охватив предмет пальцами и ладонью одной или обеих рук, переместить его в свое личное пространство с целью перемещаться дальше вместе с этим предметом: Нет, прокуратор, – команда *взяла* с собой для этой цели хитоны (Булг.).

1.3. Охватить пальцами и ладонью какую-то часть предмета, часть тела или деталь одежды человека: Захар остановил на нем кровавый, тяжелый взгляд, потом, ни слова не говоря, *взял* бутыль за горло (Бунин); Брэнгвин *взял* капитана левой рукой *за грудь*, причем весь свитер собрался жгутом в кулаке, а правой рукой он уложил капитана на палубу... (Пикуль); ... чтобы какой-нибудь близкий вам человек, ваш друг или муж (самое лучшее, если бы это был военный) *взял* меня за руку и попросил не беспокоиться о вашей участи и не утруждать вас своим вниманием (Пастернак); *Взять* друга за плечи; *Взяв* Анну Ивановну за руку, чтобы сосчитать пульс, он другой рукой полез в тужурку за стетоскопом (Пастернак).

I.В. Перемещение идеальной сущности во внутренний мир человека

Сделать своим: *Взять* тему для сочинения; *взять* сюжетом происшествие.

II. ОБЛАДАНИЕ

1.1. Переместить к себе рукой из рук другого человека по договору: Нина Ивановна покраснела, *взяла* у нее пакет (корп.); Она *взяла* их [деньги], уложила в сумочку, стала целовать меня и говорить, что ей легче было бы умереть, чем покидать меня в таком состоянии одного (Булг.);

1.2.а. Заплатив, переместить к себе (купить). *Взять* билеты по 75 рублей. *Взяла* она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей! (Булг.).

1.2.б. Заплатив, получить возможность использовать. Он *взял* такси на два часа за 25 рублей. *Взял* извозчика на Ярославском вокзале. Он *взял* десять уроков английского.

1.2.в. Получить деньги за временное или постоянное пользование предметом или услугами: Взять *с пассажиров* по 25 рублей.

1.3. Переместить рукой к себе из личного пространства другого человека без предварительного договора (присвоить): Я еще хотел швырнуть им деньги, а у меня не было, и я *взял* у вас (Булг.);

2. Преодолев сопротивление противника силой, переместиться на прежде принадлежащую ему территорию, тем самым овладев ею: *Взять* город приступом. *Взять* высоту.

III. КОНТРОЛЬ

III.A. Контроль человека над людьми

1.1. Воздействовав на человека силой или властью, ограничить его свободу: При полном безмолвии *взяли* пятерых и отвезли судить, скрученных (Леонов); – А почему в кальсонах? С постели *взяли*? (Булг.).

1.2. Преодолев сопротивление людей или обстоятельств, изменить эмоциональное отношение к себе, привлечь на свою сторону каким-то качеством: Симонов *взял* талантом.

III.B. Контроль эмоций над человеком

Вопреки своему желанию, дав эмоции как бы распространиться в себе, подпасть под ее контроль: Такая тоска вдруг *взяла* меня, что я говорю: «Дорогой ты мой товарищ, Максим Ильич, ай нам остаться, до утра подождать?» (Бунин).

IV. УНИЧТОЖЕНИЕ

Будучи приведенным в контакт с Объектом, удалить его: Клопов даже персидский порошок не *взял*. Это пятно *взял* только «Тайд».

V. ДВИЖЕНИЕ

1.1. Двигаясь в каком-то направлении, преодолеть препятствие: *Взять* барьер. Поезд с трудом *взял* подъем.

1.2. Изменить направление движения: Захар кричит, чтобы я *взял* налево; а зачем налево? – думал Николай, – Разве мы к Мелюковым едем, разве это Мелюковка? (Толстой); Дорога *взяла* налево.

1.3. Пригласив другого человека переместиться в свое личное пространство, переместиться куда-либо вместе с ним: Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты *взял* с собою мастера и наградил его покоем (Булг.).

Мена тематического класса участника ситуации *взять*

В этой части раздела рассматривается связь между изменением тематического класса Объекта по таким моделям, как ‘предмет – человек’ и ‘предмет – участок пространства’, и изменением тематического класса глагола. Будет показано, что

между изменением тематического класса участника ситуации и тематического класса глагола нет прямой связи и что результат, к которому приводит мена тематического класса участника, зависит от ряда дополнительных условий.

§ 1. Сдвиг Объекта по модели ПРЕДМЕТ – ЧЕЛОВЕК

Сдвиг тематического класса Объекта глагола *взять* по модели ПРЕДМЕТ – ЧЕЛОВЕК приводит к разным результатам. Глагол может перейти в класс ОБЛАДАНИЕ, ср. *взять* II.1.2.б: *взял извозчика* 'нанял'. Сдвиг по этой же модели может сопутствовать переходу глагола из класса ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА в класс КОНТРОЛЬ, ср. *взять* III.А.1.1: *Его взяли на улице* 'арестовали', или в класс ДВИЖЕНИЕ, ср. *взять* Y.1.3: *Родители взяли меня с собой в кино*[76]. Помимо всего прочего, глагол может остаться в классе ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА, ср. I.А.1.1.а: *взяла малышку на руки* 'переместила к себе с помощью рук'. В следующей части раздела будут проанализированы причины, по которым изменение тематического класса Объекта по одной и той же модели в каждом случае дает разный эффект.

Переход глагола в тематический класс ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

Вместо точки пространства, из которой Субъект перемещает Объект к себе, в ситуации, которую описывает глагол *взять*, может появиться другой участник – владелец Объекта с семантической ролью Контрагент. Перемещая Объект к себе из рук или из личного пространства Контрагента по договору, в частности в обмен на деньги (в этом случае в ситуации есть еще один участник – Цена), или без договора (см. настоящее издание, с. 131), Субъект сам становится владельцем Объекта, ср.:

(18) Душенька! Маргарита Николаевна! – кричала Наташа, скача рядом с Маргаритой, – сознаюсь, *взяла* крем (Булг.).

Глагол *взять* при этом переходит в тематический класс ОБЛАДАНИЕ.

[76] Для простоты изложения вместо термина «тематический подкласс» в дальнейшем употребляется термин «тематический класс».

Тематический класс Объекта у глаголов обладания очень широк: единственное условие, которому должно удовлетворять имя, выражающее Объект, – это обозначать что-то, что может кому-то принадлежать. Свои владельцы есть у предметов, у участков пространства и помещений, ср. *взял садовый участок, взял имение в аренду*, и у услуг, которые можно получить за деньги, ср. *взять урок игры на гитаре*. Большая часть предметов легко меняет своего владельца навсегда или на время; например, кассета, взятая в видеотеке, попадает в распоряжение заплатившего за нее человека на два дня. Некоторые предметы и услуги, например уроки, неотделимы от людей, которые их предоставляют: *взять такси* невозможно без водителя, а *урок иностранного языка* – без преподавателя. Это создает основу для диатетического чередования по модели 'услуга – тот, кто ее предоставляет', например: *взял (урок танцев – учителя танцев), взял (карету – извозчика)*. В диатезе *взял урок* услуга имеет семантическую роль Пациенс и статус Объекта, а предоставляющий ее человек – роль Контрагент и периферийный статус или статус За кадром. В диатезе *взял учителя танцев* статус Объекта получает Контрагент, который одновременно становится и Пациенсом, а услуга, которую он предоставляет, уходит из кадра. Таким образом, во всех рассмотренных примерах имеет место не изменение тематического класса Объекта по модели 'предмет – человек', сопровождающее или обусловливающее переход глагола из одного тематического класса в другой, а диатетический сдвиг в рамках одного и того же тематического класса обладания.

Между тем в некоторых случаях в языке есть только имя человека, предоставляющего услугу, а обозначение самой услуги отсутствует – например, никак не называются услуги домработницы, няни, проводника. Это бывает, когда предоставление услуги не ограничено четкими временными рамками – такими как урок или сеанс (например, гипноза). Тогда в позиции Объекта может выступать только 'хозяин услуги', ср. *взять домработницу, няню* и т.п., и в этом случае смена тематического класса Объекта от предмета на человека приводит к переходу глагола из тематического класса ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА в класс ОБЛАДАНИЕ.

Возникает другое диатетическое чередование[77]. Субъект может использовать Объект не только в своем личном, но и в

[77] Диатетическое чередование – русский эквивалент термина alternation, который употребляется в работах Б. Левин (см., например, Levin 1993).

каком-то другом подконтрольном ему пространстве. Поэтому Конечная точка может перестать быть дейктической и получить выражение, указывая, где именно используется деятельность участника, выраженного Объектом, например:

(19) Два спектакля он ставил, Сергей Леонидович болел, оба провалились; один тащился полсезона, другой и того меньше, но дело не в этом: *в оба не взял* Лялю (Трифонов).

Объект – 'хозяин услуги' может быть выражен именем, не указывающим однозначно, как он используется Субъектом, и тогда возникает еще одна диатеза – с участником Роль:

(20) Вот жребий той, которую творец Себе *возьмет в подруги* наконец (Пушкин)[78].

Переход глагола в тематический класс КОНТРОЛЬ

Рассмотрим теперь условия, при которых изменение тематического класса Объекта глагола *взять* по модели ПРЕДМЕТ – ЧЕЛОВЕК приводит к тому, что из класса ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА он переходит в класс КОНТРОЛЬ.

Переместить человека в свое личное пространство можно либо с помощью слов, пригласив его, либо, если он не согласен, применив силу или формулу власти, как в следующем примере, описывающем ситуацию лишения свободы:

(21) Он так и разграничивал: когда *взяли* Кольцова, он сказал, что это нас не касается, но тяжело реагировал, если арестовывали просто интеллигентов (Н. Мандельштам).

У Объекта *взять* в этом значении – две роли: он одновременно и Пациенс, и Контрагент, сопротивление которого подавляет Субъект. Исходно в концептуализации ситуации, которую *взять* выражает в этом значении, обязательно присутствовал еще один участник – Инструмент воздействия, руки: при задержании преступника его в буквальном смысле брали руками, ср.:

(22) При полном безмолвии *взяли* пятерых и отвезли судить, скрученных (Леонов).

[78] Участник Роль выявлен в (Падучева 1999д) у глаголов выбора.

живых существ маленького размера и холоднокровных животных, – к классу теплокровных существ относительно большого размера, включая человека.

Таким образом, Конечная точка *на руки* корректирует изменение тематического класса Объекта, указывая, как именно нужно трактовать, и тем самым отменяет переход глагола *взять* в новый класс.

§ 2. Сдвиг Объекта по модели ПРЕДМЕТ – УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА

Посмотрим теперь, к каким последствиям для семантики глагола *взять* может привести изменение тематического класса Объекта по модели ПРЕДМЕТ – УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА. Участок пространства или какой-либо пространственный объект отличаются от предмета тем, что они неотделимы от поверхности земли и Субъект не может переместить их к себе с помощью рук. Поэтому, чтобы такой Объект оказался в личной сфере Субъекта, Субъекту нужно либо получить на него юридические права навсегда или на время, ср. *взять имение в аренду*, либо переместиться в/на/через него, ср. *взять дом, взять высоту, взять барьер*.

Совсем не все участки пространства удовлетворяют хотя бы одному из этих условий. Получить юридические права можно только на такой участок, который в принципе может принадлежать кому-то, – например, на *садовый участок*, в отличие от *улицы* или *леса*[79]. Теоретически на любой участок пространства можно переместиться, но Объектом глагола *взять* могут быть только такие участки, которые представляют сложность для перемещения в силу своего рельефа, поэтому можно сказать *взять крутой подъем, барьер, вершину*, но нельзя **взять сад*, **взять лужайку*.

Такие типы участков пространства, как *город, крепость* и *высота* совмещают оба свойства: с одной стороны, они принадлежат государству или какой-то другой власти, а с другой – могут представлять сложность для перемещения, причем не только в силу рельефа, как высота, или потому что укреплены, как

[79] В 19-м – начале 20-го века, когда имущественное право в России было другим, *лес* мог быть Объектом глагола *взять*, ср. следующий пример: – Задаром лес *взяли*, – сказал он. – Поздно он ко мне приехал, а то я бы цену назначил (Толстой).

город и крепость, а главным образом потому, что сопротивляются находящиеся там люди, ср. *взять высоту, крепость, город,* но **взять безлюдное село*. В зависимости от дополнительных признаков Объекта *взять* попадает в один из двух тематических классов – ОБЛАДАНИЕ (*взять участок, взять крепость*) или ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СУБЪЕКТА (*взять крутой подъем*). Здесь нужно отметить, что при переходе *взять* в класс ОБЛАДАНИЕ важно не то, что Объект *взять* – участок пространства, а то, что этот участок представляет собой ценность, которая, наряду с другими физическими и нефизическими сущностями, может находиться в личном владении. Иными словами, в тематическом классе ОБЛАДАНИЕ нивелируются все различия между тематическими классами Объекта, кроме ценностного.

Переход участка пространства от одного владельца к другому возможен, как и во всех случаях смены владельца собственности, либо по договору, либо в результате применения силы. В последнем случае *взять* не допускает выражения Контрагента, ср. **взять крепость у ее защитников*. Причина заключается в том, что Контрагент находится на контролируемом им участке пространства и результатом действия Субъекта, которое описывает *взять,* является одновременно подавление сопротивления Контрагента и перемещение на этот участок пространства; отделить эти два результата друг от друга невозможно.

* * *

Цепочки модификаций, через которые проходит значение глагола *взять*, позволяют уточнить представления о связи тематического класса участника и тематического класса глагола в процессах семантической деривации.

Переход от одного тематического класса к другому мотивирован концептуальными структурами, которые в случае глагола *взять* представляют собой житейские аксиомы. Изменение тематических классов участников ситуации, которую концептуализует глагол, представляется немотивированным, но согласуется с переходами тематических классов.

Деривационную нагрузку несет не только изменение тематического класса Объекта глагола, но и изменение класса его Субъекта. Правда, деривационная роль Объекта существенно выше – это связано с тем, что возможности варьирования тематических классов Объекта значительно шире: Объектом глагола может быть любая сущность, в то время как типичные Субъекты – это люди,

В современных употреблениях этот участник встречается, но необязателен: при наличии современного огнестрельного оружия при аресте вполне достаточно использовать формулу власти.

Для того чтобы глагол *взять* перешел в класс КОНТРОЛЬ, необходимо соблюдение еще некоторых условий. Во-первых, специализация тематического класса Объекта: Объектом *взять* должен быть человек, достигший определенного возраста, при котором к нему может быть применен закон, ср. *извозчика / мастера / юношу / *школьника / *младенца взяли на улице*. Во-вторых, должен измениться тематический класс Субъекта: он становится либо безличной Силой, олицетворяющей закон (23а), либо человеком, облеченным властью (23б):

(23) а. А то, что деда *взяли* еще тогда, это деду тоже «повезло», потому что – «вовремя», позже с ним бы «не так обошлись», а так он перекочевал из ссылки в ссылку и только... (Битов).

б. После ареста Бабеля Катаев и Шкловский ахали, что Бабель, мол, так трусил, что даже к Ежову ходил, но не помогло, и Берия его именно за это *взял*... (Н. Мандельштам).

В значении контроля над человеком *взять* становится основой еще для одного преобразования, на этот раз связанного с Субъектом. Тематический класс Субъекта меняется с человека на эмоцию, и глагол переходит в новый тематический класс, находящийся на пересечении классов КОНТРОЛЬ и ЭМОЦИИ, например:

(24) На днях хандра меня *взяла* (Пушкин).

В основе перехода из класса КОНТРОЛЬ в класс ЭМОЦИИ, возможно, лежит еще одна житейская аксиома, заключающаяся в том, что человек может находиться под властью эмоций так же, как под властью людей.

Запрет на переход глагола в новый тематический класс

В этой части раздела статьи будут рассмотрены причины, по которым, несмотря на изменение Объекта, глагол не переходит в новый тематический класс. В тематическом классе ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА сдвиг Объекта с предмета на человека может

сопровождаться изменением участника Конечная точка, указывающего, куда именно в личном пространстве Субъекта помещается Объект. Если Объект – предмет, Конечная точка дейктически связана и понимается как 'в свое личное пространство', ср. *взял сигарету со стола*; но когда Объект становится человеком, Конечная точка может быть выражена предложным словосочетанием *на руки*, например:

(25) И все это сделала Анна, и *взяла* ее [девочку] на руки, и заставила ее попрыгать, и поцеловала ее свежую щечку и оголенные локотки (Толстой).

На руки описывает особое положение Объекта: он прислонен к телу Субъекта; руки Субъекта поддерживают его. В контексте *на руки* могут встречаться не только обозначения детей (*ребенок*, *малышка*, *младенец*), но и имена людей самых разных подклассов, например названия людей по профессии (*летчик*, *мотоциклист*), по занятию (*велосипедист*, *пловец*), по полу (*женщина*, *мужчина*). В этом контексте все они не вызывают того изменения значения глагола, к которому приводят без него, ср. *взял извозчика* 'нанял на время' – *взял извозчика на руки* 'поднял', *взял ребенка* 'усыновил', *взял пленного* 'лишил свободы' – *взял пленного на руки*, *взял летчика* 'лишил свободы' – *взял раненого летчика на руки* и т.п. Единственное условие, которое должно быть выполнено, чтобы сочетание с *на руки* было возможно, – это чтобы из контекста вытекало, что человек по какой-то причине неподвижен (болен, ранен, без сознания и т.п.): например, *пловца* можно *взять на руки*, если он без сознания. Это значит, что независимо от того, какой признак – возрастной, социальный, профессиональный – лег в основу обозначения человека в каждом случае, тематический класс у всех номинаций один: тело человека.

Однако, как оказывается, тематическим классом Объекта глагола *взять* при Конечной точке *на руки* может быть не только ЧЕЛОВЕК. Конечная точка *на руки* появляется и в тех случаях, когда Объект – теплокровное животное относительно большого размера, например *взял ягненка*, *собаку*, *теленка*, *гуся на руки*, но *взял мышь*, *цыпленка*, *лягушку* ***в*** *руки*. *Удава* и *щуку*, независимо от их размера, можно взять только *в руки*. Поэтому на самом деле в рамках класса ПЕРЕМЕЩЕНИЕ сдвиг тематического класса Объекта происходит не от предмета к человеку, а от класса, объединяющего предметы, теплокровных

естественные силы (например, *ветер*, *вода*), эмоции и некоторые ментальные сущности (например, *мысль*, *идея*, *решение*).

Изменение тематического класса участника не всегда приводит к переходу глагола в новый тематический класс. Специальный контекстный оператор может переинтерпретировать тематический класс участника, тем самым отменив переход. Кроме того, возможны случаи, когда за изменением тематического класса участника стоит диатетический сдвиг в рамках одного тематического класса и даже одного значения глагола.

Изменение тематического класса участника – достаточно тонкое преобразование. Во многих случаях важным оказывается не изменение на уровне класса, а приобретение участником каких-то дополнительных признаков, т.е. изменение на уровне подкласса, причем подкласс можно вывести только из сочетания с данным глаголом или группой синонимичных глаголов, а не из априорной тематической классификации. Участники, исходно принадлежащие разным тематическим классам, благодаря приобретенному признаку могут попасть в один и тот же подкласс – например, в подкласс физических сущностей, имеющих ценность, или в подкласс живых теплокровных существ большого размера.

Иногда одновременно происходит целый ряд изменений: меняются и тематические классы сразу нескольких участников исходной ситуации, и наряду с этим появляются новые участники.

2.

Параметры значения глаголов полного охвата

В разделе 1 Главы II-ой было показано, как из лексической семантики глаголов полного охвата (*наполнить, покрыть, украсить* и др.) могут быть выведены такие особенности их языкового поведения, как характерная для них регулярная многозначность «действие – процесс – состояние» и определенные синонимические трансформации. В данном разделе речь пойдет о взаимосвязи между лексической семантикой этих глаголов и характером участников ситуации, которую они концептуализуют. Кроме того, будет рассмотрен вопрос о том, как характер участников позволяет

обосновать некоторые особенности поведения этих глаголов – в частности, как актанты Объект и Средство влияют на их синтаксическую сочетаемость, а такие компоненты значения, как Цель и Оценка – на значение их аспектуальных форм.

Объект

§ 1. Способы выражения участников в предложении. Метонимические отношения между участниками

Хотя глаголы полного охвата всегда представляют Объект как «полностью охваченный действием» (ср. *закрыть кастрюлю крышкой, покрыть стол скатертью*), реально физическому воздействию подвергается не весь предмет, а какая-то его часть (соответственно, отверстие кастрюли и крышка стола). В связи с этим возникает интересная задача. Дело в том, что в предложении иногда указывается и имя части (детали) предмета, к которой непосредственно приложено действие (на которой разворачивается процесс и которая «полностью охвачена» состоянием), и имя предмета (целого), частью которого она является, например (1), а иногда, несмотря на то что в роли семантического Объекта глагола выступает имя части, прямым дополнением глагола является имя целого предмета, причем имя части не упоминается, например (2):

(1) а. Матрос *закрыл отверстие* [часть] *люка* [целое] *крышкой* (действие);
б. Золотой шнур *увивает древко* [часть] *копья* [целое] (состояние).
(2) ...он налил в бутылку кипятку, *заткнул ее* [=горлышко бутылки] *резиновой пробкой*, положил себе на живот и лег в постель (Вишневская).

А. Возможность метонимического преобразования.

Деталь предмета и сам предмет связаны отношением смежности, как горлышко и бутылка, крышка и шкатулка и т.п. Поэтому можно сказать:

заткнуть горлышко бутылки пробкой / заткнуть бутылку пробкой;

залить крышку шкатулки чернилами / залить шкатулку чернилами.

Здесь замена части на целое является обычным случаем метонимического переноса.

Но метонимическое преобразование такого рода возможно не всегда, ср.:

закрыть дверь дома = закрыть дом, но

закрыть окно дома ≠ закрыть дом;

залить щель в лодке смолой = залить лодку смолой, но

*заткнуть щель в лодке тряпкой / *заткнуть лодку тряпкой.*

Возможность метонимической замены целого на часть в выражении семантического Объекта определяется тремя противопоставлениями:

1) «органическая» – «случайная» часть (деталь) Объекта;

2) «центральная» – «периферийная» часть;

3) «локализованное» – «нелокализованное» воздействие.

Рассмотрим каждое их этих противопоставлений отдельно.

Если речь идет о детали, которая присуща предмету изначально, т.е. является «по природе» его неотъемлемой частью, как *дверь* и *окно* у дома и *ножки* и *крышка* у стола, замена имени части на имя целого предмета возможна тогда, когда эта деталь является существенной – главной или, во всяком случае, не периферийной частью предмета, ср.:

покрыть крышку стола лаком = покрыть стол лаком, но

покрыть ножки стола лаком ≠ покрыть стол лаком.

Если же речь идет о случайно приобретенной, неингерентной детали, т.е. о дефекте (*щель, дырка, трещина, пробоина* и под.), метонимический перенос возможен только в том случае, если воздействие не ограничено строго данной деталью, как, например, в ситуации, когда щель *затыкают* паклей, но распространяется за ее пределы – как в ситуации, когда щель *заливают* смолой.

Различная «трактовка» частей целого имеет, как кажется, естественное семантическое объяснение. Строго локализованное воздействие на случайно возникшую, обычно нежелательную, деталь, нарушающую нормальное функционирование предмета, воспринимается как воздействие, направленное только на эту деталь и не затрагивающее предмета в целом. Как правило, цель и результат действия в этом случае – ликвидация этой детали, сопровождающаяся восстановлением нормального фун-

кционирования самого предмета. Внимание говорящего при этом направлено на деталь, имя которой в результате помещается в фокус предложения, получая статус одного из центральных участников, а именно Объекта. Имя целого, вытесненное на периферию «кадра» или вообще за его пределы, получает периферийный статус сирконстанта и, если оно уже известно из предыдущего контекста, может быть опущено по общему правилу вычеркивания повторов в тексте, например:

(3) Я поднял глаза и увидел огромную щель в стене. К вечеру мне удалось *заткнуть* щель по всей длине паклей.

Так же воспринимается воздействие на органически присущую предмету, но периферийную деталь: оно тоже трактуется как затрагивающее только эту деталь, но не весь предмет в целом. В результате воздействия эта деталь изменяется, как в примере *покрыть ножки стола лаком,* или же прекращается (временно) ее функционирование, но не функционирование предмета в целом, например *закрыть окно дома.*

Воздействие же на органически присущую предмету существенную деталь трактуется как воздействие на весь предмет в целом. Его результатом может быть прекращение функционирования предмета (*заткнуть горлышко бутылки – заткнуть бутылку; закрыть дверь дома – закрыть дом).* В поле внимания говорящего при этом – весь предмет в целом, на фоне которого деталь теряется; имя предмета помещается в фокус и становится Объектом глагола, а имя части опускается. Так же трактуется языком воздействие на случайную деталь, которое выходит за ее границы: его результат воспринимается как обработка предмета, его изменение в целом, что тоже заставляет поместить в фокус сам предмет и опустить имя детали[80].

В. Лексические ограничения.

Замена имени части или детали на имя целого в выражении, которое получает участник с ролью Объект, может быть выз-

[80] Представляется, что именно таким образом можно интерпретировать метонимическую замену имени части на целое для ряда, приведенного в (Апресян 1995г), включающего глаголы различных семантических классов с регулярной полисемией «обрабатывать определенным способом – ликвидировать этим способом»: *латать (рубаху – дыру), истопать (носки – дырки), залить (калоши – дыру), запаять (чайник – дыру)* и под. с импликативным преобразованием *запаять дырку (течь)* в *чайнике – запаять чайник; зашить прореху в мешке – зашить мешок.*

вана тем, что имя имеет только предмет в целом, но не его деталь, к которой прилагается действие. Например, не имеет названия отверстие кастрюли, и поэтому говорится *закрыть кастрюлю;* отверстие уха имеет только терминологическое название *слуховой проход,* и поэтому говорится *заткнуть ухо ватой,* хотя точкой приложения является 'проход'. Нет названия у горизонтальной поверхности дивана и у 'прохода' трубы, и поэтому можно сказать только *накрыть диван пледом; забить трубу тряпками.*

§ 2. Тематические классы Объектов глаголов полного охвата

Объект глаголов полного охвата может быть выражен следующими классами частей /деталей:

– внешняя поверхность, которая при этом может быть выделенной, как *крышка стола,* или невыделенной, как поверхности цилиндрических или шарообразных предметов, – например, как внешние стенки кастрюли, поверхность тела человека и под.;

– внутренняя поверхность, например внутренняя поверхность купе или гнезда: *обтянуть стены и потолок купе / купе кожей; устелить гнездо пухом;*

– отверстие, ср. *закрыть дверь комнаты / комнату;*

– проход, ср. *заткнуть дымоход,* т.е. «проход дымохода», *подушкой;*

– внутренний объем, ср. *наполнить чашу,* т.е. 'полость' чаши *вином* (как правило, такая деталь, как 'внутренний объем' выступает в сочетании с 'внутренней поверхностью');

– ближайшее к объекту пространство, т.е. окрестность Объекта, которая трактуется языком как неотделимая от Объекта, принадлежащая ему, ср. *Войска окружают крепость* – располагаются по периметру пространства, прилегающего к крепости[81] ; *загородить здание* – помес-

[81] Это, по-видимому, лишь один из способов выражения существенного для языка противопоставления центральных частей – периферийным. Ср. с указанием А. Вежбицкой о том, что воздействие на «периферийные» органы человека описывается конструкцией с дательным Субъекта *(сломал себе палец),* чего не допускает описание воздействия на «основные» органы *(сломал ногу)* (Wierzbicka 1988: 171).

тить преграду на участке пространства, примыкающего к зданию, и под.).

В качестве целых, которым принадлежат эти детали, могут выступать:

– цельный физический предмет;

– вместилище, т.е. физический предмет, имеющий внутренний объем (или полость) и отверстие, служащее либо входом, либо выходом;

– масса (целое, состоящее из частиц, между которыми имеются проходы, что оказывается существенным для интерпретации некоторых ситуаций).

Кроме перечисленных, в качестве целых могут выступать и части (детали) из приведенного выше перечня, если они достаточно значимы или велики, чтобы восприниматься как независимые сущности (или, наоборот, если 'целое' так велико, что не может быть охвачено взором человека. Так, такая 'поверхность', как *поле* рассматривается не как часть целого – *земли,* а как независимый объект, либо потому, что *поле* достаточно велико и значимо, либо потому, что *земля* чрезмерно велика, чтобы соотноситься с *полем* как целое с частью; как целое может рассматриваться *люк* – достаточно большое 'отверстие' с крышкой (например, на палубе корабля), имеющее функцию входа; в качестве целых могут рассматриваться полости – такие как *ямы, овраги* или *котлованы* – и проходы – такие как *туннели, коридоры, ущелья.* Таким образом, 'части' и 'целые' образуют пересекающиеся классы.

В то же время, при достаточной сложности 'частей', у них могут, в свою очередь, выделяться детали (части), на которые оказывается воздействие. Так, у отверстия есть край и проем, что существенно для толкования значений ряда глаголов полного охвата, например, *закрыть кастрюлю крышкой* – создать контакт Средства *(крышки) с* краями и проемом отверстия Объекта *(кастрюли).*

У внутренней поверхности вместилища может быть дно и стенки, у прохода – стенки, внутренний объем, два отверстия[82], попеременно служащие входом и выходом, и поперечник. При этом воздействие может распространяться на весь Объект, т.е. быть сплошным (например, покрытие поверхности, ср. *залить*

[82] Правомерность выделения такой детали, как края отверстия, подтверждается тем, что она используется З.М. Малиной при толковании существительного *пробка* (Малина 1991:146).

улицу асфальтом, или заполнение промежутков массы другой массой, ср. *пропитать корж сиропом),* затрагивать отдельный участок или точку Объекта *(украсить платье бантом; приколоть бабочку булавкой)* или проходить по линии *(стянуть талию поясом).*

Возможность различных сочетаний области воздействия, деталей первого и второго порядка (т.е. деталей деталей, там, где они есть) и 'целых' создает множество Объектов глаголов полного охвата. Так, Объектом могут быть линия краев отверстия, его проем, стенки и часть внутреннего объема прохода сплошь *(заткнуть ухо ватой);* стенки прохода по линии сечения и часть поперечника *(перегородить улицу грузовиками);* внутренняя поверхность и объем вместилища сплошь *(наполнить ванну водой);* внешняя выделенная поверхность физического предмета по линии краев *(обрамить зеркало фотографиями)* и под.

Разнообразие Объектов возникает при этом не только за счет возможности сочетаний разных составляющих их сущностей, но и за счет возможности умножения одинаковых сущностей. Так, Объектом глагола полного охвата может быть не одна, а множество точек поверхности физического предмета *(утыкать подушечку иголками; усыпать сцену цветами);* множество участков внутренней поверхности и части объема вместилища *(уставить комнату книжными шкафами);* не одна, а две внешних выделенных поверхности *(прослоить коржи кремом);* две точки на внутренней поверхности *(распереть крышу балкой);* воздействие может проходить по множеству линий *(увить колонну цветами)* и т.д. (приводить полный список Объектов глаголов рассматриваемого класса мы не будем, так как он может быть исчислен, исходя из возможных сочетаний всех перечисленных выше «примитивных» компонентов, из которых складывается каждый Объект)[83]. Попытаемся теперь по-

[83] Интересно, что ряд Объектов этого класса совпадает с именами, перечисленными А.К. Жолковским в связи с анализом категории контакта в поэзии Бориса Пастернака. Области приложения контакта у Пастернака – «окно», «оконный проем», «форточка» – отверстия, через которые (изнутри наружу и снаружи внутрь) проникают «воздух», «звуки», «люди»; «окно», «оконное стекло» – просвет, через который проникают «зрительные впечатления» и «лучи света»; «оконные стекла» и «рамы» – поверхности, обращенные наружу и допускающие «приникание», «озарение», «оставление следа» (Жолковский 1978).

нять, что это за Объекты – в частности, составляют ли они какой-то особый класс по сравнению с Объектами других глаголов физического действия.

Особенность Объектов данного списка в том, что все они осмысляются не как цельные, а как сложные, обязательно состоящие из частей, в число которых в большинстве случаев входят «пустоты», охватывающиеся действиями: внутренние объемы, 'проемы' отверстий, 'поперечники' (сечения) проходов, расстояния между точками и плоскостями, окрестности предметов. Даже массы, если они становятся Объектами глаголов полного охвата, осмысляются как совокупности однородных частиц, между которыми есть проходы; и именно проходы охватываются такими действиями, процессами и состояниями, как *пропитать (вату спиртом), насытить (Клевер насыщает почву азотом), засорять (Мелкие камушки засоряют пшено)*. В ситуациях, описываемых этими глаголами, вещество или масса, проникающие в массу, заполняют промежутки между ее частицами. Этим Объекты глаголов полного охвата отличаются от Объектов других глаголов физического воздействия (например, глаголов деформации), осмысляемых как цельные тела или массы, независимо от того, включают ли они «пустоты» с точки зрения геометрии физического мира (например, *согнуть гвоздь / трубу*; *расплющить пулю / чашу*; *разрушить холм / здание*, *мешать кашу* и под.). В то же время такой семантический признак, как наличие «пустот» в качестве частей, характерен для другого класса глаголов физического действия – глаголов движения и положения в пространстве, например:

перепрыгнуть яму (актантом является 'проем отверстия вместилища');

обойти овраг ('края отверстия вместилища');

вбежать в комнату ('внутренний объем вместилища');

идти по стене ('верхний край физического предмета');

обогнуть лужу ('окрестность внешней выделенной поверхности предмета');

лежать в яме ('внутренняя поверхность и объем вместилища').

При этом охват актантов движением аналогичен области воздействия, описываемого глаголами полного охвата: так, *перепрыгнуть* предполагает перемещение по линии между двумя точками; *обойти* – по линии периметра окрестности предмета и т.п. (нет аналогии лишь сплошному воздействию).

Но между актантами глаголов полного охвата и глаголов перемещения и положения в пространстве нет полной аналогии.

1. Первое различие состоит в том, что не совпадают их синтаксические и семантические роли. Существительные, имеющие указанные семантические признаки и способные выполнять семантическую роль Объекта глагола полного охвата (и синтаксическую роль его прямого дополнения), при глаголах перемещения и положения в пространстве могут быть прямыми дополнениями *(обойти пруд)*, косвенными дополне- ниями *(обойти вокруг пруда)* и *обстоятельствами* места *(упасть в яму, лежать в канаве)*. Синтаксической роли косвенного дополнения и обстоятельства соответствует семантическая роль Место. Семантическая роль, которой соответствует прямое дополнение, может быть определена исходя из семантики его падежа – «винительного примыкающего», согласно А.М. Пешковскому, не имеющего значения объекта действия (Пешковский 1914: 161); «слабо управляемого винительного» по Р. Якобсону (Якобсон 1985: 140), обозначающего «отрезок времени или пространства, который полностью охвачен действием *(жить год, идти версту)*»; по В.В. Виноградову – винительного места, несущего в своей семантике, как отмечает он вслед за А.В. Поповым, следы так называемого «винительного независимого», употреблявшегося в предшествующие периоды истории русского языка для обозначения времени, места и их протяжений, меры вообще, образа» (Виноградов 1986: 146). Само дополнение при этом имеет значение, близкое к адвербиальному. Можно было бы определить семантическую роль прямого дополнения глагола перемещения как Место; но в отличие от Места, роль которого выполняет косвенное дополнение, это не маршрут движения и не конечный его пункт, находящийся вне перспективы, а Место, охваченное действием, что находит выражение в употреблении винительного падежа и втянутости актанта, благодаря ему, в перспективу предложения – т.е. Место, которое язык представляет как Объект (Место-Объект)[84].

В разделе 1 Главы II-ой мы указывали, что Объект глаголов полного охвата по сути является конечным пунктом переме-

[84] А. Вежбицка указывает, что при некоторых условиях (заинтересованность говорящего, существенное изменение состояния Места или психологическая значимость) локативная группа повышается до статуса Объекта и, соответственно, имеет форму винительного падежа (Wierzbicka 1980: 73, 75, 80).

щения Средства, и поэтому правильнее считать роль прямого дополнения в таких конструкциях, как *покрыть диван пледом, снег покрывает землю* и под. Объектом-Местом. Таким образом, роли сходных по своим семантическим признакам актантов глаголов полного охвата и глаголов перемещения близки, но не тождественны: Объекты-Места глаголов полного охвата соответствуют Местам-Объектам и Местам глаголов перемещения.

2. Второе различие связано с неполным совпадением типов существительных, выражающих Объекты глаголов полного охвата, и существительных, выражающих Места-Объекты и Места глаголов перемещения и положения в пространстве. Все Объекты глаголов полного охвата могут быть Местами-Объектами и Местами глаголов перемещения и положения в пространстве. Но не все Места могут быть Объектами глаголов полного охвата. Так, Объектом глагола полного охвата не может быть нижняя поверхность предмета: *покрыть дно шкафа лаком* можно только перевернув его, т.е. сделав нижнюю поверхность верхней. В то же время нижняя поверхность физического предмета может быть Местом глагола перемещения, ср. *положить книгу под газету, лечь под одеяло,* или положения в пространстве, ср. *Ключ лежит под ковриком; лежать под одеялом* и под. Этому можно дать естественное семантическое объяснение: все действия (процессы, состояния), описываемые глаголами полного охвата, обязательно наблюдаемы, а нижняя поверхность предметов, при нормальном положении вещей, недоступна для взора наблюдателя. Вторая причина — в том, что многие глаголы рассматриваемого класса описывают естественные процессы полного охвата, например *Туман о б в о л а к и в а е т горы; Я краснею: мне хочется все время говорить о велосипеде, я чувствую, что это стыдно, краска з а л и в а е т мне лицо* (Олеша) и т.п., а поскольку многие естественные процессы происходят под действием или, по крайней мере, с участием силы тяжести, они способны затрагивать предметы только сверху (идея высказана Е.В. Падучевой).

Теперь можно сделать вывод о том, какой именно список может быть получен исчислением возможных сочетаний указанных признаков: это список Объектов, которые могут быть Местами, и список Мест, которые могут быть Объектами.

Сами глаголы полного охвата при этом предстают в качестве класса, переходного между глаголами перемещения и глаголами физического действия. Так же, как глаголы перемещения,

глаголы полного охвата описывают действие «охвата Объекта» движением (и, соответственно, глаголы полного охвата включают перемещение в качестве компонента толкования). Но в то время как глаголы перемещения описывают движение Субъекта *(пройти лес)* или перемещение Субъектом Объекта *(передвинуть шкаф из одного конца комнаты в другой)*, после завершения которых Место остается неизменным, глаголы полного охвата описывают перемещение Субъектом Средства *(Дети украшают елку игрушками)*, сопровождающееся его приобретением контакта с Объектом. В результате после завершения действия Средство остается на поверхности Объекта (в Объекте), а сам Объект меняется. В то же время это – лишь поверхностные, легко устранимые изменения, в отличие от необратимых изменений, возникающих в результате действий, описываемых многими глаголами физического воздействия.

Средство

Для охвата каждого Объекта «подходит» свое Средство, как для *бутылки пробка.* Средствами глаголов полного охвата могут быть цельные физические предметы, в том числе артефакты, специально предназначенные для выполнения функций охвата Объектов определенного типа, совокупности однородных физических предметов и вещества – недискретные субстанции, сыпучие, жидкие и вязкие. В некоторых случаях Средства создаются в процессе действия (в результате чего также возникают артефакты, предназначенные для охвата Объектов определенного типа), ср. *окружить крепость рвом* (и одновременно прорыть его), *загородить подступы к зданию баррикадами* (одновременно создав их из чего-либо), *отделить комнату от кухни перегородкой* (одновременно построив ее) и под.

Можно выделить следующие группы Средств:

1. 'Покрытия' – охватывают предмет по внешней верхней горизонтальной поверхности (и, возможно, по боковым): предметы из ткани (*плед, скатерть)* или пластичные, способные затвердевать массы *(асфальт, смола, сургуч* и под.)[85].

[85] Каждый класс включает как специально созданные для выполнения определенной свойственной ему функции артефакты, так и «подручные средства», которые при необходимости могут использоваться в этой же функции.

2. 'Пояса' – охватывают предмет (или множество однородных предметов) по линии периметра внешней поверхности (+/– создают давление): длинные пластичные предметы – *пояс, шнурок, веревка, жгут* и под.

3. 'Крышки' – охватывают линии краев и заполняют поперечник отверстия вместилища: любые плоские твердые предметы – *крышка, доска, щит* и под.

4. 'Затычки' – охватывают края отверстия и внутреннюю поверхность стенок прохода и частично заполняют его объем (+/ – создают давление на стенки): пластичные цельные предметы или кванты вещества – *пробка, вата, тряпка, пакля.*

5. 'Содержимое' – охватывает внутреннюю поверхность вместилища и заполняет его внутренний объем (+/ – создает давление на стенки): любое вещество или масса однородных предметов.

6. 'Перегородки' – охватывают внутреннюю поверхность стенок прохода по периметру и заполняют его поперечник: твердые плоские предметы, в том числе созданные в процессе действия *(доска, стена),* или масса таких однородных предметов *(кирпичи, мешки с песком).*

7. 'Наполнители' – заполняют промежутки между частицами массы: любые массы или вещества, способные проникать в другие массы.

8. 'Ограды' – охватывают окрестность Объекта по периметру, создаются в процессе действия: *баррикады, забор, изгородь, ров.*

9. 'Кайма' – охватывает Объект по линии его края, создается в процессе действия: *зубцы* стены, *бахрома* шали или скатерти.

10. 'Перемычки' – заполняют пространство между противоположными точками на поверхностях двух Объектов (+/– создают давление): *мост, дорога, распорка, балка.*

11. 'Прослойки' – заполняют пространство между обращенными друг *к* другу поверхностями двух Объектов: любые массы или вещества: *крем, вата.*

12. «Скрепы» – охватывают множество соприкасающихся Объектов, находясь на участках двух крайних поверхностей, и создают давление: *прищепка, скрепка.*

Правомерность такой классификации Средств косвенно подтверждается тем, что она согласуется с классификацией предметных имен, разработанной Е.В. Рахилиной на других основа-

ниях. Так, в ней выделяется класс имен, близких инструментам, но одновременно противопоставленных им по способности сочетаться со стативными предикатами (Красильщик, Рахилина 1992), т.е. класс 'Средства', а в рамках этого класса такие подклассы, как 'скрепы', 'опоры', 'завязки'.

Цель

Субъект охватывает Объект Средством, имея определенную цель – иначе его действие было бы бессмысленным. Как у большинства глаголов физического действия, у глаголов полного охвата могут быть цели двух типов – «физические» и «идеальные» (Апресян 1988: 69–70).

Ф и з и ч е с к а я ц е л ь глаголов этого класса – создать контакт Средства с Объектом. Эта цель достигнута, когда действие достигает своего пространственного предела, т.е. непосредственно в момент завершения действия.

И д е а л ь н а я ц е л ь может быть достигнута одновременно с достижением физической цели и вследствие него. Рассматриваемые глаголы могут выражать ряд различных идеальных целей:

1. Создать различные типы преград:

а) преграда для проникновения к Объекту: *забить 2 (окно досками); загородить 1 (подступы к зданию баррикадами / дверь шкафом); загородить 2 (лицо газетой); загородить 3 (кого-либо собой), закамуфлировать (землянку зелеными ветками); закрыть 2 (лицо руками); закрыть 3 (Каренин Анну собой); заслонить (глаза от света руками); огородить (дачу забором); окружить (крепость ровом); укрыть (ребенка одеялом).* Предпосылкой создания преграды может быть опасность – как реальная, так и потенциальная; ее источники – живые существа, природные явления, которые могут оказывать вредное влияние на Объект, например свет, ветер, жар. Потенциальную угрозу может представлять и взор человека, например:

(4) Алексей Александрович видел, что она плакала и не могла удержать не только слез, но и рыданий, которые поднимали ее грудь. Алексей Александрович *загородил ее* собою, давая ей возможность оправиться (Толстой).

б) преграда для проникновения в Объект (вместилище) или для выхода из него: *завалить* (вход в пещеру камнем);

закрыть (кастрюлю крышкой / дверь дома / дом); закупорить (бутылку пробкой); залить (горлышко бутылки сургучом); запереть (квартиру); заткнуть (бутылку пробкой); затянуть (кисет шнурком); стянуть (отверстие мешка веревкой), например:

(5) Я выстроил из кирпичей халабудку для котенка. Притащил еду, а на ночь *закрыл* вход кирпичом (Сидур).

в) преграда для продвижения из одной части Объекта в другую:

- преграда для живых существ и транспорта: *отделить (часть комнаты перегородкой); перегородить (проезд машинами); перекрыть (улицу грузовиками); преградить (дорогу); разделить (участок забором);*
- преграда для крови: *перетянуть (вену жгутом); стянуть (ногу раненого ремнем).*

2. Улучшить внешний вид Объекта, т.е. украсить его: *закончить (шаль бахромой); обвить (древко копья золотым шнуром); обметать (платок красным шелком); обрамить (зеркало фотографиями); обтянуть (футляр тисненой кожей); оживить (платье белым воротничком); окаймить (вышивку орнаментом); расцветить (ткань яркими узорами); украсить (елку игрушками / волосы красным цветком); унизать (елку бусами)*[86].

3. Привести Объект в нормальное функциональное состояние: *залить (бак бензином); набить (подушку сеном); наполнить (бассейн водой); начинить (бомбу порохом); подпереть изгородь жердью.*

4. Прекратить нормальное функционирование Объекта: *заткнуть (трубу), залить (костер водой).*

У ряда глаголов *(закрепить, заполнить, застелить, набить, наводнить, накрыть, облепить, окутать, опоясать, пере-*

[86] Глаголы преграды и глаголы украшения (см. ниже) составляют отдельные подклассы глаголов полного охвата. В частности, многие глаголы преграды предполагают наличие движущегося Субъекта или периферийного участника ситуации, а глаголы украшения – наблюдателя, интерпретирующего ситуацию.

тянуть, перехватить, покрыть, присоединить, связать, смазать, соединить, увешать, устелить, усыпать и др.) идеальная цель не встроена в значение, как у глаголов из приводившихся выше примеров, но выводится только из контекста употребления. В этом случае можно говорить о прагматических целях действий. Как правило, для каждого такого глагола можно вывести несколько прагматических целей; но интересно, что перечень прагматических целей, которые потенциально может выражать глагол в соответствующем контексте, не выходит за рамки приведенного выше перечня идеальных целей, входящих в значения глаголов рассматриваемой группы. Так, прагматической целью действия, описываемого глаголом *накрыть,* может быть создание препятствия для проникновения к Объекту живых существ, например:

(6) Наряду с туманом над Курилами вьются вороны. Крупные, черные, остроклювые. Разом консервную жесть прошивают. И через маленькую дырочку вычищают банку лучше всякого моечного автомата. Не *накроешь* штабеля из ящиков с консервами брезентом – пиши пропало (НГ 2.09.92).

Другая прагматическая цель – создание препятствия для взора, ср. следующий отрывок из рассказа Ю. Карабчиевского о том, как его привозили для беседы в КГБ:

(7) ... У него на столе стопка журналов с моими публикациями, как я догадался. Причем лежат именно «Грани», хотя я много публиковался и в других изданиях. Журналы были накрыты листочком бумаги, и я подумал... Может быть, я подумал потом, когда прошел страх: а зачем он их бумагой-то *накрыл?* Я все равно вижу, что это такое. Но понимаете, таков их стиль работы: нужна была какая-то полутайна, какая-то напряженка» (НГ 8.09.92).

Кроме того, у действия, описываемого этим глаголом, может быть прагматическая цель 'украсить Объект', как в контексте *Мать накрыла стол праздничной скатертью.*

Эти прагматические цели могут сочетаться: стол накрывают скатертью или клеенкой для того, чтобы создать преграду для вредных воздействий влаги и жара, преграду для взора и одновременно чтобы украсить стол.

Такое же сочетание прагматических целей выводится для глаголов *залить* и *усыпать:* дорожку усыпают гравием, а улицу заливают асфальтом для того, чтобы создать преграду для вредного воздействия дождя или давления, которое оказывают шаги пешеходов и движение транспорта, чтобы обеспечить нормальное функционирование дорожки или улицы и, возможно, чтобы украсить их.

Сочетание прагматических целей 'создать преграду' и 'украсить', т.е. концептуализация защитного слоя на поверхности объекта одновременно как украшения, встречается и в значениях других глаголов за пределами рассматриваемого класса:

одеть[87]

1. «физическая» цель: поместить одежду на поверхность тела человека;

2. прагматические цели: создать преграду для вредных воздействий стихии на тело человека (жара, холода, ветра и под.) и для взора и украсить тело человека.

покрасить

1. «физическая» цель: поместить на поверхность массу [краску], жидкую, способную твердеть;

2. прагматические цели: создать преграду для вредных воздействий на Объект или для взора и украсить Объект.

Такое сочетание целей в семантике глаголов отражает, по-видимому, универсалию деятельности человека. Можно найти много примеров того, как в реальной жизни многие предметы одновременно выполняют защитную и декоративную функции – так, на всех предметах, которые создают преграду между человеком и холодным полом или стенами (ковры, половики, кошмы) есть узор, и они украшают жилище человека. Скатерти, защищающие столешницу, никогда не бывают из простого полотна – на них либо выткан, либо вышит узор; у одежды бывает много декоратизных деталей. Часто украшаются и приобретают декоративную функцию предметы из класса преград – например, фигурными бывают ограды и решетки, препятствующие проникновению куда-либо, а щит и латы, защищающие человека, так же, как ножны, защищающие меч или кинжал, традиционно покрывали узором. Функции защиты и украшения настолько неотделимы

[87] Глагол *одеть,* так же как *покрасить*, содержит, в отличие от *покрыть* и под., точное указание на характер средства и поэтому не относится к глаголам полного охвата (см. настоящее издание, с. 116).

друг от друга, что чисто декоративные детали иногда имеют форму различных преград, как, например, обрамляющие вырез платья зубчики, форма которых ассоциируется с оградой. Отсутствие декоративных деталей приобретает знаковую функцию – как, например, отсутствие рисунка и украшений на платье монахини, символизирующее уход от мира.

Оценка

На любой из актантов глаголов полного охвата может навешиваться оценка (отрицательная). Оценка оказывает на семантику глагола воздействие, которое определяется тем, какова ее сфера действия.

1. «Плохой» Объект. В качестве «плохого» обычно выступает нечто неуместное, «неподходящее» для данной ситуации – например, огонь, когда он не нужен и представляет собой опасность, или же нечто несвойственное предмету по его природе – например, приобретенная в результате деструкции деталь (дырка, щель, пробоина в борту корабля), нарушающая функционирование предмета.

Если действие – ликвидация «плохого» Объекта (*залить огонь*) или «плохой» детали Объекта с одновременным восстановлением нормального функционирования предмета, например, *заткнуть дыру / щель / пробоину; закрыть пролом в стене щитом* и т.п., то результат действия «хороший».

2. «Плохое» Средство. В качестве «плохого» выступает Средство, не подходящее к данному Объекту вообще (вода – на полу ванной; чернила или вино – на скатерти; пепел – на одежде) или не подходящее в данной ситуации (опилки на полу, если их туда не собирались поместить намеренно). Контакт такого Средства с Объектом наносит ущерб Объекту (например, *залить скатерть вином / стол чернилами /пол зеленкой; усыпать пиджак пеплом* и т.п.). С точки зрения языка, действовать плохим Средством намеренно нельзя: такое действие может произойти только помимо воли субъекта. Поэтому в значении лексемы автоматически вычеркиваются компоненты «цель» и «контроль» и глагол из таксономической категории действия переходит в категорию происшествие. Этот семантический сдвиг имеет аспектуальное последствие: у глаголов происшествия НСВ не имеет актуально-длительной интерпретации, ср.: *Что ты делаешь? – *Я заливаю стол вином.*

Актуально-длительная интерпретация НСВ требует в этом случае особого контекста речевого акта – например, она возможна в контексте речевого акта упрека (см. Апресян 1988): *Смотри, что ты делаешь, ты же усыпаешь стол крошками!*

В качестве «плохого» может выступать и такое Средство, которого – объективно или с точки зрения говорящего – «слишком много»; в этом случае также невозможна актуально-длительная интерпретация НСВ, например *загромоздить комнату шкафами, запрудить улицу, заставить все полки книгами, захламить квартиру своими вещами, усеять протуар окурками*. Появление длительного вида в интерпретации действия наблюдателем – в вопросе или в упреке – как бы переводит его из плоскости неконтролируемых в плоскость контролируемых там, где это возможно, – т.е. там, где неконтролируемое действие имеет какую-то временную протяженность. Нельзя сказать *Ты заливаешь скатерть вином* человеку, который уже залил ее, т.е. о моментальном неконтролируемом действии; в то же время можно сказать *Смотри, ты усыпаешь себя пеплом*, если неконтролируемое действие сопровождает другое, контролируемое, действие субъекта, описываемое длительным видом глагола, например *Он курит сигарету* (ср. Падучева 1993).

Глаголы полного охвата – одна из групп слов, функция которых, помимо прочих, – передача культурного знания. Они хранят информацию о том, как структурирует мир данная культура – например, для русского языка важно разграничение поверхностей и отверстий с краями, что проявляется в существовании глаголов *покрыть* и *закрыть*, а для английского языка это противопоставление, по-видимому, несущественно, и здесь есть только один глагол *cover*, описывающий действия как с поверхностями, так и с отверстиями вместилищ, например *to cover the table with a cloth* и *to cover the sauce-pan with the lid*. Эти глаголы также моделируют действия, самой своей семантикой предписывая, что такие цели, как защита чего-либо от вредных воздействий и украшение должны сочетаться. Наконец, они хранят этические нормы культуры, запрещая оформление как целенаправленных тех действий, которые оцениваются как опасные или вредные.

3.
Мена тематического класса участника при образовании литературной и сленговой метафоры

Данный раздел Главы III-ей посвящен вопросу о регулярности категориального сдвига актантов при деривации метафорических значений слов. Объект нашего изучения – не индивидуальная, или поэтическая, а языковая метафора, исторически возникшая в результате «сознательной ошибки в таксономии объектов» (Арутюнова 1990б: 17–18) или «категориальной ошибки» (Падучева 1999а: 563), но стершаяся в процессе употребления в обыденной речи, потерявшая свой индивидуальный характер и образность и ставшая частью семантики языка.

Вопрос можно поставить так: известно, что метонимически мотивированная многозначность регулярна (Апресян 1995а: 190); можно ли говорить о том, что и метафорически мотивированная многозначность регулярна хотя бы в какой-то степени? Регулярность метонимии во многих случаях состоит в том, что при образовании нового значения изменение тематического класса участника ситуации, т.е. его категориальный сдвиг, происходит по определенному правилу – например, по правилу, разрешающему переход от лица к тому, что на нем надето (*грохочут сапоги* вместо *солдаты грохочут сапогами*, пример Е.В. Падучевой), или от вместилища – к входу в него (*запереть дверь – запереть дом*, см. Раздел 1 данной главы) и т.п. Существуют ли деривационные отношения между тематическими классами участников ситуации, которую описывает исходное и производное значение слова при метафорическом переносе, – иными словами, есть ли и в этом случае правила, по которым происходит категориальный сдвиг, или же участники изменяют свой тематический класс при образовании метафорического значения совершенно произвольно?

В центре внимания в данном разделе – отрицательный языковой материал, но в смысле, несколько отличном от трактовки этого термина Л.В. Щербой (Щерба 1974: 37): не индивидуальные ошибки, возникающие в результате нарушения языковой нормы, а лежащие за пределами литературного языка производные сленговые значения слов.

Во Введении уже говорилось о том, что примерно половина единиц сленга по своему происхождению – производные значения слов, другие значения которых принадлежат литературному языку. За очень небольшим количеством исключений сленговые значения слов мотивированы метафорически. Иными словами, при образовании сленгового значения происходит категориальный сдвиг участников денотативной ситуации. Например, литературное значение глагола *сдать* 'поместить в официальное учреждение с какой-либо целью' (1а) и его сленговые значения 'предать' (1б), 'выдать кого-то / предоставить информацию о ком-то' (1в) и 'передать властям' (1г) различаются тематическим классом Пациенса, выраженного Объектом: в литературном значении Пациенс – ПРЕДМЕТ, а в сленговых – ЧЕЛОВЕК:

(1) а. Пальму он *сдал* на хранение в извочичью чайную «Версаль» и выехал на работу в провинцию (Ильф и Петров).
б. Дмитрия Якубовского кто-то уговаривал *«сдать»* (предать или оклеветать – неважно) В.Ф. Шумейко (МК 15.09.93).
в. Несчастная мать стала регулярно звонить и *«сдавать»* продавцов наркотиков, орудующих в ее районе (Нов. Изв. 28.06.2001).
г. Ведь неизвестная ему тогда дама без проблем *«сдала»* в психушку доставленного пленника (Изв. 24.06.97).

Задача данного раздела работы – понять, как именно меняются тематические классы участников при деривации сленговых значений. При этом необходимо понять, отличается ли категориальный сдвиг при деривации сленговых значений от процессов, происходящих в рамках литературного языка.

В работах по метафоре часто встречается утверждение о том, что литературный язык использует две противоположно направленных модели метафорического переноса – от окружающего мира на человека и от человека на окружающий мир – и что они неравноправны: главная из них – вторая (Арутюнова 1979) и (Арутюнова 1990а). Но и в отношении литературного языка неизвестно, каким именно образом и у каких именно участников тематические классы могут затрагиваться метафорическим переносом.

Раздел состоит из двух частей. В первой из них мы рассмотрим модели образования сленговых значений многозначных глаголов, проследив судьбу одного участника – Субъекта, и сопоставим ее с тем, что происходит с Субъектом при метафорическом переносе, не выходящем за рамки литературного языка. Вторая часть будет посвящена судьбе другого участника – Объекта.

3.1. Мена тематического класса Субъекта

Начнем с рассмотрения общего вопроса о том, обязательно ли вообще Субъект изменяет свой тематический класс при деривации метафорически мотивированного значения. Метафорические значения встречаются как у одноместных, так и у многоместных предикатов. С одноместными предикатами все ясно: в производном метафорическом значении единственный участник описываемой ими ситуации, Субъект, обязательно меняет свой тематический класс. Так, Субъект глагола *гореть* из класса ПРЕДМЕТ в мотивирующем значении переходит в класс часть ТЕЛА человека в производном, например:

(2) а. ...справа на взгорке была сосновая роща с просторной проплешиной – в двадцатых годах упал самолет, и роща *горела*... (Трифонов).
б. Лица обеих *горели*, глаза пылали нешуточным блеском (Трифонов).

Субъект глагола *тормозить* при образовании сленгового значения 'медленно соображать' переходит из тематического класса ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО также в класс ЧЕЛОВЕК:

(3) а. Поезд *тормозил*, подходя к станции.
б. Ну что ты *тормозишь*! (муж – жене, разг. речь).

Сложнее обстоит дело с многоместными глаголами. Разные участники ситуации, которую они описывают, могут вести себя по-разному – менять в метафорическом значении свой тематический класс или оставаться в том же классе, что и в производящем значении. Так, в примере (4) при переходе от прямого к метафорическому значению глагола *угнать* свой тематический класс меняют и Субъект, и Объект: вместо, соответственно, ЧЕЛОВЕКА и ЖИВОТНОГО они становятся ПРИРОДНЫМИ СИЛАМИ:

(4) а. Когда ребята *угнали* лошадей на конюшню, Султанмурат все еще тяжело дышал (Айтматов).
б. Ждали появления ветра, который *угнал* бы этот ненавистный, трижды проклятый туман (Айтматов).

В то же время в примере (5) тематический класс Субъекта глагола *взять* остается неизменным; меняется только тематический класс Пациенса, выраженного Объектом, – вместо ЛИЦА он становится участком ПРОСТРАНСТВА:

(5) а. Смело пейте, – сказал Воланд, и Маргарита тотчас *взяла* стакан в руки (Булг.).
б. А когда селенье *взяли*, к командиру поскорей: – Так и так. Теперь нельзя ли повидать жену, детей? (Твардовский).

В этом плане между деривацией метафорически мотивированных значений в литературном языке и за его пределами, в сленге, нет никаких различий. Например, при образовании сленгового значения глагола *слинять* меняется и класс Субъекта, и класс Места: в мотивирующем значении Субъект – ПОВЕРХНОСТНЫЙ СЛОЙ (краска), а Место – ПОВЕРХНОСТЬ ПРЕДМЕТА; в производном Субъект – ЧЕЛОВЕК, а Место – УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА:

(6) а. И полушубок остался после него хороший, совсем новый, зелено-голубые разводы и мелкие нашивки из разноцветного сафьяна на красиво простроченной груди еще не *слиняли* (корп.).
б. Зачем я здесь? Кого я жду? Кокошкину, Митрошкину, Парамошкину? Почему не *слинять* в мгновение ока, оставив рассказ незаконченным? (Аксенов).
в. Лица все знакомые: есть с кем побраниться, поругаться и от кого *слинять* ... (Сег. 17.01.95).

Напротив, в сленговом значении 'понять, вникнуть' глагола *въехать* тематический класс Субъекта остается тем же, что и в исходном литературном значении, т.е. человеком; меняется только тематический класс обстоятельства – из участка ПРОСТРАНСТВА (*город*) он становится СОДЕРЖАНИЕМ, например:

(7) а. В город входили верблюды, вслед за ними *въехал* военный сирийский патруль (Булг.).

6. Я никак в свою тему не *въеду*, хочу бросить (разг. речь, 1998).

Из сказанного следует, что при деривации метафорически мотивированных значений у многоместных предикатов как в рамках литературного языка, так и за его пределами совсем необязательно требуется, чтобы все участники ситуации, описываемой производящим значением, изменяли свои тематические классы: класс одного из участников, например, Субъекта, может остаться неизменным.

Модели деривации сленговой метафоры

Теперь можно рассмотреть два более частных вопроса: как конкретно меняется тематический класс Субъекта при образовании сленговых значений глаголов и при каких условиях он остается неизменным.

Субъектом производящих значений глаголов, участвующих в семантической деривации сленга, может быть и человек (например, у *врубиться, въехать, намылиться, отдыхать, разбежаться, расслабиться*), и различные тематические классы других физических сущностей – в частности, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО С КРЫЛЬЯМИ (например, у *залететь, пролететь*), ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО (например, у *отвалить, отчалить, тормозить*), ВЕЩЕСТВО (например, у *слинять*) и ПРЕДМЕТ вообще (например, у глаголов *запасть, торчать*).

Ниже дан иерархически организованный список тематических классов[88] Субъекта глаголов, имеющих сленговые значения:

ЛЮБОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛО[89]: *возникать*
– ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *вздрогнуть, нажраться*
– – ЧЕЛОВЕК: *вписаться, врубиться, въехать, заливать, косить, наехать, наколоться, накрыться, намылиться, отдыхать, подставиться, раз-*

[88] Иерархическое представление таксономических классов – модификация формы, разработанной в работах П. Фабер и ее соавторов, например в (Faber 1994), (Faber a. Mairal Uson 1994) и др.

[89] Данный класс шире, чем класс ПРЕДМЕТ: в него входят и ПРЕДМЕТЫ, и ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА, в том числе ЛЮДИ, рассматриваемые как физические тела. Это существенно для определения таксономического класса Субъекта таких глаголов, как *возникать*, для которых разграничение между ЧЕЛОВЕКОМ, ЖИВОТНЫМ и ПРЕДМЕТОМ несущественно.

бежаться, разобраться, расслабиться, свистеть, стучать, тащиться, утереться, хлестаться

– – – ЧАСТЬ ТЕЛА человека: *подвихнуться*

– – ЖИВОТНОЕ: *отвязаться*

– – – С КРЫЛЬЯМИ: *взлететь, залететь*

– ПРЕДМЕТ: *запасть, крутиться, проколоться, пролететь, торчать*

– – ПРИБОР: *вырубиться, отключиться*

– – ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО: *отвалить, отчалить, подгрести, сняться, тормозить*

– – ЧАСТЬ ПРЕДМЕТА: *обломаться, обломиться, отмотаться, оторваться, отрубиться*

– ИСТОЧНИК ЗВУКА: *гудеть, шуршать*

– ИСТОЧНИК СВЕТА: *светиться*

ВЕЩЕСТВО: *нагореть, набраться, отмываться, смыться*

– КРАСКА: *слинять*

МАССА: *посыпаться*

Стоит сразу отметить, что этот список очень ограничен. В частности, в нем отсутствуют тематические классы нефизических сущностей – ПРОДУКТЫ МЫШЛЕНИЯ и ЭМОЦИИ; а среди физических сущностей отсутствуют ПРИРОДНЫЕ СИЛЫ и ИСТОЧНИКИ СВЕТА и ТЕПЛА. На первый взгляд, глагол *заливать*, Субъект основного значения которого ('разливаясь, постепенно покрывать собой, затапливать') ЕСТЕСТВЕННАЯ СИЛА (вода), – исключение из этого списка. На самом деле сленговые значения *заливать* 'пьянствовать' и 'лгать' образуются не от его основного, а от производного значения 'перемещать жидкость куда-либо', Субъект которого – ЧЕЛОВЕК. Чтобы доказать это, сопоставим возможности деривации значения 'пьянствовать' от каждого из приведенных литературных значений.

Можно предложить следующие схемы толкований рассматриваемых значений *залить*:

залить 1

Вода *залила* луг.

X *залил* Y-а

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Пациенс	Субъект	Центр	ПРИРОДНАЯ СИЛА
Y	Пациенс	Объект	Центр	УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА

до МН шел процесс с X-ом: X перемещался на Y-а;
количество X-а на Y-е увеличивалось
это вызвало
шел процесс с Y-ом: площадь Y-а, покрытая X-ом, увеличивалась
итог: в МН X находится на всем Y-е (весь Y покрыт X-ом)

залить 2
Шофер *залил* горючее в бак.
X *залил* Y в Z.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ЖИДКОСТЬ
Z	Место	в + вин.	Периф	ВМЕСТИЛИЩЕ

до МН X действовал с целью: воздействовал на Y
это вызвало
Y перемещался в Z; количество Y-а в Z-е увеличивалось
Результат: в МН Y находится в Z-е в объеме Z-а (Z заполнен Y-ом)

Чтобы перейти к сленговому значению *залить* от *залить 2*, достаточно изменить тематический класс Объекта – теперь это АЛКОГОЛЬ – и отождествить участника Z с телом Субъекта:

залить 3 (сленг)
X *заливает*.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	нврз	Инкорп	АЛКОГОЛЬ
Z	Место	нврз	Инкорп	ТЕЛО X-а

X действует на сверхдолгом интервале: перемещает Y-а в себя
(X как бы *заливает 1* Y-а в себя)

Между тем, чтобы перейти к *залить 3* от толкования *залить 1*, нужно предпринять целый ряд шагов: ввести новый Субъект – человека с ролью Агенс (каузативация), понизить

прежний Субъект до ранга Объекта и специализировать его тематический класс, изменить тематический класс периферийного участника, сделав его вместо участка ПРОСТРАНСТВА ВМЕСТИЛИЩЕМ и приравняв его телу Х-а. Эта деривация настолько сложнее первой, что ее можно отвергнуть как маловероятную.

Посмотрим теперь, что происходит с Субъектом при деривации сленговых значений. Если Субъект производящего значения не человек, в производном значении тематический класс Субъекта обязательно меняется, и Субъект становится ЧЕЛОВЕКОМ – например у *пролететь* 'потерпеть неудачу' (8), *запасть* 'влюбиться' (9) и *шуршать* 'действовать, проявлять себя' (10):

(8) а. Паду ли я стрелой пронзенный, Иль мимо *пролетит* она? (Пушкин).
б. Илюшенко *пролетел* с выборами (МК 27.10.94).

(9) а. Глаза Макарова глубоко *запали* в глазницы, однако он не вызывал впечатления человека нездорового и преждевременно стареющего (Горький).
б. ...тюремная драма... о жестоком, но очень обделенном любовью охраннике, который *запал* на заключенную, помог ей бежать, а она его, конечно обманула и подставила (Сег. 25.07.95).

(10) а. Перец шел, в его ботинках ворчала и хлюпала вода, подсохшая одежда стояла коробом и *шуршала*, как картон (Стругацкие).
б. ...студенчество – единственная категория, которой надо бы *шуршать* и *шуршать* на свое будущее, подтянув ремень... (Стол. 1993, № 16).

На первый взгляд кажется, что из этого правила можно найти исключения. Например, у глагола *пролететь*, кроме сленгового значения 'потерпеть неудачу', проиллюстрированного примером (8б), есть еще одно сленговое значение – 'не состояться', Субъект которого – не лицо, а событие, например:

(11) Мало того, что у Супер-Алены теперь «*пролетела*» важная деловая поездка в город Париж, она еще теперь по сути – БОМЖ без удостоверяющей ее личность красной книжицы (МК 22.07.94).

Но на самом деле это значение мотивировано не литературным значением *пролететь* 'переместиться по воздуху мимо Наблюдателя', а сленговым значением 'потерпеть неудачу' (12а),

причем деривация сопровождается диатетическим сдвигом: периферийный участник *поездка*, имеющий роль Аспект, повышается до ранга Субъекта и получает роль Тема, а участник *Алена*, имевший прежде роль Агенс и ранг Субъекта, становится Посессором и понижается до статуса периферийного:

X пролетел с Y-ом → *Y пролетел у X-а*, ср.:

(12) а. Алена *пролетела с поездкой* в Париж.
б. Поездка Алены в Париж *пролетела*.
в. У Алены *пролетела поездка* в Париж.

Если же Субъект производящего значения глагола ЧЕЛОВЕК, его тематический класс в сленговом значении никогда не меняется – ср., например, *завязать* (сленг 'прекратить'), *окучивать* (сленг 'осваивать'), *отстегнуть* (сленг 'выделить денежную сумму'):

(13) Одна из их жертв, «торчок» со стажем, распространявший по приказанию оперов зелье, но потом решивший с этим *завязать* и начать новую жизнь с женой и ребенком... (Нов. Изв. 2.08.2001).
(14) Антиглобалисты *окучивают* Францию [згл]. ...контингент антиглобалистов переместился во Францию, где в их когорту вливаются новые «штыки» (Нов. Изв. 28.07.2001).
(15) На братьев Валерия и Родиона Панковых, снабжавших наркотой местных студентов, «наехала» бригада неких «спортсменов»: либо ежемесячно *отстегиваете* 60 тысяч рублей, либо вашему предприятию и вам самим конец (Нов. Изв. 2.08.2001).

Модели деривации метафоры в литературном языке

Обратимся теперь к деривации метафорических значений глагола, не выходящей за пределы литературного языка. Существенно, что список тематических классов Субъекта глаголов, у которых есть литературные метафорические значения, гораздо шире списка тематических классов Субъекта глаголов, участвующих в деривации сленга: в частности метафорические значения есть у глаголов с Субъектом – ПРИРОДНОЙ СИЛОЙ, которые, как мы видели, не способны иметь сленговые значения:

(16) а. ...вода *текла* в ручье нескончаемым потоком, и ее можно было пить досыта и купаться в ней сколько угодно... (Айтматов).
б. Опоздавшие женщины рвались на сцену, со сцены *текли* счастливицы в бальных платьях, в пижамах с драконами, в строгих визитных костюмах, в шляпочках, надвинутых на одну бровь (Булг.).

Поскольку в литературном языке метафорический перенос возможен в обе стороны, семантический класс Субъекта может меняться и в том случае, когда Субъект был человеком (тогда метафорическое значение описывает мир вещей или естественный мир), например (17), и когда он принадлежал миру артефактов или природы (тогда метафорическое значение описывает мир человека), например (18):

(17) а. Гражданки с этого сеанса в одних панталонах *бежали* по Тверской (Булг.).
б. Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щеке, и долго сдерживаемые слезы теперь *бежали* ручьями по ее лицу (Булг.).
(18) а. В бинокль было видно, как ослепительно *сияла* огненно-лиловая поверхность озера (Айтматов).
б. Франц, как всегда, преувеличенно шикнул, животом захихикав, – и, как всегда, холодно *сияла* Марта (Набоков).

Итак, Субъект глагола может не менять своего тематического класса при образовании как литературных, так и сленговых значений, но по разным причинам. Субъект сленгового значения остается в том же тематическом классе, что и Субъект мотивирующего литературного значения, если последний был человеком, потому что в этом случае сдвиг противоречил бы правилам деривации сленга, а для образования метафорического значения достаточно сдвига остальных участников. Субъект литературного метафорического значения может остаться в том же тематическом классе, что и мотивирующее непереносное значение только по последней причине – т.е. просто потому, что образование метафорического значения обеспечивается категориальным сдвигом тематических классов остальных участников.

Комментарии к отдельным моделям сдвига

Рассмотрим теперь отдельные случаи сдвига Субъекта в направлении от физического мира к человеку, общем для деривации литературной и сленговой метафоры.

А. ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО – ЧЕЛОВЕК. Сдвиг тематического класса Субъекта от ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА к ЧЕЛОВЕКУ используется и в рамках литературного языка, например (19), и при образовании сленгового значения, например (20):

(19) а. На него сзади карета *наехала* и задавила (Л. Андреев, МАС).
б. Не убьюсь, ответил Незнайка и тут же *наехал* на собачью будку, которая стояла посреди двора (Носов).

(20) В первую очередь отрабатывались версии, связанные с коммерческими «разборками» и попытками «*наехать*» на банк (Маринина).

Однако сдвиг Субъекта при образовании сленгового значения по своей сути иной, чем в литературном языке. В литературном языке характер действия, которое описывает глагол, не меняется; участник ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО не замещается участником человек, а лишь понижает свой коммуникативный ранг, вытесняясь на периферийную позицию; между ЧЕЛОВЕКОМ и ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ существует связь по смежности: ЧЕЛОВЕК находится на ТРАНСПОРТНОМ СРЕДСТВЕ – иными словами, в литературном языке это не метафорический, а метонимический сдвиг[90].

Между тем при образовании сленгового значения ЧЕЛОВЕК и ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО связаны друг с другом только сходством результата действия – ущербом, который причинен Объекту в результате наезда, и участник ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО вообще исчезает из ситуации.

В. ЧАСТЬ ПРЕДМЕТА – ЧЕЛОВЕК. Такая модель сдвига используется и в литературном языке, ср. ее роль в деривации двух метафорических значений глагола *оторваться*, литературного (21б) и сленгового (21в):

[90] О коммуникативных рангах и о метонимии как изменении коммуникативного ранга участников см. (Падучева 1999б).

(21) а. Наверно, от солнца *оторвался* кусок и ударил меня по голове (Носов).
б. ...он никак не мог *оторваться* от своего сакса и тихо наигрывал новую тему (Аксенов).
в. ...особенно *оторвались* дети, которые решили, что этот праздник устроен именно для них (МК 28.12.93).

Можно предположить, что в этом случае деривация как сленгового, так и литературного метафорического значения должна включать какие-то дополнительные различающие их преобразования. И действительно, дополнительно к изменению тематического класса Субъекта в литературном значении (21б) меняется класс периферийного участника: целый предмет (*солнце*) заменяется на инструмент (*сакс*), а при деривации сленгового значения (21в) участник целое вообще уходит из ситуации.

С. Масса / множество предметов – человек. Перенос от массы к человеку возможен и в литературном языке, например (22а), но только при условии, что имя лица сочетается с квантором множественности, как в (22б), где имя, которому приписан статус Субъекта, стоит в форме множественного числа:

(22) а. Когда их вскрыли в матросском кубрике, оттуда *посыпались*: шоколад – голландский, коньяк – французский, сгущенка – датская, спички – шведские, ракетница – чешская, а сигареты – турецкие (Пикуль).
б. Отряхивая брызги, по трапу вдруг кубарем *посыпались* сигнальщики (Пикуль).

При деривации сленговых значений это правило нарушается – например, в следующем примере Субъект выражен формой единственного числа:

(23) Я *посыпался* на экзамене.

D. Источник звука – человек. Эта модель тоже используется в рамках литературного языка, но, как и в случае с моделью 'транспортное средство – человек', при образовании значений, мотивированных метонимически, а не метафорически. Глагол при этом остается в том же тематическом классе глаголов издавания звука, ср.:

(24) а. Колокол *звонит*.
б. Иван *звонит* в колокол.

При образовании сленгового значения *гудеть* 'пить' источник звука исчезает из ситуации, а глагол переходит в новый тематический класс глаголов выпивки:

(25) а. Густой колокол звучно и мерно *гудел* с колокольни (Достоевский).

б. Бывало, смены гладко проходили. Ну, выпили, но смирно сидят на посту. А бывало – буянили, избивали больных. Вся больница знала, что восьмое отделение *гудит* (Изв. 13.05.96).

Итак, в некоторых случаях деривация литературных и сленговых значений происходит по одним и тем же моделям, но в литературном языке это модели метонимии, а при образовании сленговых значений – это модели метафоры. Если же образованные по одной модели литературное и сленговое значения метафорически мотивированы, деривация сленга включает какое-то дополнительное преобразование.

Решение частных задач

В этой части раздела мы продемонстрируем объяснительную силу выводов, сделанных в предыдущих двух частях.

Почему у глагола *согреть* нет сленгового значения?

Из двух синонимичных глаголов – *согреть* и *подогреть* 'сделать теплым или горячим' – у *согреть* все производные значения – только литературные, а у *подогреть* есть сленговое значение 'дать денег', ср.:

(26) Весной двадцать пять человек ушло на «гражданку», – говорит Юра, – каждый из них получил «лимонов» по пятнадцать отвальных. И каждый из них меня *подогрел*. Кто на «лимон», кто больше (Изв. 5.09.96).

Согреть и *подогреть* различаются тематическим классом Субъекта и Объекта. У *подогреть* в производящем литературном значении и Субъект, и Объект специализированы: Субъектом может быть только человек, так как *подогреть* описывает ситуацию каузации повышения температуры Объекта-Пациенса

снизу, с помощью помещения его на источник тепла, ср. *подогреть суп на костре / на плите,* но **подогреть суп на солнце/ руками*, а Объектом *подогреть* может быть только пища[91], например:

(27) а. А как же уголь? Людям варить пищу, *подогревать* еду не на чем (Кукаркин).
б. Долли получала дневной завтрак в школе, так что тут затруднений не было; брекфаст же, весьма обильный, я научился готовить для нее сам, а вечером *подогревал* обед, который Гулиганша стряпала перед уходом (Набоков).

Между тем глагол *согреть* безразличен к тематическому классу Субъекта и Объекта: Субъектом *согреть* может быть и человек, каузирующий воздействие источника тепла на Объект, и сам источник тепла, ср. *согреть воду на солнце / стетоскоп руками / дыханием*, а Объектом – любая физическая сущность, включая человека, как свидетельствуют следующие примеры:

(28) а. Она зашла в Сосновке к Нюшке, Степановна *согрела* самовар, они долго говорили обо всех делах, а Ивана Африкановича не было (Белов).
б. Его *согревало* дыханье вола (Пастернак).
в. Истерзанный Василиса почивал в холодных простынях, *согревая* их своим похудевшим телом (Булг.).

Как показано выше, условие деривации сленгового значения – категориальный сдвиг хотя бы одного из участников, причем Субъект сленгового значения, независимо от того, изменил он свой тематический класс в процессе деривации или нет, должен быть человеком.

Ни Субъект *подогреть*, ни Субъект *согреть* не должны менять свой тематический класс: Субъект *подогреть* – потому что он и так человек, а Субъект *согреть* – в силу его немаркированности в отношении тематического класса физических сущностей.

В таком случае требуется категориальный сдвиг другого участника ситуации – Объекта. Но из двух рассматриваемых глаголов только Объект *подогреть* может изменить свой тема-

[91] Различие Объектов глаголов *согреть* и *подогреть* отмечено в (Апресян 1995ж: 305).

тический класс: из класса ЕДА он переходит в класс ЧЕЛОВЕК. Объект *согреть* неспособен к категориальному сдвигу по той же причине, что и его Субъект: он немаркирован в отношении тематического класса физических сущностей, т.е. может принадлежать любому классу, включая класс ЧЕЛОВЕК.

Интересно, что при неспособности глагола *согреть* иметь сленговое значение, у него есть ряд метафорически мотивированных литературных значений, возникающих благодаря возможности категориального сдвига Субъекта в направлении от материальной сущности к нематериальной. Это такие значения, как 'оживить, осветить' (29а) и 'вызвать ощущение подобное тому, которое человек испытывает под воздействием источника тепла' (29б) :

(29) а. Я хочу сказать о твоей благородной мечте, *согревшей* твои молодые годы (Каверин, МАС).
б. Клим Самгин протестующе прихлопнул дверь, усмехаясь, сел на кровать, и вдруг его озарила, *согрела* счастливая догадка (Горький).

От какого значения глагола *свалить* образовано сленговое 'уехать', 'эмигрировать'?

На роль производящего для сленгового значения *свалить* 'уехать', 'эмигрировать', которое иллюстрирует пример (29), претендуют сразу два глагола – литературный *свалить 1*[92] в его основном значении 'ударом, толчком сбросить вниз' (МАС), ср. (30), и омонимичный ему разговорно-просторечный глагол *свалить 2*, который в МАСе представлен двумя значениями: 1. 'уйти, схлынуть (о массе, потоке кого-, чего-л.)' и 2.'отойти, удалиться (о туче)' (МАС), ср. (32):

(30) Он боялся, что я *свалю* за границу, и поэтому не давал мне ставки (из разг. речи, 1997).
(31) К утренней заре чекисты отделались и *свалили* в яму всех мертвецов с их узелками (Платонов).
(32) а. Не успела и эта толпа *свалить* со двора – валят вдруг две новые (Белинский, МАС).
б. [Туча] не разразилась дождем, *свалила* на север и скрылась за суходолом (Перегудов, МАС).

[92] Разграничение глаголов *свалить 1* и *свалить 2* следует МАСу.

Рассмотрим различные возможности деривации с точки зрения тех выводов, которые были сделаны в двух предшествующих частях.

Литературный глагол *свалить 1* – каузативный, а сленговый глагол *свалить* – нет: действие, которое он описывает, направлено на сам Субъект, т.е. по своей семантике он рефлексив, и поэтому вывести его из *свалить 1* невозможно.

Его нельзя вывести и от значения 1 глагола *свалить 2* с Субъектом-тучей, потому что, как мы показали, глаголы с субъектным актантом – Силой не могут участвовать в деривации сленговых значений.

Что касается другого значения *свалить 2* 'уйти' (о толпе), оно вполне может быть производящим для сленгового *свалить*, потому что переход от множественного Субъекта к единичному, как было показано выше, регулярно используется в ходе деривации сленговых значений. Сам глагол *свалить 2* по своей семантике – рефлексив; в значении с Субъектом-тучей он имеет также форму *свалиться* (в МАСе *свалиться 2*), например:

(33) Черно-лиловая туча тяжко *свалилась* к северу (Бунин); В народе любят говорить, что туча не прошла, а *свалилась* (Паустовский).

Можно предположить, что *свалить 2* – это просторечная форма рефлексива от *свалить 1*, т.е. *свалиться*, и с этой точки зрения *свалить 2* также наиболее вероятный из всех кандидатов на роль производящего для сленгового *свалить*.

Н.А. Янко-Триницкая (1962: 225–240), вслед за рядом авторов, отмечает существование близких по значению возвратных и невозвратных форм непереходных глаголов, например *белеть* и *белеться*, но русскому языку, по-видимому, свойственны колебания и в оформлении возвратных форм переходных глаголов, т.е. рефлексивов – ср. одновременное существование, иногда у одного и того же автора, форм рефлексива *посы́паться* и *посы́пать, рвануться* и *рвануть, литься* и *лить* (о воде), *сыпаться* и *сыпать* (о снеге) и т. п., ср.:

(34) а. Американцы, уже наслышавшись о нравах немецких подводников, горохом *посыпались* с понтонов обратно – в обжигающую стужу, боясь, что их расстреляют из пулеметов (Пикуль).

б. Аварийные команды горохом *посыпали* на палубу разбитого корабля (Пикуль).

Ряд вариативных форм рефлексива приведен в (Чернышов 1915) и (Обнорский 1953), например *брать* и *браться* 'клевать' (о рыбе), *валить* и *валиться* (о снеге), *наливать* и *наливаться* (о хлебе), *катить* и *катиться* (о санях) и т.п.

Теперь можно взглянуть еще на некоторые сленговые глаголы.

Такую же модель деривации, как для сленгового *свалить*, можно предложить для его однокоренного, близкого по значению сленгового глагола *валить* 'уходить, убираться' (используется только в форме императива *Вали отсюда!*). Его Субъект возникает в результате сдвига Субъекта разговорно-просторечного глагола *валить* 2 в значении 'идти, двигаться в большом количестве, потоком' (МАС) по модели 'множество лиц – отдельное лицо':

(35) Вниз по улице *валил* народ, сущее столпотворение, лица, лица и лица (Пастернак).

Валить 2, так же, как *свалить 2*, – просторечный вариант рефлексива от литературного каузативного глагола *валить 1*; одно из его значений – значение движения с множественным Субъектом – может выражаться также правильной формой рефлексива *валиться* (*валиться 2* в МАСе):

(36) На двор Семенихи *валятся* мужичьи дровни (Успенский, МАС).

Эти рассуждения позволяют решить проблему происхождения еще одного сленгового глагола – *отвалить* 'уйти', ср.:

(37) Вы ушли из общего стана, с баррикад *отвалили*, занялись разборками между собой... (МК 14.09.93).

В МАСе есть словарная статья только литературного рефлексива *отвалиться*, а значения просторечной формы рефлексива *отвалить* – 'отойти от причала (о корабле)' и прост. 'отойти в сторону (о толпе)' – непоследовательно включены в словарную статью каузативного глагола *отвалить* 'опрокидывая, отодвинуть в сторону что-либо тяжелое'. Аналогия со сленговым *валить* и *свалить* заставляет считать более вероятным, что сленговое *отвалить* образовано от значения рефлексива с Субъектом *толпа*.

Заключительные замечания

Итак, нам удалось обнаружить ряд регулярных различий между использованием тематического сдвига Субъекта глагола в семантической деривации литературных и сленговых значений.

Прежде всего, это различие в направлении сдвига. При деривации значений в литературном языке сдвиг тематического класса Субъекта глагола возможен в двух противоположных направлениях: от мира природы и вещей к человеку и от человека к миру вещей и природы. Между тем при деривации сленговых значений регулярно используется сдвиг тематического класса Субъекта только в направлении от вещи к человеку.

Это различие может быть вызвано двумя причинами. Первую можно назвать системной: сленг, подсистема, противопоставленная литературному языку, избирает для деривации именно то направление тематического сдвига, которое в литературном языке является периферийным[93]. Вторая причина – прагматическая: она заключается в различиях в функциях сленга и литературного языка. Мир, который описывает сленг, ограничен миром человека, причем этот человек – житель города. Приведем в доказательство список тематических классов сленговых глаголов[94].

Ряд глаголов описывает физические действия человека. Это глаголы выпивки (*брать, вздрогнуть, грузиться, гудеть, дернуть, квасить, поддать, принять (на грудь), пропустить, раслабиться, тяпнуть, употребить*), глаголы физического воздействия на человека (*вмазать, впаять, врезать, начистить, получить, прессовать*), в том числе глаголы уничтожения человека (*заказать, замочить, списать, размазать, хлопнуть*), небольшая группа глаголов перемещения, описывающих исключительно перемещение человека (*кантоваться, отвалить, рвануть, свалить, отчалить, слинять, смыться, подгрести, при-*

[93] То же направление сдвига используется при образовании метафоры в разговорной речи («личный» характер метафорического переноса в разговорной речи отмечен в (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 160–161).

[94] В связи с темой данной работы в составе таксономического класса мы указываем только сленговые глаголы, образованные семантической деривацией, но и те сленговые глаголы, которые образованы другими способами, например с помощью словообразования, укладываются в эти же таксономические классы.

валить), и несколько глаголов физиологических действий (*отлить, дать, трахнуть*).

Наиболее крупное объединение производных сленговых глаголов – глаголы социальной сферы. В их число входят

глаголы неудачи: *залететь, засветиться, нагореть (с чем-то на сколько-то), посыпаться, проколоться, пролететь*;

глаголы изменения социального статуса: *задвинуть, опустить, подвинуть, подставить, размазать, раскрутить*;

глаголы обмана: *вписаться, кинуть, косить, купить, наколоть, обломить, обуть, обштопать*;

глаголы конфликта: *разобраться, сделать (кого-то), утереться*;

некоторые единичные глаголы, не образующие классов: *держать (кого-то за кого-то), склеить, строить*.

Еще два крупных объединения сленговых глаголов – это глаголы обладания и глаголы судебно-правовой сферы. В число сленговых глаголов обладания входят

глаголы присвоения: *оторвать, обуть, раздеть, сдирать, скатать, слизать, увести, стянуть, хапнуть*;

глаголы получения: *оторвать, обломиться*;

глаголы операций с деньгами[95]: *бомбить, выкрутить, замотать, заржаветь* (в выражении *За мной не заржавеет*), *кинуть (на), крутить, крутиться, ловить, наварить, наколоть (на деньги), накрутить, отмыть, отмываться, отслюнить, отстегнуть, подмазать, подогреть, развести (на деньги), расколоть (на), снять, стрясти, тянуть (на)*.

Сленговые глаголы чрезвычайно подробно разрабатывают судебно-правовую сферу. Они описывают этапы, предшествующие суду: предательство (*заложить, продать, сдать*), арест (*брать*), создание обвинения (*повесить дело (на кого-то), пристегнуть, шить дело*), вождение на допросы (*таскать*), оказание давления с целью добиться признания (*прессовать, расколоть*), последующее избавление от обвинения с помощью ложных показаний (*оттоматься*), вынесение приговора об осуждении на определенный срок (*впаять, припаять*) и отбытие срока (*оттоматься*).

[95] Самая большая подгруппа сленговых глаголов обладания.

Кроме этих крупных объединений, среди производных сленговых значений есть

глаголы ментальной сферы: *волочь, врубиться, въехать, сечь, тормозить, намылиться, разбежаться, светить*;

глаголы восприятия: *грузить, отрубиться, отключиться, накрыть, засветить*;

глаголы эмоциональной сферы: *достать, заколебать, запасть (на кого-то), напрячь / напрягать, оторваться, оттянуться, торчать, тащиться (от кого-то/чего-то)*

глаголы речи[96];

глаголы лжи: *гнать, свистеть*;

глаголы шутки: *прикалываться / приколоться, хлестаться*;

глаголы оскорбления: *обложить, покрыть, послать*.

Очевидно, что сленг игнорирует естественный мир. Напротив, литературный язык описывает все без исключения возникающие в мире ситуации, участниками которых могут быть и человек, и вещи, и природа; при этом человек уподобляется окружающему его миру, а окружающий мир – человеку.

Различия между производными сленговыми и литературными значениями связаны также с различиями в типе отношений между Субъектом производящего и производного значений. Притом что периферийное направление сдвига тематического класса Субъекта при образовании производных значений в литературном языке, т.е. направление от ПРЕДМЕТА К ЧЕЛОВЕКУ, совпадает с направлением деривации сленговых значений, возникают и совпадения конкретных моделей сдвига, например ТРАНСПОРТ – человек, источник ЗВУКА – ЧЕЛОВЕК, но они различаются по своей сути: в литературном языке это модели метонимии, а в сленге – модели метафоры.

Наконец, в тех случаях, когда в деривации литературных и сленговых значений используется одна и та же модель метафоры, например часть ПРЕДМЕТА – ЧЕЛОВЕК и МАССА – ЧЕЛОВЕК, сленговая деривация отличается от литературной некоторыми дополнительными к сдвигу тематического класса Субъекта преобразованиями.

3.2. Изменение тематического класса Объекта

В центре внимания в этом разделе другой участник ситуации – Объект. Термин «Объект» имеет здесь синтаксический

[96] Малочисленная группа.

смысл: Объект – тот участник ситуации, описываемой глаголом, который выражен прямым дополнением. Семантические роли этого участника могут быть различными – например, Пациенс, как в (1), или Образ, как в (2):

(1) Он [Рубахин] подхватил *юношу* на руки, нес через ручей (Маканин).
(2) Солдаты-старогодки, они вспоминали *тех*, кто демобилизовался (Маканин).

Известно, что в ходе семантической деривации Объект меняет свой тематический класс гораздо чаще, чем Субъект (Pustejovsky 1995: 88–89). Втягивание в ситуацию нового Объекта меняет характер действия (=воздействия на Объект) и, в конечном счете, меняет значение самого глагола (Кустова 2000).

3.2.1. Объект ЧЕЛОВЕК в литературном языке

В этом разделе мы рассмотрим изменение тематического класса Объекта ЧЕЛОВЕК при образовании метафорических значений глаголов. Нас интересует вопрос о том, всегда ли при образовании метафорического значения возможна замена тематического класса ЧЕЛОВЕК на какой-либо другой тематический класс, а если нет, то существуют ли какие-то регулярные семантические признаки, запрещающие или, наоборот, разрешающие замену.

Тематический класс ЧЕЛОВЕК понимается в данном разделе широко: в него включается не только собственно человек, но и части тела человека, т.е. в число рассматриваемых глаголов входят не только такие, как *ранить* и *убедить*, но и такие глаголы, как *ампутировать (ногу)* и *запрокинуть (голову)*.

Тематические классы глаголов с Объектом ЧЕЛОВЕК

Объект ЧЕЛОВЕК встречается у глаголов, описывающих самые различные действия, – речевые (*убедить преподавателя*), социальные (*уволить сотрудника*), изображение (*пародировать известного певца*), каузацию существования (*родить сына*), лишение жизни (*убить противника*), воздействие на поверхность тела или лица (*поцеловать дочь, приласкать ребенка*). Глаголы некоторых тематических классов требуют, чтобы их

Объект был только ЧЕЛОВЕКОМ[97]. У глаголов других тематических классов Объект может быть как ЧЕЛОВЕКОМ, так и принадлежать какому-нибудь другому тематическому классу. Кроме того, существуют такие тематические классы глаголов, для которых Объект ЧЕЛОВЕК исключен.

В число глаголов, Объектом основного значения которых может быть только ЧЕЛОВЕК, входят глаголы речевого обращения (*величать майора подполковником, выкликать учеников по фамилиям, именовать избранниц нимфетками, приветствовать победителей*)[98] и глагол речевого выражения эмоций (*отблагодарить хозяев*). В эту группу входят также глаголы, описывающие социальное взаимодействие, – нечестное поведение (*дурачить покупателей, морочить людей, обмануть родителей*), лишение чего-л. (*бесчестить писателя, грабить прохожих, обокрасть пассажира, лишить себя удовольствий*), помощь (*консультировать студентов, опекать сына*). Сюда же относятся глаголы приведения Объекта в эмоциональное состояние (*бесить родителей своим упрямством, вдохновить поэта*). Легко заметить, что все перечисленные глаголы описывают такие действия, для осуществления которых нужно, чтобы Объект обладал специфически человеческими способностями – мог бы воспринимать речь, испытывать эмоции, участвовать в социальном взаимодействии, владеть собственностью[99].

Способность подчиняться командам человек разделяет с высшими животными, поэтому в тематическом классе глаголов принуждения глаголы с Объектом ЧЕЛОВЕК (*будить сына, вызвать приятеля из дома, заставить дочь помыть посуду, послать сына за покупками*) встречаются наряду с глаголами, у которых Объект – ЖИВОТНОЕ (*натравить собак на медведя, погонять лошадей*), а такие глаголы этого класса, как *гнать* и *прогнать*, вообще безразличны, к какому тематическому классу принадлежит их Объект – ЖИВОТНОЕ или ЧЕЛОВЕК, например:

[97] Речь идет только об основных значениях этих глаголов. Вопрос о том, остается ли неизменным таксономический класс Объекта в их производных значениях, рассматривается ниже.

[98] Наша классификация опирается на материал словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988).

[99] Типы действий, которые вообще может выполнять человек, свойственные ему состояния и реакции и системы, управляющие этими действиями, состояниями и реакциями, рассматриваются в (Апресян 1995д: 348–388).

(3) а. В один жаркий июльский день, под вечер, когда по улице *гнали* городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли, вдруг кто-то постучал в калитку (Чехов).

б. Я его годов шестьдесят знаю, с той поры, как царя Александра, что француза *гнал*, из Таганрога на подводах в Москву везли (Чехов).

(4) а. ...из дому выбежал мужик в шубе и *прогнал* их [собак] кнутом (Чехов).

б. ... русские войска остановились и после борьбы не только удержали поле сражения, но *прогнали* французов (Толстой).

Вместе с животными и живыми существами вообще человек может быть Объектом большой группы глаголов лишения жизни (*добить волка / противника выстрелом в голову, задушить змею / заключенного, заколоть индейку / врага, зарезать корову / сторожа, убить медведя / часового* и т.д.).

Тематических классов глаголов, Объект основного значения которых не может быть человеком, относительно мало. Очевидно, что это глаголы, описывающие действия, которые – в силу каких-то особенностей человека – не могут быть произведены по отношению к нему. Как бы ни менялся человек на протяжении своей жизни, ткани, из которых состоит его тело, не меняют своих основных свойств, и поэтому к человеку неприменимы действия, в результате которых Пациенс переходит из одного агрегатного состояния в другое, – в частности действия по приготовлению пищи (*варить картошку, жарить мясо, квасить капусту, печь пирог*)[100]. Человек не может быть Объектом глаголов разрушения (*развалить кучу кирпичей, разрушить дом, разбомбить город, истереть мел в порошок*). Деструктивное физическое воздействие на все тело человека или любого другого живого существа отличается от деструктивного воздействия на предмет: при таком воздействии на человеческое тело возникает следствие – смерть, а это описывается специальным классом глаголов лишения жизни, приведенным выше.

По определению человек не может быть Объектом глаголов со специализированным Объектом, т.е. глаголов, не допус-

[100] Хотя словосочетание *жарить человека на костре* и допустимо, оно описывает действие, ненормативное для русской культуры, и поэтому нами не рассматривается.

кающих варьирования тематического класса Объекта. В их число входят глаголы произнесения, например *бормотать стихотворение*, *диктовать цифры*, *выкрикнуть лозунг*, *скандировать имя* <Объект – ОТРЕЗОК ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА>, глаголы воспроизведения, например *декламировать стихотворение*, *плясать гопак*, *сыграть пьесу* <Объект – только ПРОИЗВЕДЕНИЕ>, глаголы графической передачи информации (*выписать пример*, *записать номер телефона*, *конспектировать лекцию* и др.), глаголы понимания (*выяснить подробности*, *осмыслить сказанное* и др.), глаголы мышления (*вспомнить сюжет*, *припомнить разговор*, *продумать доклад*), Объект которых – информация (Объектом глаголов последнего класса может быть также образ, ср. *Я вспомнил Вас*), и глаголы проявления физиологических действий (у них Объект инкорпорирован – это субстанция, которая выделяется во время действия, например, *слюна* у *сплюнуть*). ЧЕЛОВЕК не может быть Объектом глаголов показа, например *афишировать отношения*, *выразить благодарность*, *представить улики*, *предъявить паспорт*, глаголов противодействия, например *задержать противника*, *штурмовать крепость*, абстрактных глаголов осуществления, например *исполнить желание*, *перевыполнить план*, *повторить поступок*, *урегулировать отношения*, и завершения действия, например *докончить фразу*, *завершить исследование*, *закончить книгу*, *окончить роман*. Последняя группа глаголов предполагает доведение до конца действия либо по созданию Объекта, либо по его типичному использованию, ср. *закончить книгу* – 'закончить писать книгу' или 'закончить читать книгу', ни то, ни другое из которых неприменимо к человеку.

Остальные тематические классы глаголов имеют смешанный характер, т.е. в них входят и такие глаголы, у которых Объект – ПРЕДМЕТ или АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ, и такие, у которых Объект – ЧЕЛОВЕК. Среди смешанных классов – многие тематические классы глаголов, описывающих физическое воздействие на Пациенс. С одной стороны, способ воздействия на тело человека может быть таким же, как способ воздействия на предмет, и поэтому глаголы, описывающие воздействие на предмет и воздействие на человека, могут попасть в один и тот же тематический класс. Более того, у некоторых глаголов таких классов Объектом одного и того же значения может быть как ПРЕДМЕТ, так и ЧЕЛОВЕК. С другой стороны, результат физического воздействия на человеческое тело отличается существенными

признаками от результата воздействия на предмет: человек реагирует на физическое воздействие – он может испытывать боль или, наоборот, удовольствие[101]; при нарушении внешних покровов его тела у него идет кровь, и поэтому воздействие на человеческое тело часто получает специальное лексическое оформление. Так, в класс глаголов отделения, наряду с глаголами отделения части предмета (*оборвать лепестки, отколоть кусок льда, отмотать нитку от катушки* и т.п.), входит глагол *отделить*, Объектом одного и того же значения которого может быть как часть целого, так и люди, ср.:

(5) а. Мальчик еле *отделил* прилипший к кипе сырой листок, сунул его доктору в руки и канул в метель так же мгновенно, как из нее вынырнул (Пастернак).
б. На товарном дворе в Иванове *отделили* троих: Сабурова, Власова и из чужой группы, а остальных увели сразу (Солженицын).

В то же время в этом же классе есть специальный глагол отделения части человеческого тела *ампутировать*. В тематическом классе давления глаголы *нажать* (*кнопку*) и *сжать* (*пружину*) в своих основных значениях описывают только воздействие на ПРЕДМЕТ, в то время как давление на человеческое тело описывается специальными глаголами – *массировать (ногу), сдавить (горло), тискать (ребенка), щипать (соседа справа)*. Яркий пример смешанного класса представляют глаголы деформации: в нем глаголы повреждения тела, например *выколоть (глаза), вывихнуть (руку), изувечить, искалечить, контузить (солдата), поранить (ногу), порезать (палец),* составляют отдельную большую группу, отличную от глаголов повреждения неодушевленного Объекта, например *вытоптать (газон), изрыть (лужайку), обломать (куст сирени)*.

Смешанный характер имеют и глаголы речи, за исключением упомянутого выше подкласса глаголов речевого обращения. Так, у глаголов речевого общения Объектом может быть либо адресат речи, либо ее содержание, ср. *поздравить (приятеля), предупредить (собравшихся), пригласить (гостей), посвятить (друга в тайну)*, но *обсудить (происшествие), пе-*

[101] Различие семантики глаголов физического воздействия на предмет и на человека, заключающееся в том, что глаголы с одушевленным Объектом описывают ощущение Объекта, было отмечено в (Кустова 1998: 24–28).

респросить (число), *просить (денег)*[102]. То же справедливо и в отношении глаголов речевого воздействия, ср. *допросить (пленного)*, *журить (сына)*, *молить (короля)*, *оклеветать (конкурента)*, но *выпросить (подарок)*, *изругать (пьесу)*, *раскритиковать (фильм)*, *хвалить (пирог)*.

В следующей части мы рассмотрим, глаголы каких тематических классов в ходе семантической деривации способны изменять тематический класс своего Объекта с ЧЕЛОВЕКА на какой-то другой.

Модели перехода Объекта ЧЕЛОВЕК в другой тематический класс

Только часть перечисленных глаголов, Объект которых в их основном значении – ЧЕЛОВЕК, способна изменять тематический класс Объекта при образовании нового значения[103]. В их число входит ряд глаголов лишения жизни, например *убить (надежду)*, *задушить (свободу)*, *задавить (чувство)*, принуждения, например *гнать (мальчишек – тоску)*, *вызвать (врача – радость)*, глагол речевого обращения *приветствовать (собравшихся – победу)*. Изменяют тематический класс своего Объекта при образовании нового значения также некоторые глаголы из класса одевания, например *нарядить (девочку – елку)*, *одеть (ребенка – лес золотыми листьями* [об осени]), *опоясать (рубаху ремешком – гору* [об огнях, о лесе]), глаголы изменения положения прикрепленного Объекта, например *запрокинуть (голову – стакан)*, *наклонить (голову – дерево)*, *отдернуть (руку – занавеску)*, глаголы прикосновения, например *обнять (подругу – стул)*, *чесать (голову – шерсть)*, глагол давления *щипать (соседку по парте – ус)*, глагол очищения *умыть (лицо – рощу* [о дожде]), глагол движения *настичь (врага – лодку* [о буре]) и ряд глаголов повреждения тела, например *изуродовать (солдата – землю взрывами)*, *исколоть (пальцы иглой – карту флажками)*, *обварить (руку – лимон кипятком)*, *искалечить*

[102] Для части глаголов речи характерно диатетическое чередование темы речи и ее адресата, ср. *попросить денег у матери / попросить мать прислать денег*, *переспросить номер задачи у учителя / переспросить учителя*.

[103] О роли изменения таксономического класса участника в семантической деривации см. (Падучева 2000).

(*солдата – дерево*). Меняет тематический класс Объекта с ЧЕЛОВЕКА на какой-то другой при образовании нового значения также глагол восприятия *встретить* (*друга – слово в тексте*), глагол профессионально-трудовой деятельности *обслуживать* (*покупателей – компьютер*), глагол приведения в физиологическое состояние *истощить* (*рабочего – землю*), глагол прекращения контакта *изолировать* (*хулигана от общества – проволоку*), глагол избавления *высвободить* (*руку – время*), глаголы преодоления, например *осилить* (*врага – переход*), *перебороть* (*противника – усталость*), *победить* (*врага – болезнь*), глаголы каузации движения *разогнать* (*толпу – тучи*), *послать* (*сына за доктором – мяч в сетку*), глаголы разрешения перемещения, например *допустить* (*посетителя к начальнику – ошибку в диктанте*), *отпустить* (*вора – волосы*), *распустить* (*школьников на каникулы – свитер*).

В семантической деривации, включающей, как шаг, изменение принадлежности Объекта тематическому классу ЧЕЛОВЕК, не участвуют, таким образом, некоторые тематические классы глаголов, а в рамках тематических классов, участвующих в ней, – отдельные глаголы. Среди тематических классов глаголов, Объект которых не изменяет своей принадлежности к тематическому классу ЧЕЛОВЕК, – глаголы изменения качественного признака, например *воодушевить (собравшихся)*, *переродить (себя)*, *переубедить (слушателей)*, *расшевелить (аудиторию)*, глаголы приведения в эмоциональное состояние, например *бесить (соседей)*, *вдохновить (поэта)*, *веселить (собеседников)*, глаголы нечестного поведения, например *дурачить*, *морочить*, *обмануть*, глаголы получения в свое распоряжение, например *вербовать (солдат)*, *удочерить (девочку)*, *усыновить (ребенка)*, глаголы передачи, например *наградить (бойца)*, *обделить (крестьян)*, *обсчитать (покупателя)*, глаголы межличностных отношений, например *боготворить (учителя)*, *нежить (детей)*, *беспокоить (родителей)*. Легко заметить, что все эти глаголы описывают действия, которые неприменимы к неодушевленным физическим или абстрактным сущностям из-за отсутствия у них признаков, необходимых для того, чтобы действие было осуществлено. Так, глаголы изменения качественного признака предполагают наличие у Объекта таких присущих только человеку признаков, как способность испытывать затруднения (*обременить*), душевный подъем (*воодушевить*), способность внутренне изменяться (*переродить*), иметь убеждения и

изменять их (*переубедить*), способность действовать (*расшевелить*).

Следствие невозможности изменения тематического класса Объекта этих глаголов с человека на предмет – либо отсутствие у них производных значений вообще, как, например, у *бесить, вербовать, воодушевить, переродить, усыновить*, либо образование производных значений за счет изменения тематических классов других участников – например, периферийного участника с семантической ролью Средство у *наградить*. Если Средство – ЦЕННОСТЬ или НАГРАДА, этот глагол имеет значение 'дать награду', как в примере (6а), а если Средство – СПОСОБНОСТЬ (например, *ум, талант*) или ХАРАКТЕРИСТИКА (например, *красота*), глагол приобретает значение 'наделить характеристикой', например:

(6) а. ...богато *наградив* отличившихся генералов, офицеров и солдат *деньгами, орденами, повышением в чинах*, некоторых через два, три чина сразу, он [Наполеон] выехал из Вены в Париж (Тарле).
б. Шостакович *наградил* героиню оперы всеми *чертами*, которые хотел видеть в любимой женщине (Вишневская).

Изменение же тематического класса Объекта у этих глаголов может быть направлено только от ПРЕДМЕТА К ЧЕЛОВЕКУ, но не наоборот; так, *обременить* с Объектом ЧЕЛОВЕК – значение, исторически производное от отсутствующего в современном русском языке значения того же глагола с Объектом ПРЕДМЕТ 'отяжелить' (в МАСе приводятся только примеры устаревшего употребления глагола *обременить* в этом значении в форме страдательного причастия прошедшего времени: *яблони, обремененные всеми возможными породами спелых и поспевающих яблок* (Аксаков); *руки, обремененные запястьями и кольцами* (Тургенев) и др.).

Такое же объяснение можно предложить и в отношении отдельных глаголов, неспособных изменять тематический класс своего Объекта по модели ЧЕЛОВЕК – НЕ-ЧЕЛОВЕК в рамках какого-либо тематического класса, притом что другие глаголы того же тематического класса участвуют в семантической деривации по этой модели. Примеры таких глаголов – *вывихнуть (руку), ужалить (продавца фруктов), занозить (ногу), изранить (руки), искусать (хозяина), истерзать (мальчика), исхлестать (заключенного), контузить (солдата), обморозить (нос), отморо-*

зить (ноги), поранить (руку), порезать (палец), расцарапать (щеку), уколоть (палец), ушибить (колено), ущипнуть (Машу) из класса глаголов повреждения человеческого тела, в котором другие глаголы допускают переход Объекта из тематического класса ЧЕЛОВЕК в тематический класс ПРЕДМЕТ, например *изувечить (рабочего – пьесу), изуродовать (солдата – землю взрывами), искалечить (собаку – город боями), исколоть (руку – лист бумаги иголкой), поцарапать (руку – стол), щипать (соседку по парте – струны гитары)*. Глаголы повреждения человеческого тела, неспособные менять тематический класс своего Объекта, описывают действия, предполагающие наличие у Объекта особых признаков, присущих только человеку или, иногда, человеку и теплокровным животным. Так, *вывихнуть* предполагает наличие сустава, в котором крепится часть человеческого тела, и поэтому можно *вывихнуть руку* или *ногу*, но не *ручку двери*, *ножку стула* или *ветку*, хотя внешне они напоминают эти части тела человека. *Контузить* можно только того, у кого есть способность слышать, *истерзать* и *ушибить* – того, кто способен испытывать *боль*, *обморозить* и *отморозить* предполагает наличие кровеносных сосудов. *Ужалить, занозить, расцарапать* и *поранить* можно только человека, потому что эти глаголы предполагают наличие поверхностного слоя, под которым находится другой, особый слой тканей, проникновение в который причиняет боль и во многих случаях вызывает появление крови. Именно поэтому, хотя поверхностный проницаемый слой, под которым находится мягкий внутренний, есть и у некоторых предметов (мягкой мебели и подушек, у хлеба), по отношению к ним невозможно выполнить эти действия: оса, скорее, *вонзает свое жало в подушку*, чем *жалит* ее, а обивку дивана можно нечаянно *разрезать*, но не *порезать*.

Напротив, глаголы, способные изменять тематический класс своего Объекта, описывают воздействие либо на поверхность тела человека (*исколоть, поцарапать, обварить, щипать*), либо на его форму (*изувечить, изуродовать, искалечить*), а это – признаки, которые есть и у предметов.

Интересное подтверждение этого предположения дает глагол *ущипнуть*. Это глагол, описывающий воздействие на поверхность тела человека, но в современном русском литературном языке у него нет производного значения с Объектом другого тематического класса, в отличие от *щипать*, у которого есть производные значения отделения (7а) и обработки (7б):

(7) а. Конь при дороге траву *щипал,* / Ночь наступила – и конь пропал... (Н. Матвеева).
б. На кухне *щипали* птицу, чистили зелень и растирали горчицу на прованском масле для соусов и салатов (Пастернак).

Однако в некодифицированной – разговорной – сфере производное значение отделения с Объектом МАССА есть и у *ущипнуть*, ср.:

ущипнуть 2. *разг.* Оторвать щипком небольшое количество, кусочек чего-л., отщипнуть. ... *Прежде ел много и вино пил, теперь – чуть ущипнет хлеба – и сыт* (МАС).

Отсутствие у *ущипнуть* в литературном языке значения 'отделить' объясняется, скорее, тем, что значение отделения регулярно выражается глаголами с приставкой *от-*, ср. *отрезать*, *отделить*, *отставить* и т.п., чем сопротивлением семантики мотивирующего значения.

Возникает вопрос, как быть с глаголом *ушибить*. Этот глагол описывает воздействие на часть тела человека, причиняющее ему боль, и должен, так же, как остальные глаголы с такой же семантикой, иметь производное значение с Объектом-предметом, ср. *обварить (руку – лимон)*, *оцарапать (колено – шкаф)*. Тем не менее, такого значения у него нет , ср. **ушибить ручку вазы*, **ушибить ножку стола*. Как кажется, причина в том, что в результате ситуации, которую описывает глагол *ушибить*, возникает не поверхностное повреждение кожи, а глубокое повреждение внутренних, мягких тканей тела человека, *ушиб*, чего не бывает с предметом, ср.:

(8) Впрочем, папа говорил, что у него сильный *ушиб* и простуда, а больше ничего (Лесков).

Еще одно интересное подтверждение идеи о том, что условие изменения тематического класса Объекта с ЧЕЛОВЕКА на НЕ-ЧЕЛОВЕКА – сопоставимость свойств человека и Объекта производного значения, предоставляют глаголы *напитать* и *насытить*. Оба они принадлежат тематическому классу глаголов кормления, в который входят также такие глаголы, как *кормить (ребенка кашей)*, *накормить (гостей)*, просторечное *окормить (соседа ухой)* и устаревшее *питать (больных)*. Глаголы кормления, в отличие от глаголов поения (*поить гостей чаем*, *напоить путника*), в принципе не должны изменять тематичес-

кий класс своего Объекта, потому что предполагают у него способность поглощать твердую пищу, которая есть только у человека, в то время как способность поглощать жидкость (пропитываться ею), сопоставимая со способностью человека пить, есть у многих предметов и веществ. Тем не менее у глаголов *напитать* и *насытить* есть производные значения с Объектом НЕ-ЧЕЛОВЕК. Причина, по которой возможна деривация этих значений, состоит в том, что в производном значении меняется тематический класс не только их Объекта, но и Средства – оно становится жидкостью, и глагол таким образом переходит в класс поения, ср.:

напитать 2. Пропитать какой-то жидкостью, сделать влажным. *А князь тем ядом напитал свои послушливые стрелы* (Пушкин, МАС).

насытить 2. Пропитать одно вещество другим <...> *Был туман; насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало* (Л. Толстой, МАС).

Добавим к этому, что глагол *напитать* в значении 'накормить' в современном русском языке не употребляется (МАС приводит его с пометами «устар.» и «разг.»), так что его производное значение оторвано от исходного со Средством ПИЩА, а глагол *насытить* с Объектом ВЕЩЕСТВО употребляется в форме причастия прошедшего времени, ср. *туман, насыщенный водой* (Толстой, МАС), что говорит о некоторой вымученности производного значения.

Существует, однако, группа глаголов, поведение которых полностью опровергает все, сказанное выше. Это глаголы лишения жизни. Несмотря на то, что способность жить и умирать есть только у человека и других живых существ, эти глаголы разрешают деривацию значений с Объектом – НЕ-ЧЕЛОВЕКОМ, ср. *убить* (*человека – надежду*), *добить* (*противника – работу*), *зарубить* (*всадника – пьесу*), *задушить* (*врага – свободу*), *задавить* (*пешехода – гласность*). Можно ли найти этому какое-то объяснение и согласуется ли оно с другими наблюдениями и предположениями, сделанными в этом разделе?

Обращает на себя внимание то, что у этих глаголов Объект всегда переходит в класс абстрактных сущностей, и таким образом в приведенных в данном разделе примерах представлена не одна, а две модели изменения тематического класса Объекта глагола: переход ЧЕЛОВЕК – ФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ, например *нарядить* (*девочку – елку*), *распустить* (*учеников – волосы*) и

переход ЧЕЛОВЕК – АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ, например *убить (врага – надежду)*. По первой модели образуют производные значения глаголы каузации движения (*распустить, разогнать*), глаголы контакта с поверхностью тела человека (*обнять, охватить*) или приведения предмета в контакт с ней (*одеть, опоясать*), глаголы воздействия на поверхность тела человека (*исколоть, обварить, одеть, щипать*). По второй – глаголы лишения жизни (*убить, отравить, задушить, раздавить*), глаголы разрешения (*допустить, пропустить*) и абстрактные глаголы победы (*осилить задачу, побороть усталость, пересилить досаду*).

Модели деривации значений глаголов с Объектом ЧЕЛОВЕК

Рассмотрим более подробно деривацию значений, образованных по первой и второй модели, приведя их огрубленные толкования.

А. *гладить (кого-то – белье)*

гладить 1 'ласкать'

Я тихо *гладил* ее по волосам, и мы тихо целовались (Набоков).

X *гладил* Y-а по Z-у S-ом.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ЧЕЛОВЕК
S	Инструмент	нврз	Инкорп	РУКА X-а
Z	Место	По+Дат	Периф	ЧАСТЬ ТЕЛА Y-а

X действовал с целью сделать так, чтобы Y-у было хорошо:
перемещал S по Z-у
это вызывало
Y чувствовал: S перемещается по Z-у

гладить2 'делать поверхность гладкой'

...спокойная и менее разгоряченная, [Лариса] *гладила* и чинила свое, его и Катенькино белье (Пастернак).

X *гладил* Y-а Z-ом.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ПРЕДМЕТ: ИЗ ТКАНИ
Z	Инструмент	нврз	Инкорп	УТЮГ

X действовал с целью сделать поверхность Y-а гладкой:
перемещал Z-а по поверхности Y-а
это вызывало
поверхность Y-а становилась гладкой

B. *убить (противника – любовь)*
убить 1 'лишить жизни'
Киров? – растерянно повторил Саша. – Кто его *убил*? (Рыбаков)
X *убил* У-а.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ЧЕЛОВЕК

до t<МН Y был живым <презумпция>
в t<МН X совершил действие:
воздействовал на Y-а неспецифицированным способом
это вызвало
В МН Y не живой (Y мертвый)

убить 2 'уничтожить'
Он *убил* ее любовь.
X *убил* Y-а

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ: ЧУВСТВО

Y существовал <презумпция>
X совершил действие: сделал нечто по отношению к Y-у
Это вызвало
Y не существует
Говорящий представляет себе, что Y – живое существо и что X как бы *убил 1* Y-а

Таким образом, такие абстрактные сущности, как *свобода*, *надежда*, *болезнь* и т.п. предстают живыми существами, т.е. олицетворяются, и поэтому могут быть участниками ситуации лишения жизни, которая описывается глаголами *убить*, *задушить*, *задавить* и т.д. То, что референты *свободы, надежды, болезни* наделяются свойствами живых существ, подтверждает сочетаемость этих слов с другими глаголами. Так, все они могут быть Субъектами глаголов движения, ср. *свобода пришла неожиданно, болезнь подкралась незаметно, надежда вернулась.*

Глаголы с Объектом ЧЕЛОВЕК участвуют в двух разных процессах деривации. При переходе Объекта в тематический класс физических сущностей уходят и заменяются другими компоненты, которые связаны с тем, что Объект глагола – ЧЕЛОВЕК, но сохраняются компоненты, характеризующие деятельность Субъекта. Так, при образовании производного значения глагола *гладить* изменяется цель Субъекта: вместо 'доставить Y-у удовольствие' целью становится 'сделать поверхность Y-а гладкой'. Компонент следствия 'Y чувствует' заменяется компонентом 'поверхность Y-а становится гладкой', и глагол *гладить* переходит в тематический класс обработки. Таким же образом изменяются компоненты толкования и у некоторых других глаголов, например *щипать* (*соседку – струны гитары*). В мотивирующем значении Объект (Y) глагола *щипать* – ЧЕЛОВЕК. Субъект (X) воздействует на Y-а, оттягивая кожу с поверхности тела Y-а пальцами, с целью причинить Y-у боль. Следствие этого – то, что Y чувствует боль. В производном значении Объект X-а – струны гитары (Y). Цель X-а – извлечь звук. X воздействует на Y-а (струны гитары), оттягивая их пальцами, с целью извлечь звук. Следствие этого – то, что Y звучит.

При переходе Объекта из тематического класса ЧЕЛОВЕК в класс абстрактных сущностей мотивирующее и производное значения связаны только компонентом 'как бы'[104].

* * *

За термином «антропоцентрическая метафора» скрываются два различных по своей сути явления: метафора в узком смысле, или поэтическая метафора, приписывающая абстрактной сущности свойства человека или живого существа вообще, и метафора в широком смысле – категориальный сдвиг, при котором

[104] Впервые в лексикографической практике компонент 'как бы' был использован в «Толково-комбинаторном словаре» (1984).

из толкования мотивирующего значения удаляются семантические признаки, связанные с участником ЧЕЛОВЕКОМ, в данном случае с Объектом.

Способность слов участвовать в образовании антропоцентрической метафоры зависит от тематических категорий участников ситуации, которую описывает глагол в мотивирующем значении. Возможность перехода Объекта глагола из тематического класса ЧЕЛОВЕК в какой-то другой класс и выбор модели деривации метафорического значения определяется сопоставимостью свойств человека и какой-то другой, физической или абстрактной сущности.

3.2.2. Мена тематического класса Объекта при деривации сленговых значений

Тематические классы Объекта мотивирующих глаголов

Объекты глаголов, способных в ходе семантической деривации давать производные сленговые значения, принадлежат различным тематическим классам. Ниже следует их иерархия:

ПРЕДМЕТ: *бомбить (город), вмазать (стекло в стену), волочить (бревно), впаять (монету в портсигар), врезать (замок в дверь), выдать (зарплату рабочим), грузить (машину песком), дать (книгу приятелю), держать (стакан в руках), задвинуть (чемодан под кровать), заложить (вещи в ломдард), замочить (постельное белье в холодной воде), кинуть (девушку)* (прост.), *крутить (обруч), купить (пальто), наварить (топор)* 'увеличить, приварив кусок'[105], *отмыть (кастрюлю от жира), отстегнуть (кобуру револьвера), повесить (картину на стену), подвинуть (стол ближе к стене), подогреть (чайник), подставить (спину под удар), получить (выговор), припаять (провод к лампе), пристегнуть (сумку к ремню), раскрутить (гирю над головой), сдать (книги в библиотеку), сделать (стол), сечь (капусту), скле-*

[105] Значения поясняются только в некоторых случаях, когда их сложно вывести из сочетаемости или когда они малоизвестны.

ить (дом из картона), снимать (посуду со стола), стянуть (скатерть со стола / туфли с ног)
– часть предмета: *оторвать (лист от ветки), обломить (ветку)*
– множество: *настрогать (планок)*
– светочувствительный предмет: *засветить (негатив)*
– предмет с твердой оболочкой: *расколоть (орех)*
– транспортное средство: *пропустить (велосипед), тормозить (автомобиль)*
– вместилище: завязать (*мешок веревкой*)
– веревка: *дернуть (шнурок), завязать (шнурок узлом), мотать (шерсть в клубок) / отмотать (пять метров проволоки, накрутить (канат на барабан)*
МАССА: *выкрутить (воду из тряпки), вырубить (свет), гнать (волну), поддать (пару), прессовать (опилки), отлить (воды), подогреть (чай), развести (молоко), размазать (грязь по стене)*
– съедобная: *квасить (капусту), принять (лекарство)*
ПОВЕРХНОСТЬ: *достать (дно рукой), начистить (пуговицы мелом), пахать (поле),* подмазать (противень / колеса / бричку) 'смазать слегка или дополнительно'
– поверхностный слой: *сдирать (кору с березы), скатывать (ковер), слизать (пенку с варенья)*
ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *зарубить (медведя / крестьянина топором)*
– насекомое: *накрыть (бабочку сачком)*
– движущееся: *ловить (рыбу)*
– человек: *навести кого-то на что-то* (устар.) 'указать местоположение', *обуть (ребенка), подсадить (сообщника на стену), раздеть (ребенка), списать (матроса на берег)*
– – часть тела человека: *наколоть (палец), напрягать (глаза)*
СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: *заказать (ужин в ресторане)*

По сравнению с этим списком, список тематических классов Объектов производных сленговых глаголов очень ограничен, ср.:

ЧЕЛОВЕК: *бомбить (пассажиров)* 'зарабатывать частным извозом', *вырубить (противника), грузить (сына* [нотациями]*), достать (врача вопросами), засветить (Леонтьева в театре)* 'заметить вопреки желанию', *накрыть (кого-то на месте преступления), настрогать (детей), обуть*

(заказчика, вкладчиков) 'обобрать', *подмазать (начальство), подсадить (кого-то на иглу), раздеть (клиента), задвинуть (претендента), заложить (друга), замочить (террориста), кинуть (заказчика на 150 тысяч), купить (кого-то)* 'обмануть', *обломить (приятеля)* 'не выполнить обещания', *подвинуть (соперника), подогреть (начальника)* 'дать взятку', *подставить (президента), расколоть (допрашиваемого), прессовать (арестованного), развести (клиента на покупку)* 'преодолеть внутреннее сопротивление', 'сделать так, чтобы купил', *размазать (противника по стенке), раскрутить (молоденькую актрису), сдать (премьер-министра), сделать (противника), склеить (мужа), снимать (девушек)*

– часть тела человека: *начистить (морду кому-то)*

УДАР: *вмазать [удар][106] кому-то, врезать [удар] кому-то*

ВЫГОВОР: *получить [выговор], выдать кому-то [выговор], врезать кому-то [выговор]*

ДЕНЬГИ: *выкрутить (деньги)*[107], *крутить (деньги), отмыть (деньги), отстегнуть (40 000), наварить (1 000 000), накрутить (цену)*

АЛКОГОЛЬ: *дернуть [рюмку], пропустить [рюмку], поддать [алкоголь], принять [алкоголь]*

НАУКА: *волочить (математику)*,

ОБВИНЕНИЕ / ДЕЛО: *повесить (дело на кого-то)*

ТЮРЕМНЫЙ СРОК: *впаять (10 лет), припаять (срок), мотать / отмотать (срок)*

ЦЕННОСТЬ: *оторвать (квартиру), стянуть (книгу в библиотеке)*

ПРОИЗВЕДЕНИЕ: *зарубить (пьесу)*

РЕЧЬ: *гнать [слова, рассказ]*

СЕКСУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: *дать [0]*

ТЕКСТ: *сдирать (контрольную у приятеля), скатывать (задачу у приятеля), слизать (сочинение у соседа по парте)*

МОЧА: *отлить [мочу]*

Легко видеть, что самый крупный тематический класс Объекта у сленговых значений глаголов – ЧЕЛОВЕК, а остальные классы ограничены миром ЧЕЛОВЕКА. Поэтому сразу можно сде-

[106] Квадратными скобками обозначаются инкорпорированные актанты.

[107] *выкрутить деньги* – от *выкрутить воду из тряпки* (диатеза от *выкрутить тряпку*)

лать вывод о том, что при деривации сленгового значения глагола Объект глагола либо остается в классе ЧЕЛОВЕК, например *обуть (ребенка – вкладчиков)*, *раздеть (ребенка – акционеров)*, либо переходит в класс ЧЕЛОВЕК из какого-либо другого класса, например *достать (дно руками – мать вопросами)*, *размазать (слезы по щекам – противника по стенке)*.

Объект может также переходить из какого-либо тематического класса, не имеющего отношения к ЧЕЛОВЕКУ, в тематический класс объектов, принадлежащих миру ЧЕЛОВЕКА, например ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА (*начистить (кастрюлю – морду кому-то)*), НАУКА (*волочить (ветку по земле – математику)*), ЖИЛЬЕ (*оторвать (лист от ветки – квартиру)*)[108]. Если Объект мотивирующего значения уже принадлежит миру ЧЕЛОВЕКА, он переходит из подкласса более удаленного от ЧЕЛОВЕКА, в подкласс, более тесно связанный с ЧЕЛОВЕКОМ, например из класса АРТЕФАКТ – в класс ДЕНЬГИ, ср. *отстегнуть (кобуру от ремня – 1000 долларов)*.

Хотя общее направление изменения тематического класса Объекта при деривации сленговых значений очевидно, это не проливает света на различия деривации литературных и сленговых значений слов. Проблема заключается в том, что в литературном языке производное значение может быть построено на любом из двух переходов Объекта – как по модели ЧЕЛОВЕК – НЕ-ЧЕЛОВЕК (антропоцентрическая метафора), например (9), так и по модели НЕ-ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК, например (10):

(9) а. Она [Татьяна Павловна] ... даже *щипала* меня, а толкала положительно, даже несколько раз, и больно (Достоевский).
б. Конь при дороге траву *щипал*, / Ночь наступила – и конь пропал... (Н. Матвеева).

(10) а. Мальчик еле *отделил* прилипший к кипе сырой листок, сунул его доктору в руки и канул в метель так же мгновенно, как из нее вынырнул (Пастернак).
б. На товарном дворе в Иванове *отделили* троих: Сабурова, Власова и из чужой группы, а остальных увели сразу (Солженицын).

[108] Сфокусированность разговорной речи на человеке и мире человека и направленность метафорического переноса разговорной и сниженной лексики от предметного мира к человеку отмечалась в (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 160–161).

Очевидно, что при деривации сленговых значений направление изменения тематического класса Объекта совпадает с одним из двух возможных направлений его изменения при деривации литературных значений, т.е. с направлением от ПРЕДМЕТА к ЧЕЛОВЕКУ. Такое же соотношение между сленговой и литературной семантической деривацией можно было видеть, когда мы рассматривали изменение тематического класса Субъекта глагола в разделе 2: при деривации литературных значений Субъект может меняться в двух направлениях – от ЧЕЛОВЕКА к НЕ-ЧЕЛОВЕКУ и от НЕ-ЧЕЛОВЕКА к ЧЕЛОВЕКУ, а при деривации сленговых значений – только от НЕ-ЧЕЛОВЕКА к ЧЕЛОВЕКУ. Можно предположить поэтому, что деривация сленговых и литературных значений слов различается не общим направлением изменения класса Объекта, а конкретными моделями его реализации.

Модели деривации значений глаголов разделения

Мы рассмотрим различия между деривацией сленговых и литературных значений на примере глаголов разделения: *разделить (яблоко на части), раздробить (кость), расколоть (орех), раскроить (ткань), перепилить (бревно), пороть (платье), развязать (узел), рассечь (тушу)* и др. Выбор именно этого класса глаголов обусловлен тем, что в основном значении у всех у них Объект – предмет и все они многозначны, причем у трех глаголов этого класса – *расколоть, рассекать* и *сечь* – есть производные сленговые значения, например:

(11) Передача «Театр+ТВ» и ее ведущая Е. Уфимцева славятся тем, что умеют «*расколоть*» на откровенные рассказы о себе самых «закрытых» и сдержанных людей театра (Центр-Plus 30.01.1995).
(12) ...в таком виде, шокировавшем не только пассажиров, но и бывалых железнодорожников, *рассекал* потомок Адама пространства скорого поезда долго и упорно (Нов. Изв. 3.11.2000).
(13) Французы это [моду] *секут* (МК 10.08.93).

Рассмотрим, как образуется сленговое значение у каждого из этих глаголов.

расколоть

Глагол *расколоть* близок по значению к двум другим глаголам этого класса – *разбить* и *раздробить*. В своих основных значениях все три глагола описывают ситуацию разделения предмета на части ударом. У всех трех глаголов есть производное литературное значение 'разъединить' <Объект – люди>, например *расколоть партию*, *разбить врага*, *раздробить сторонников реформы*, и 'нанести телесное повреждение' <Объект – часть тела человека>, например *разбить себе нос*, *раздробить сопернику челюсть*, *расколоть череп противнику*. Но при этом только у *расколоть* есть еще и сленговое значение 'ослабив чье-либо сопротивление с помощью насилия или каким-то другим способом, получить требуемую информацию', пример (11) и (14):

(14) «МК» *расколол* маньяка (МК 15.03.94).

При образовании этого значения глагола *расколоть* тематический класс Объекта меняется на ЧЕЛОВЕК так же, как при деривации литературного значения, но действие, описываемое глаголом, теперь направлено не на множество людей, а на одного человека. Таким образом, подкласс Объекта сленгового значения оказывается иным, чем подкласс Объекта производного литературного значения. Такое изменение Объекта в ходе семантической деривации нехарактерно для глаголов рассматриваемого класса, и уже этого достаточно, чтобы противопоставить производное сленговое значение производным литературным значениям.

Возникает вопрос, регулярно ли такое различие сленговой и литературной семантической деривации; иными словами, существует ли еще хотя бы один глагол, у которого Объект производного литературного значения был бы множественным, а Объект производного сленгового значения – единичным.

Таких глаголов оказалось несколько: *прессовать*, *развести*, *размазать* и *строить*. Стоит подробно рассмотреть глагол *развести*, поскольку на множестве его значений можно продемонстрировать различия процессов литературной и сленговой семантической деривации.

развести

Если у *расколоть* люди были Объектом производного литературного значения, то у *развести* люди – Объект уже основ-

ного, также литературного, значения ‘поместить каждого члена группы в отдельное место’, например:

(15) Потом встали, другие партии *развели* по пунктам, а нашей объявили: «Вот ваш лагерь. Устраивайтесь, как знаете» (Пастернак).

В этом значении Объектом *развести* могут быть также ВЫСШИЕ ЖИВОТНЫЕ, наделенные разумом, например:

(16) Без лишнего шума *развели* лошадей по своим местам (Айтматов).

Производные литературные значения *развести* наследуют характеристику Объекта основного значения *развести* – его множественность. В самом деле, Объект значения ‘расторгнуть брак’ – СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА, например (17), а значения ‘разнять дерущихся’ – двое или более ЛЮДЕЙ, например (18):

(17) Первый суд их не *развел*, не дала согласия на развод Наташа (Вишневская).

(18) Уже послышались однообразные возгласы: «А ты кто такой?», уже вырвалась из очей Паниковского крупная слеза, предвестница генеральной драки, когда великий комбинатор, сказав «брек», *развел* противников, как судья на ринге (Ильф и Петров).

В дальнейшем класс Объекта *развести* изменяется в наиболее распространенном в литературном языке направлении ЧЕЛОВЕК – НЕ-ЧЕЛОВЕК, но сам Объект по-прежнему остается множественным. Так, у *развести* есть производное значение ‘разъединить’, Объект которого – парные ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА (19) или УСТРОЙСТВО, состоящее из двух подвижных ЧАСТЕЙ (20), например:

(19) Он передохнул, сморщил лицо неудавшейся усмешкой и *развел* руки (Горький).

(20) Вышли начкар с контролёром из вахты, по обои стороны ворот стали, и ворота *развели* (Солженицын).

Объект другого производного значения *развести* ‘добавив жидкость, понизить концентрацию’ – ЖИДКОСТЬ, например:

(21) Дашка, видать, подумала, что наговорное зелье действует, навела для надежности еще, да и *развела* его водкой (Войнович).

К этому значению очень близко другое – 'добавив жидкость, превратить порошок в жидкость (тем самым понизив концентрацию)':

(22) ...он достал из кармана так называемый «чек» – кусочек полиэтиленовой пленки с жирновато-бурым пятнышком опиума, снял это пятнышко лезвием ножа, прокалил над спичкой, ссыпал в шприц и *развел* обыкновенной водой из кружки (Незнанский, Тополь).

Физический смысл действия, которое описывает *развести* в этом значении, заключается в том, что когда Субъект добавляет к Объекту жидкость, молекулы жидкости встраиваются между молекулами Объекта; с точки зрения обыденного сознания, при добавлении жидкости расстояние между частицами Объекта увеличивается. Поэтому, хотя в традиционных тематических классификациях жидкости и порошки – масса, т.е. класс, отличный от множества дискретных физических тел, в рассматриваемом случае Объект также может трактоваться как множественный.

Кроме того, у *развести* есть производные значения 'ухаживая, добиться размножения' Объектом животными или растениями, пример (23), и 'не контролируя, допустить увеличение количества' с Объектом-массой, пример (24):

(23) – Этих голубей для фестиваля *развели* (Сорокин).
(24) Ты зачем здесь такую грязь *развел*?

В примерах с (15) по (22) у Объекта была роль Пациенс; в примере (23) и (24) роль Объекта – Результат. Множественный характер Объекта в (23) не вызывает сомнений. Но и в (24) представлен множественный Результат: *развести грязь*, *беспорядок*, *тараканов* и т.п. можно только позволив Объекту «умножаться».

Между тем значение *развести* 'понизить концентрацию', проиллюстрированное примером (25), мотивирует сленговую метафору 'ослабив чье-либо сопротивление, добиться желаемого', например:

(25) – Смотри, они дают пятилетнюю гарантию на пломбы при условии, что раз в полгода приходишь к ним на профосмотр. – Ну конечно, пойдешь и они там тебя обязательно на что-нибудь *разведут* (из разг. речи, 2002).

Это значение демонстрирует сразу два отличия сленговой деривации от литературной. Во-первых, изменение тематического класса Объекта в противоположном направлении – от НЕЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ. Во-вторых, исчезает такая характеристика, как множественность Объекта – он становится единичным так же, как при деривации сленгового значения *расколоть*.

строить

Другой пример того, что у производных сленговых значений квантор множественности не сохраняется, – образование метафорических (литературного и сленгового) значений глагола *строить*. Позиция Объекта этого глагола в его основном, литературном, значении занята участником, семантическая роль которого – Результат, а тематический класс – СООРУЖЕНИЕ. В ситуации, которую концептуализует этот глагол, присутствуют еще два участника – Агенс и Средство. Средство занимает периферийную позицию; его тематический класс – МНОЖЕСТВО ОДНОРОДНЫХ ПРЕДМЕТОВ, например:

(26) Мне было шесть или семь лет, я *строил* замок из разноцветных азбучных кубиков (Набоков).

X *строил* Y-а из Z-а.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма выражения	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Результат	Объект	Центр	СООРУЖЕНИЕ: состоит из множества элементов
Z	Средство	из + род.	Периф	МНОЖЕСТВО ОДНОРОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ / МАССА

Одно из производных литературных значений глагола *строить* – 'организовать множество людей, расставив их по местам', в котором он имеет две диатезы. В диатезе, проиллюстрированной примером (27), позиция Объекта по-прежнему занята участником Результат, но тематический класс у него другой – это ФОРМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ. Участник Средство при этом меняет свой тематический класс на МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ и теряет выражение, например:

(27) Собственно говоря, командир батальона не обязан сам *строить* походную колонну (Симонов).

X *строит* Y-а.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма выражения	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Результат	Объект	Центр	ФОРМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ
Z	Средство	нврз	За кадром	МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ

В другой диатезе (28) в позицию Объекта поднимается участник Средство (роль которого, в соответствии с требованиями этой позиции, меняется на Пациенс), а участник Результат уходит на периферийную позицию (28а) или вообще не имеет выражения (28б), например:

(28) а. Тут нам велели взять вещи, *построили* по-двое и опять повели через тот же дивный садик, наполненный летом (Солженицын).

б. Когда-то всей шарагой командовал шведский капитан, он провел ее через слякотную промозглую Европу, а едва забрезжил рассвет, *построил* всех на вершине холма и шпагой показал в низину, где лежал чистенький городок, словно торт с цукатами (Аксенов).

X *построил* Y-а (в Z).

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма выражения	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ
(Z)[109]	Результат	в + вин	Периф	ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЮДЕЙ

И в той, и в другой диатезе, независимо от семантической роли участника в позиции Объекта, тематический класс Объекта меняется по модели НЕ-ЧЕЛОВЕК – ЛЮДИ, но при этом у нового

[109] Скобки указывают на факультативность участника.

участника сохраняется тот же квантор, что у соответствующего участника в мотивирующем значении. Иными словами, в производном значении участник ФОРМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ (27) соответствует участнику с ролью Результат в мотивирующем значении (26) и имеет тот же квантор, что и ЗДАНИЕ, а участник МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ (28) соответствует участнику МНОЖЕСТВО ОДНОРОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (26) и имеет тот же квантор.

Диатеза, представленная примером (28), мотивирует недавно возникшее сленговое значение *строить* 'пытаться влиять на чьи-то действия и поведение в соответствии со своими желаниями', например:

(29) а. Жена каждое утро его *строит* (из разг. речи, 2000).

X *строит* Y-а.

УЧАСТНИКИ				
имя	роль	форма выражения	ранг	таксономия
X	Агенс	Субъект	Центр	ЧЕЛОВЕК
Y	Пациенс	Объект	Центр	ЧЕЛОВЕК

Класс Объекта *строить* в сленговом значении уже не люди, а ЧЕЛОВЕК, – т.е. квантор множественности, сохранение которого было обязательным при деривации литературных значений, при образовании сленгового значения теряется. При этом в позиции Объекта может быть и множество, ср.:

(30) Дарья, как настоящий человек третьего тысячелетия, уже «*построила*» всех домашних под себя (Русский курьер, 23.07.2003).

Такие же изменения Объекта при деривации сленгового значения демонстрируют глаголы *прессовать* и *размазать*.

Прессовать в литературном языке – моносемичный глагол с Объектом МАССА или МНОЖЕСТВО ОДНОРОДНЫХ ПРЕДМЕТОВ, например:

(31) При загрузке он [шнек], вращаясь в одну сторону, *прессовал* мусор, а при выгрузке, наоборот, выталкивал его наружу (интернет-журнал «Возим мусор», 1999, № 12).

Воздействуя на массу давлением, Субъект действия делает расстояние между частицами массы меньшим, и тем самым масса становится плотнее. У *прессовать* есть производное сленговое значение с Объектом ЧЕЛОВЕК 'упорно бить кого-то или каким-то другим способом настойчиво воздействовать на кого-либо, обычно с целью подчинить себе', например:

(32) Чтобы выбить признание или получить «нужные» показания, оперативники прибегают к услугам «своих», пользующихся особыми привилегиями подозреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей в милиции, ИВС и СИЗО, которые избивают, насилуют или иным образом принуждают других подозреваемых или обвиняемых. Эта широко распространенная практика получила название «пресс-хата», потому что работающие на милицию «*прессуют*» задержанного непосредственно в камере предварительного заключения (Нов. Изв. 28.09.2000).

Объект глагола *размазать* в литературном языке – жидкая или пластичная масса, например:

(33) Он повернулся, выронил стрелу и, *размазывая* по лицу чернильные пятна и слезы, пошел со двора (Белов).

В сленговом значении 'нанести кому-то серьезный физический или моральный ущерб, тем самым лишив способности сопротивляться' тематическим классом Объекта *размазать* становится ЧЕЛОВЕК:

(34) ...герой – плохой, циничный, крутой такой мальчик, обижавший, обхитрявший, умело воровавший и беззастенчиво оскорблявший всю добропорядочную компанию – больно за все поплатился. Можно сказать, был *размазан* по асфальту (МК 28.04.94).

Можно предположить, что суть различия между сленговой и литературной дериваций – в более свободном обращении с мотивирующим значением в сленге. Объекты мотивирующего и производного значения в литературном языке обладают сопоставимыми свойствами. Так, например, в литературном языке Объект мотивирующего значения глаголов *разбить*, *расколоть* и *раздробить* – твердый предмет, который легко дробится на части, а

Объект производного значения – множество людей (*партия*, *сторонники реформы*, *враг*), которое также легко делится на части. При деривации сленгового значения глагола *расколоть* эта сопоставимость свойств Объекта мотивирующего и производного значения отсутствует. Объект мотивирующего значения – орех, который при ударе делится на части так, что можно достать его ядро, а у сленгового значения *расколоть* Объект – человек, которого нельзя разделить на части, не вызвав его гибели; но сленговое значение *расколоть* и не предполагает этого.

К такому же выводу приводит и исследование деривации метафорических значений по противоположно направленной модели изменения класса Объекта ЧЕЛОВЕК – НЕ-ЧЕЛОВЕК, которая используется только литературным языком (см. предыдущий раздел). Подобие свойств Объекта мотивирующего и производного значения – обязательное условие, которое определяет возможность образования литературного метафорического значения по этой модели.

рассекать

В своем основном значении *рассекать*, так же как *разреза́ть* и *перереза́ть*, описывает ситуацию разделения предмета на части с помощью чего-то острого, ср.:

(35) ...он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей теплой силы в камень, который он *рассекал* (Платонов).
(36) ... я подумал, если кто-то газету *разрезал*, склеивал, значит, забота о человеке в коммунистическом обществе стоит на высоком уровне (Войнович).
(37) Вспомнил, как он попросился в уборную, как *перерезал* веревки и привязал вместо себя кабана (Войнович).

В производном значении все перечисленные глаголы описывают ситуацию движения, ср.:

(38) Толчок. Узкий нос *рассекает* течение... (корп.).
(39) Но вот исчезают в дымке пустынные сопки, и корабль, наращивая и высвобождая свою мощь, все стремительнее и туже *разрезает* перекаты океанских валов (Белов).

(40) За мысом дорогу *перерезал* колесный пакетбот, переполненный фесками, и, мелькнув, обдал теплым дымом (Бунин).

В этом значении глаголы меняют тематический класс своего Объекта на ПРОСТРАНСТВО.

Связь между значением разделения предмета на части с помощью острого инструмента и значением движения очевидна: разделяя предмет, инструмент одновременно перемещается в нем. Эта связь особенно отчетлива у глагола *рассекать*: в значении движения его Объект – ПРОСТРАНСТВО, ИМЕЮЩЕЕ ОБЪЕМ (41а), которое может одновременно являться ПРЕПЯТСТВИЕМ (41б), например:

(41) а. Он продолжал свой путь, но не шагом; неведомая сила влечет его; неутомимый конь летит, *рассекает* упорный воздух (Лермонтов).

б. Он плыл против течения воды, сидя на достойном его могучем красном коне, который мощно *рассекал* широкою грудью волну и сердито храпел темно-огненными ноздрями (Бестужев).

Кроме того, у *рассекать*, так же, как у всех остальных перечисленных глаголов, есть производное значение расположения в пространстве, например:

(42) Тохтамыш идет вдоль Волги и *рассекает* Русь как бы на две части (Кукаркин).

(43) Смуглое горло *перерезал* хрупкий белый шрам (Ильф и Петров).

(44) Тракт пролегал через них, старый-престарый, самый старый в Сибири, старинный почтовый тракт. Он, как хлеб, *разрезал* города пополам, ножом главной улицы, а села пролетал не оборачиваясь, раскидав далеко позади шпалерами выстроившиеся избы, или выгнув их дугой или крюком внезапного поворота (Пастернак).

И в этом случае связь между мотивирующим и производным значениями прозрачна: режущий инструмент, разделив предмет на части, оставляет в нем след – расстояние, возникшее между частями.

Между тем глагол *рассекать* (в отличие от *перерезать*, *разрезать* и *пересекать*) имеет еще одно производное значение в сленге – 'перемещаться' (о человеке), ср.:

(45) Смотри, вон Петя *рассекает* (разг. речь, 2002).

Это значение мотивировано литературным производным значением глагола *рассекать*, проиллюстрированным примером (38) <Субъект – КОРАБЛЬ>. Объект сленгового значения *рассекать* также пространство, но по сравнению с литературным значением, сленговое *рассекать* подвергнуто дополнительным преобразованиям: по общему правилу деривации сленга тематический класс Субъекта глагола меняется на ЧЕЛОВЕК (см. настоящее издание, с. 209)[110], например (12), а Объект инкорпорируется.

Инкорпорирование[111] Объекта при деривации сленгового значения – явление весьма распространенное. Примерами могут служить сленговые глаголы нанесения удара *вмазать*, *врезать*, *дать* (*кому-то в морду*) <инкорпорированный участник – УДАР>, глаголы выпивки *дернуть*, *закладывать*, *поддать*, *принять на грудь* <инкорпорированный участник – алкогольный НАПИТОК> и многие другие. Инкорпорирование участника достаточно часто встречается и в рамках литературного языка, но оно имеет другой характер. При инкорпорировании Объекта в литературном языке его единственное изменение – генерализация, например Он *поел кашу* – *Он поел* [пищу]; *Он выпил вина* – *выпил* [алкогольный напиток]. Между тем в сленге происходит переход в другой тематический класс, отличный от класса, который был у Объекта в мотивирующем значении, например *Он врезал замок* в дверь – *Он врезал* [удар] *противнику*; Он *дернул шнурок* – *Он дернул* [алкогольный напиток] и т.п. Другое отличие инкорпорирования в литературном языке от сленгового заключается в том, что оно не сопровождается никакими дополнительными преобразованиями. В частности, при инкорпорировании Объекта класс Субъекта остается неизменным.

Объект *рассекать* может также понижаться в ранге, становясь периферийным участником, например:

(46) Если женщина очень красива, она сначала выйдет замуж за всемирно известного олигарха, а потом уже будет *рассекать по Москве* на лэндкрузере, направ-

[110] «Личный» характер метафорических переносов в разговорной речи отмечен в (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 160–161).

[111] Имеется в виду семантическое инкорпорирование, отличное от морфологической инкорпорации в инкорпорирующих языках (см. употребление термина в (Скорик 1990: 193)).

ляясь в «Табакерку», и там, замирая от восторга, беседовать с Евгением Мироновым (Нов. Изв.).

Другой пример сочетания изменения тематического класса Объекта с его понижением в ранге – деривация сленгового значения глагола *завязать* 'прекратить привычную деятельность', ср.:

(47) а. – Извините, ребята, *завязал*. Сам не пью и вам не советую (Войнович).
б. Мне не наливай, я *завязал*, – сказал он. – Да я, по сути дела, тоже *завязал*. Надоело это наше свинство, – сказал «блейзер» (Аксенов).

Литературное значение *завязать*, мотивирующее сленговое, описывает действие Субъекта, в результате которого возникает преграда для доступа к предмету из внешнего мира или для его контакта с внешним миром, ср.:

(48) а. Женщина, стоя на коленях, бинтом *завязала* раненую руку, сползла ниже к его ногам и стащила с него валенки (Булг.).
б. Козонков снова тщательно *завязал* «Альбом» веревочкой и ушел (Белов).

Объект *завязать* в этом значении – предмет.

Объект сленгового значения *завязать* – привычная деятельность, например выпивка, как в примерах (47а) и (47б), где это следует из контекста. В примере (49) Объект понижается в ранге до уровня периферийного участника, причем изменяется семантическая роль участника, имевшего роль Объекта: вместо Пациенса он становится Аспектом.

(49) Тамарка, нежная дочь Днепра, *завязала с постыдной службой* в валютном баре (Аксенов).

Инкорпорирование Объекта в сленге может быть вызвано как минимум двумя разными причинами. Во-первых, желанием не называть или скрыть 'плохой' Объект, т.е. тенденцией эвфемизации (Крысин 1994: 33–34). Именно поэтому происходит инкорпорирование Объектов таких тематических классов, как УДАР, АЛКОГОЛЬНЫЙ НАПИТОК, ВЫГОВОР у глаголов *врезать, поддать, вставить* и др. Во-вторых, тем, что в сленговом значе-

нии глагол меняет модель управления по образцу синонимичного литературного глагола[112], как это происходит, например, с глаголом *завязать*, в сленге синонимичном литературному глаголу *прекратить*.

Этой же причиной может быть вызвано понижение ранга Объекта глагола в сленговом значении до уровня периферийного актанта – например, глагол *рассекать* в сленговом значении синонимичен литературным глаголам *идти / ехать (по улице)*, и соответственно меняет свою модель управления, ср. *рассекать по улице*. Глагол *завязать* в сленге синонимичен не только литературному *прекратить*, но и литературному *покончить (с курением)*, и для него возможна и такая модель управления – например, *завязал с курением*.

Иногда в сленге возникает конкуренция между «своей» и «чужой» моделью управления, т.е. моделью управления глагола, мотивирующего сленговое значение, и моделью управления другого литературного глагола, синонимичного сленговому. У глагола *рассекать* в сленговом значении 'перемещаться', как показывают примеры (12) и (45), две модели управления – с прямым дополнением по образцу мотивирующего его литературного *рассекать (водную гладь)* и по образцу синонимичного ему литературного глагола *идти / ехать (по улице)*. Ориентация на модель управления мотивирующего глагола характерна для более ранних употреблений, а на модель управления синонимичного глагола – для более поздних и «устоявшихся».

сечь

В своем основном значении этот глагол, так же как *рубить*, описывает ситуацию разделения предмета на мелкие части с помощью ударов по нему чем-то острым, например:

(50) ...император, надо думать, надеялся, что в свободное от врачевания время дед будет ходить в казачьей лаве в конные атаки и будет *сечь* клинком, как капусту, врагов престол-отечества... (Кураев).

[112] В (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 155 –157) со ссылкой на (Апресян 1967: 30) рассматривается противоположная сторона этого явления – приобретение глаголом, при погружении в конструкцию, характерную для другого глагола, значения этого глагола.

В литературном языке у этого глагола есть производное значение 'ударять с целью причинить боль' с Объектом-человеком, ср.:

(51) Хотела Нуся спросить, *секли* ли полковника самого в детстве и есть ли у него свои дети (Солженицын).

При образовании сленгового значения *сечь* 'понимать, знать толк в чем-то' тематический класс Объекта меняется на ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ, и модель управления глагола *сечь* становится неустойчивой – иными словами, сосуществует несколько моделей управления. В их числе – модель управления, которая построена по образцу мотивирующего его литературного глагола *сечь* 'ударяя острым иструментом, разделять на мелкие части' с Пациенсом, выраженным Объектом, например:

(52) Ей-ей – это какой-то хитрый каламбур, *смысл* которого я не *секу*. Как можно нарушить права по отношению к спаму? (комментарий к документу «О регулировании российского сегмента сети Интернет» в Интернете).

Объект сленгового *сечь* легко понижает свой коммуникативный ранг, и тогда вместо Объекта появляется периферийный участник, выраженный творительным падежом, семантическая роль которого уже не Пациенс, а Аспект. В этом случае образец для модели управления сленгового глагола – литературные глаголы *понимать* и *разбираться (в математике)*, например:

(53) ... Я вообще не *секу* в этом [в компьютерах], но хотелось бы научиться! Чайник я в общем (сообщение пользователя на сайте «Домашний компьютер», 2002).

Наконец, возможна модель управления с периферийным актантом в родительном падеже – также по образцу *понимать*, ср.:

(54) а. Вот неугомонный Старик! *Шуток не понимает* (Ильф и Петров).
б. Может я *фишки не секу*, но Вы F4 нажать не пробовали (из Интернета).

У синонимичного сленговому глаголу *сечь* глагола *волочить* 'разбираться в чем-то' модель управления с Объектом-Пациенсом по образцу мотивирующего литературного глагола *волочить* 'перемещать что-то за один конец, не отрывая от поверхности'отсут-

ствует – примеров ее использования нет ни в нашей картотеке, ни в словаре (Елистратов 1994). Используется только модель с периферийным актантом в творительном падеже, ср.:

(55) а. Тебя уже *волокут* за шиворот, а ты все заклинаешь про себя: «Это ошибка!» (Солженицын).
б. Я в английском только со словарем *волоку* (разг. речь 2000).

Можно предположить, что модель управления сленгового *волочить* с Объектом-Пациенсом когда-то существовала, но была утеряна и что наличие у *волочить* только модели с периферийным участником Аспект отражает общую тенденцию развития сленга.

Участник ситуации, имеющий периферийный коммуникативный ранг и семантическую роль Аспект, появляется и в тех случаях, когда изменение тематического класса Объекта не сопровождается понижением его коммуникативного ранга, например *пробить на измену* 'вызвать галлюцинации', *развести на деньги* 'вынудить заплатить', *раскрутить на что-то* 'вынудить дать или заплатить', *закрыть на тюрьму* 'лишить свободы':

(56) В буржуазных странах, когда куришь гашиш, почему-то на измену совершенно *не пробивает* (Нов. Изв. 18.10. 2000).
(57) ...Неизвестного начинают банально «*разводить на деньги*». <...> «*Развести* его почти на миллион долларов уже удалось, а если немного дожать, то и оставшуюся сумму Неизвестный выложит сам (Нов. Изв. 6.10.2000).
(58) Естественно, я вынужден *раскручивать пациентов на подарки*, благодарности, которые взятками, как мне кажется, не считают ни больные, ни врачи (Знамя 2000, № 38).
(59) Пришлось, как говорят зеки, «*закрывать его на тюрьму*», то есть лишать свободы (Нов. Изв. 2.03.2001).

Интересно, что в случае образования сленгового значения *закрывать* участник Аспект избыточен: *закрыть* и без этого уточнения значит 'лишить свободы', ср.:

(60) Большинство из них [подростков-заключенных] вспоминает с ужасом время, проведенное в СИЗО. Осо-

бенно первые дни, «когда *закрыли*» (Нов. Изв. 2.03.2001).

Тем самым подтверждается существование общей тенденции появления при образовании сленговых значений глаголов нового участника Аспект, под которую подстраивается *закрыть*[113].

Приписывание аспекта, по которому осуществляется действие, – иное по своей сути явление, чем понижение Объекта до уровня периферийного участника с ролью Аспект. Существенно, что в случае выражения аспекта конструкцией с *на* модель управления сленгового глагола не имеет литературного образца. Распространение этой конструкции – явление недавнего времени. Словарь (Елистратов 1994) отмечает модель управления с *на* только у двух глаголов – *расколоть* и *раскрутить*. Можно высказать очень осторожное предположение, что бурное образование сленга вызвало активизацию конструкции, давно существующей в уголовном жаргоне. Аргумент в пользу этого предположения – пример *расколоть на выпивон* 'вынудить угостить спиртным' в словаре уголовного жаргона (Бадаев, Белко, Исупов 1992)[114].

Преобразования Объекта при деривации сленговых значений явно всегда более масштабны, чем его преобразования при семантической деривации в рамках литературного языка. Помимо изменения тематического класса Объекта, образование сленгового значения включает еще какие-то шаги – понижение коммуникативного ранга Объекта, сопровождающееся изменением семантической роли с Пациенса на Параметр или Аспект, и одновременное с этим изменение тематического класса Субъекта или появление нового периферийного участника с ролью Параметр или Аспект.

---

[113] Тенденция разговорной речи к устранению прямого дополнения и появления косвенного, уточняющего, на что направлено действие, например, *внести за свет*, отмечается в работе (Чурилова 1974).

[114] Возможно, эта конструкция была в свое время заимствована из польского, ср. *chorować na astme* 'болеть астмой', *cierpić na astme* 'страдать астмой', *leczić sie na wontrobe* 'лечиться от печени', *namawiać na spacer* 'уговорить погулять', *pozwaliać na co* 'позволить что-то' (примеры предоставлены М. Рудерман и О. Катречко) .

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании были проанализированы модели деривации литературных и сленговых значений слов одной части речи – русского глагола. Их сопоставление позволило убедиться в том, что независимо от того, принадлежат производные значения литературному языку или же попадают за его пределы, в сленг, набор средств семантической деривации остается одним и тем же, и в этом смысле сленг ничем не отличается от литературного языка. В число общих средств деривации литературных и сленговых значений входит изменение тематического класса глагола, изменение его таксономической категории, изменение тематического класса одного или нескольких участников ситуации, описываемой глаголом. Использованию этих средств могут сопутствовать различные диатетические преобразования – понижение коммуникативного статуса одних и повышение коммуникативного статуса других участников, инкорпорация одного из участников или уход участника за кадр.

Семантическая деривация ничем не отличается от словообразования: она использует ограниченное число средств для создания неограниченного числа единиц. Включение в исследование сленга позволило подтвердить это особенно наглядно: образование сленга – живой процесс, в ходе которого можно наблюдать, как все новые и новые сленговые значения образуются с помощью тех же средств и по уже известным моделям.

Переходы глаголов из одного тематического класса в другой были прослежены в Главе I-ой: переходы глаголов прибытия из тематического класса движения в класс движения времени, в класс мнения, класс эмоций, приобретения социального статуса и в класс глаголов расположения в пространстве; переходы глаголов движения вниз в тематический класс прекращения функционирования, а затем прекращения существования; переходы глаголов движения в тематический класс ментальных глаголов и, наконец, переходы глаголов в различные тематические классы при деривации сленговых значений.

Различные случаи изменения тематической категории глагола рассматривались в Главе II-ой, в частности переход глаголов полного охвата из таксономической категории действия в категорию процесс и категорию состояние, переход глаголов обладания из категории действия в категорию предстояния и переходы из категории действие в категорию происшествия и наоборот, сопутствующие образованию литературных и сленговых значений у ряда глаголов различных тематических классов.

Изменение тематических классов участников в ходе семантической деривации было проанализировано в Главе III-ей: рассматривались последовательные изменения тематических классов участников при образовании различных значений глагола *взять*, а также изменения тематического класса участника, выраженного Объектом, и участника, выраженного Субъектом, при образовании литературных и сленговых значений.

В то же время оказалось, что хотя деривации литературных и сленговых значений служит один и тот же набор средств, он используется по-разному. Так, переход глагола из одного тематического класса в другой при деривации литературного значения во многих случаях мотивирован концептуальной структурой, связывающей в сознании человека различные ситуации реального мира. Следствие этого – регулярный переход производных значений глаголов одного тематического класса в другой тематический класс. В основе перехода глагола в новый те-

матический класс при образовании сленговых значений во многих случаях лежит поверхностное свойство между ситуациями, и поэтому производные значения отдельных глаголов, принадлежащих разным тематическим классам в литературном языке, могут принадлежать одному и тому же тематическому классу в сленге.

При образовании сленговых значений на первый план выходят те преобразования, которые для литературного языка периферийны. При переходе производного значения в новую таксономическую категорию для литературного языка основное направление – переход из таксономической категории «действие» в категорию «происшествие», а переход от происшествия к действию – периферийное, использующееся для образования небольшого числа глаголов. При образовании сленговых значений именно последнее направление – единственное, которое используется.

К такому же выводу приводит сопоставление моделей изменения тематических классов участников ситуации, описываемой глаголом. При образовании литературных значений основное направление изменения тематических классов участников – 'ЧЕЛОВЕК – НЕ-ЧЕЛОВЕК', а обратно направленное изменение является периферийным. При деривации сленговых значений используется только одно направление изменения тематических классов участников ситуации 'не-человек – человек', которое в литературном языке имеет периферийный характер.

Модификации значения при деривации сленга имеют гораздо более масштабный характер, чем при семантической деривации в рамках литературного языка. При деривации сленговых значений изменение тематического класса участника сочетается с инкорпорацией участника или же его уходом из ситуации, но одновременно в ситуации может появиться новый участник.

Указатель лексем*

Полужирным шрифтом выделены номера страниц, содержащих толкование или словарную статью данной лексемы.

автобус 168
автоподстава 15
-ак (-як) (суффикс), 28
ампутировать 222, 226
аннулировать 89
арендовать 130, 135
асиндетон 28
асфальт 194
афишировать 225

база 33
баксы 27
балка 195
барабан (по барабану) 24
баррикады 195
бахрома 195
бежать 75, **83**, 84, 166, 167, 211
белеть(ся) 217
бесить 223, 228–229
беспокоить 228
беспредел 27
беспредельщик 31
бесчестить 223
билетер 143
благодарить 223
боготворить 228
бодяга 25
болезнь 235
бомбила 31
бомбить 31, 104, 108, 220, 236, 237
бормотать 225
братан, браток 33
брать в кавычки 24
брать 103, 106, 109, 110, 169, 172, 218, 219, 220
браться 218
будить 223
бурить 89
быть в отказе 20
быть 66

важняк 31
валить 218
валиться 218
варить 224
вата 195
вахтер 143
вбежать 191
вдалеке, вдали 82
вдохновить 223, 228
величать 223
венчать 122
вербовать 228–229
веревка 195
вернуться 75
верняк 29
веселить 228
весельчак 29
весить 103
вести 33
ветер 42
взгляд 97
вздрогнуть 105–106, 113, 160, 206, 219
взлететь 103, 107, 207
взор 97
взросляк 25, 30
взыскать 130
взять 13, 118, 130, 132, 135, 165, **166–183, 174–176**, 205
видак 29
видеть 78, 86
видик 29

* Указатели составил А. В. Санников

виднеться 86
видюшник, видяшник 29
вина, 170
висяк 28
вмазать 34, 104, 107, 112, 219, 236, 238, 250
внести 255
внимание 97
водить 168
воды 42
воздух 42
возникать 105, 106, 206
возникнуть 154
волочить 103, 236, 238, 239, 253, 254
волочь 107, 111, 221
вонзать 230
воодушевить 228, 229
впаривать 33
впаять 104, 107, 109, 110, 219, 220, 236, 238
вписаться 106, 108, 206, 220
впускать **148**, 149
впустить 139, 140–**142**, 151
врезать 34, 104, 107, 219, 236, 238, 250, 251
врубиться 34, 103, 107, 111, 206, 221
вручить 130, 136, 137, 138
всматриваться 78
вспомнить 225
вставить 251
встретить 228
втирать 33
въехать 34, 103, 107, 111, 205, 206, 221
выбежать 89, 90, 93
вывихнуть 226, 229, 230
выдать 236, 238
выделяться 128
выехать 89, 90, 93
выжечь 89
вызвать 223, 227
выиграть 41, 131
выйти 54, 55, 58, **88**, 89, 90, 91, 93
выкликать 223
выколоть 226
выкрасить 85
выкрикнуть 225
выкрутить 104, 108, 220, 237, 238
вылететь 90, 93
выложить 127
выпивон 28
выписать 225
выпить 250
выплывать 77
выполоть 93
выпросить 227
выразить 225
вырубить 89, 91–93, 105, 107, 237
вырубиться 207
высвободить 228
высота 182
вытекать 128
вытоптать 93, 226
выяснить 225

гебешник 19
гладить **233**, 235
глюки 27
гнать 103, 108, 221, 223, 224, 227, 237, 238
гопник 26
гореть 204
город 182
горячий 47
грабить 223
грины 27
грохотать 202
грудь (принять на грудь) 107, 219, 250
грузить 27, 104, 107, 109, 221, 236, 237

грузиться 106, 219
гудеть 105, 106, 113, 207, 214, 219
гэбэшник 19

давать 134, 135
давить 125
дарить 129, 132, 134
дать 103, 105, 106, 129, 130, 132, 135, 220, 236, 238, 250
декламировать 225
делаться (*под кого-то*) 33
деньги отмывать 32
держать 99, 102, 236, 237
держать (*кого-то за кого-то*), 101, 102, 107, 220
дернуть 102, 106, 113, 219, 237, 238, 250
деформировать 89, 93
диктовать 225
добить 224, 232
дойти 52, 75, 83, 86
докончить 225
долететь 45
допросить 227
допускать 75, 151
допустить 139, 146, **147**, 151, 228, 233
дорога 195
доска 195
достать 15, 103, 105, 107, 221, 237, 239
достигать 45
дурачить 223, 228
дурка 30
ЕБН (от *Ельцин Борис Николаевич*) 29
есть (*у Х-а есть У*) 138
ехать 252

Ж (*от Жириновский*) 29
ж жэ (*эвфемизмы*) 29
жалить 230
жарить 224
жгут 195
жевать 38
железо 34
журить 227
журналер 31
жучок 19

забегать 66
забить 120, 121, 123, 125, 127, 188, 196
забить стрелку 30
забойный 31, 33
забор 195
заваливать 116, 127
завалить 121, 123, 126, 196
завершить 121, 125, 225
завладеть 131
завязать 17, 106, 210, 237, 251, 252
завязнуть 87
загасить, загаснуть 89
заглохнуть 89
заглушить 89
заглядывать 66
загородить 41, 121, 123, 188, 194, 196
заготовить 131, 139
загромоздить 121, 201
задавить 227, 232, 235
задвинуть 104, 107, 110, 220, 236, 238
задержать 87, 96, **98**, 100, 225
задержаться 87, 94
задушить 224, 227, 232, 233, 235
зажать 99
заказать 105, 107, 219, 237
закамуфлировать 121, 125, 196
закидон 28
закладывать 250
заколебать 102, 107, 221
заколоть 224
закончить 121, 197, 225

закрепить 121, 124, 197
закрыть 30, 121, 123–125, 185–189, 196–197, 200–201, 254–255
закупорить 121, 124, 197
закусон 28
залепить 121, 123
залететь 103, 107, 110, 206, 207, 220
заливать 127, 129, 206, 207
залить 39, 41, 49, 95, 115, 119, 121, 123, 124, 154, 157, 186–187, 190, 197, 199–201, 207, 208
заложить 105, 108, 110, 113, 220, 236, 238
замахать 159
заметать 128
замолкнуть 89
замолчать 89
замотать 104, 107, 108, 128, 220
замочить 104, 107, 219, 236, 238
замусорить 121, 125
занозить 229, 230
заносить 128
занять 121, 125, 130–131, 135
запасть 103, 107, 109, 206, 207, 209, 221
запаять 187
запереть 197, 202
записать 225
заплетать 125
заполнить 37, 120–121, 123, 197
запорашивать 128
запрокинуть 222, 227
запрудить 121, 125, 201
зарезать 224
заржаветь 105, 108, 220
зарубить 105, 232, 237, 238
засветить 34, 104, 107, 161, 162, 221, 237
засветиться 17, 104, 107, 110, 220
засвечивать 32
заслонить 121, 196
засорить 41, 121, 124
засорять 191
заставить 121, 201, 223
застелить 120–121, 123, 127, 197
застилать 116, 125
застлать 125
застопорить 87, 100
застрять 87
застыть 87
засыпать 128, 129
заткнуть 72, 121, 124, 127, 185–188, 190, 197, 200
занять (*денег*) 130, 131
затормозить 51, 87, 94, 100
затуманивать 125
затухнуть 89
затушить 89
затыкать 128
затягивать 116, 126
затянуть 121, 123, 124, 197
захватить 131
захламить 121, 125, 201
зашить 187
заява 32
звонить 213
зелень 27
земля 189

игла (*подсесть на иглу*) 27
идти 13, 41, 191, 252
изгородь 195
изобразить 127
изолировать 121, 124, 228
изранить 229
изругать 227
изрыть 226
изувечить 226, 230
изуродовать 227, 230
изъять 136

изъязвлять 125
изъять 129, 130, 136
именовать 223
иметь 139
у Х-а есть У 138
исказить 89
искалечить 226, 227, 230
искать 41
исколоть 227, 230, 233
искоренить 89
искусать 229
испещрить 121, 124, 125
исполнить 225
истереть 224
истерзать 229, 230
истопать 187
истощить 228
истратить 131
истребить 89
исхлестать 229

кайф 27
кантовать 103, 106
кантоваться 106, 110, 219
капитулировать 89
катить(ся) 218
квасить 15, 105, 106, 113, 219, 224, 237
кидалово 32
кинутый 31
кинуть 24, 31, 103, 108, 110, 220, 236, 238
кирпичи 195
колеса 27
командироваться 24, 32
командировка 23–24, 32
конкретный 33
конспектировать 225
консультировать 223
консьерж(ка) 143
контролер 143
контузить 226, 229, 230
конфисковать 13, 129, 130, 134, 136, 137
копать 89
коридор 189
кормить 231
косилово 32
косить 33, 108, 206, 220
котлован 189
креза 27
крем 195
крепость 182
крот 30
крупняк 31
крутить 108, 220, 236, 238
крутиться 103, 108, 207, 220
крутой 27
крыша 29, 30, 31
крышка 195
ксива 28
кукла 26
купить 105, 106, 108, 129, 130, 131, 135, 220, 236, 238

лабухи 20
лавить 101
лавэ 101
латать 187
лежать 191, 192
передвинуть 194
лечь 193
лить(ся) 217
лишить 223
ловить 101, 220, 237, 238
лох 31
лохотрон(щик) 31
люк 189

маза 30
массировать 226
махаловка, махалово 32
махач 30
махла 30
машина 19, 27, 168
машинка 27

мелькать 75
мелькнуть 75, 78, **79–80**, 81
мент 26
мерс 29
мертвяк 29
мешать 191
мешок 195
мобила 31
мокруха 28
молить 227
морочить 223, 228
мост 195
мотать 237, 238
мочиловка, мочилово 31
мочильщик 31
мочить 24, 25, 31, 32
мэн 27

набивать 121
набить 121, 124, 197
набраться 104, 107, 207
наварить 30, 105, 108, 220, 236, 238
навести (кого-то на что-то) 237
навещать 66
наводнить 121, 125, 197
нагореть 207
нагореть (с чем-то на сколько-то) 107, 110, 220
наградить 130, 131, 136, 137, 138, 228, 229
нагрузиться 104
надежда 235
надеть 120
наезд 33
наезжать 19
наехать 19, 33, 107, 160, 161, 206, 212
нажать 226
нажить 131, 139
нажраться 107, 206
назначать 149
найти 41
накат 33
накатить 33
наклонить 227
наколоть 108, 110, 220, 237
наколоться 206
накормить 231
накрутить 108, 220, 237, 238
накрутка 16
накрыть 34, 104, 107, 121, 123, 188, 197, 198, 221, 237
накрыться 105, 109, 206
налететь 87
наливать(ся), 218
налипать 125
налить 154
намылиться 105, 106, 107, 206, 221
напарить 25
напитать 231, **232**
наплывать 77
напоить 231
наполнить 37, 49, 85, 117, 121, 123, 184, 188, 190, 197
наполнять 85, 116, 119, 128
напрягать 237, 238
напрячь/напрягать 105, 107, 221
на руки 181, 182
нарядить 227, 232
настичь 227
настрогать 106, 237
насытить 191, 231, **232**
наткнуться 87
натравить 223
на халяву 23
начинить 121, 124, 197
начистить 104, 107, 219, 237, 238, 239
невезуха 31
нежить 228
нетленка 31
неформалы 26

ночные бабочки 27
ныть 166

об- (глагольная приставка), 128
обагрять 125
обварить 227, 230, 231, 233
обвить 121, 124, 197
обволакивать 125, 193
обделить 228
обдираловка 32
обеззаразить 89
облепить 122–123, 197
обложить 104, 108, 221
обломать 226
обломаться 103, 108, 207
обломить 104, 108, 110, 220, 237, 238
обломиться 103, 108, 207, 220
обмануть 223, 228
обметать 122, 124, 197
обморозить 229, 230
обмотать 128
обнаруживать/обнаружить 76
обнять 227, 233
обогнуть 191
обойти 191, 192
обокрасть 223
оборвать 89, 226
оборотень 34
обрамить 122, 124, 190, 197
обращать 78
обременить 228, 229
обслуживать 228
обсудить 226
обсчитать 228
обтянуть 122, 124, 188, 197
обуть 104, 108, 110, 220, 237, 239
обштопать 108, 110, 220
-ов(о) (суффикс), 32
-овк(а) (суффикс), 32
овладеть 131
овраг 189

огородить 122, 124, 196
ограбить 131
оградить 124
одалживать 134
одеть 120, 199, 227, 233
одолжить 130, 131, 135
оживить 122, 197
окаймить 122, 124, 197
оклеветать 227
окончить 225
окормить 231
окружать 188
окружить 122, 124, 194, 196
окутать 122, 123, 197
окучивать 210
-он (суффикс) 28
опекать 223
оплести 122, 124
опоясать 122, 124, 197, 227, 233
опустить 103, 107, 110, 220
опутать 122, 124
осадить 87, 100
осветить 210
осилить 228, 233
осмыслить 225
остановить 51, 87, 94–97, 100, 141
остановиться 87, 94, **95**, 97
оступиться 87
отбежать 89
отбирать 133
отвалить 104, 106, 110, 206, 207, 218, 219
отвалиться 154, 218
отвязаться 103, 107, 207
отвязываться 16
отгородить 122, 124
отграничить 122, 124
отдалиться 58
отдать 132
отделить 122, 124, 194, 197, 226, 231, 239
отделяться 128

отдернуть 227
отдыхать 103, 105, 106, 206
отказник 20
откат 33, 34
откатывать 141
отключиться 105, 107, 207, 221
отколоть 226
открывать/открыть 41, 76
отлить 104, 106, 220, 237, 238
отмороженный 15
отморозить 229, 230
отмотать 104, 109, 110, 220, 226, 237, 238
отмотаться 104, 109, 110, 207, 220
отмывать 32, 104
отмываться 108, 207, 220
отмыть 104, 108, 220, 236, 238
отнимать 131
отнять 130–131
отобрать 130–131
отодвигать 141
отойти 58, 89
оторвать 99, 104, 108, 220, 237, 238, 239
оторваться 31, 103, 107, 161, 162, 207, 212, 213, 221
отпустить 228
отравить 233
отрезать 231
отрубить 104
отрубиться 104, 107, 207, 221
отрыв 31
отслюнить 15, 32, 108, 220
отставить 231
отстегнуть 104, 108, 210, 220, 236, 238, 239
оттяг 31
оттянуться 31, 102, 107, 221
отчалить 103, 106, 110, 206, 207, 219
отъехать 89
охватить 233
охрана, охранник 143
оцарапать 231

перехеатить 124
паводок 42
пакля 195
памятник 102
пародировать 222
пасти 33
пахать 237
пачковаться 33
перебить 89
перебороть 228
перевыполнить 225
перегородить 122, 124, 190, 197
переделать 89
перекрасить 89
перекрыть 100, 122, 124, 197
перепилить 240
переполнить 41, 122, 125
перепрыгнуть 191
перерезать 248, 249
переродить 228, 229
пересекать 249
пересилить 233
пересмотреть 78
переспросить 226
перетянуть 122, 124, 197
переубедить 228, 229
перехватить 87, 99, 100, 122, 198
печь 224
пилить 89
питать 231
плед 194
плыть 80
плясать 225
по- (глагольная приставка) 141
по барабану 24
победить 228
побелить 119
поблекнуть 89
побороть 233

повернуть 78
повесить дело 220
повесить 109–110, 236, 238
повторить 225
погаснуть 91
погладить 118, 160
погонять 223
подарить 129, 130, 135
подвинуть 103, 107, 110, 220, 236, 238
подвихнуться 207
подгрести 104, 106, 110, 207, 219
поддать 104, 107, 113, 219, 237, 238, 250, 251
подмазать 104, 108, 220, 237, 238
подогреть 104, 108, 214, 215, 220, 236, 237, 238
подпереть 122, 197
подписант 20, 26
подпустить 139, 144–147, 151
подсадить 25, 104, 108, 237, 238
подсесть на иглу 27
подслушка 33
подстава 32
подставить 104, 107, 110, 220, 236, 238
подставиться 103, 107, 110, 206
подсуетиться 17
поезд 168
поехать 168
поздравить 226
поить 231
поймать 87, 99, 100, 141
показаться 81
покончить 252
покрасить 119, 199
покрывать 128
покрыть 115, 119, 122, 123, 184, 185, 186, 193, 198, 199, 201, 221
покупать 134, 149
поле 189
положить 193
получить 48, 105, 107, 219, 236, 238
полысеть 89
померкнуть 89
помириться 89
понимать 253
понтярщик 31
попса 27
поранить 226, 230
порвать 154
порезать 226, 230
порнуха 28
пороть 240
посвятить 226
посещать/посетить 66
послать 221, 223, 228
поставить 104
постелить 120
постепенно 85–86
постигать 76
постичь 76, 77
посыпать 118, 217
посыпаться 103, 107, 207, 213, 217, 220
потухнуть 89
потушить 89
поцарапать 230
поцеловать 160, 222
появиться 70, 71, 81
пояс 195
преградить 122, 125
предоставить 129, 130, 135
предоставлять 131
представить 225
предупредить 226
предъява 32
предъявить 225
презентуха 28
прекратить 252
премировать 130, 136, 137, 138
преобразить 89

прервать 89, 90
прессование 22, 31
прессовать 22, 23, 31, 104, 107, 109, 110, 219, 220, 237, 238, 241, 246, 247
пресс-хата 22, 23, 26, 31, 247
при- (глагольная приставка) 54, 59
прибежать 51
приблизиться 56–58
прибыть 37, 51, **57**, 59
привалить 104, 106, 110, 219
привести 84
приветствовать 223, 227
привратник 143
пригласить 226
придержать 87, 99, 100
приехать 37, 54
прийти 13, 48, 51, 54, **55**, 57, 59, 75, **82**, 84, 85, 86
прикалываться 27, 103, 108, 221
прикид 27
прикинутый 27
прикол 27
приколоть 190
приколоться 103, 108
прикрыть 122, 123
приласкать 222
прилипнуть 59
примерзнуть 59
принять 103, 105, 107, 113, 219, 237, 238, 250
приобрести 130
припаять 104, 109, 110, 220, 236, 238
припомнить 225
прислушиваться 78
присоединить 122, 124, 198
присохнуть 59
пристегнуть 104, 109, 110, 220, 236
притихнуть 89
прищепка 195
пробить 154, 155, 254
пробка 189, 195
пробурить 92
прогнать 223
продать 105, 106, 108, 110, 130, 131, 135, 220
продумать 225
проиграть 131
пройти 194
проколоться 103–105, 107, 110, 207, 220
пролететь 103, 107, 110, 206, 207, 209, 210, 220
промотать 131
пронзить 122, 124
пропитать 122–123, 190, 191
пропускать/пропустить 104, 107, 113, 139–143, **144**, 149, **150**, 151, 219, 233, 237, 238
прорезать 154
просвистеть 46
просить 227
прослоить 122, 124, 190
проспиртовать 122
проступить 85
проходняк 28
прятаться 40
пустить 139
путана 27

ра(з/с)- (глагольная приставка) 141
разбежаться 103, 106, 107, 206, 221
разбирать 78
разбираться 253
разбить 152, **153**, 156, 157, 241, 247
разбомбить 224
разборка 27
развалить 224
развести 31, 104, 108, 220, 237, 238, **241–243**, 254

развод 31
развязать 240
раздавить 233
разделить 122, 125, 197, 240
раздеть 104, 108, 220, 237, 238, 239
раздробить 240, 241, 247
размазать 104, 107, 110, 219, 220, 237, 238, 239, 241, 246, 247
размышлять 41
разобраться 105, 106, 107, 207, 220
разогнать 228, 233
разойтись 58
разрезать 118, 248–249
разрубить 118
разрушить 191, 224
ранить 222
расколоть 104, 108–109, 110, 220, 237, 238, 240, **241**, 244, 247, 248, 255
раскритиковать 227
раскроить 240
раскрутить 23, 103, 107, 110, 220, 236, 238, 254, 255
распереть 122, 123, 190
расплющить 191
распорка 195
распустить 228, 232, 233
рассекать 240, 248, 249, 250, 252
рассечь 240
расслабиться 105, 107, 113, 206, 207, 219
рассматривать 78
рассмотреть 85
расти 77
расцарапать 230
расцветить 122, 124, 197
расшевелить 228, 229
расширить 122, 124
рвануть 102, 106, 110, 217, 219
рвануться 217
реквизировать 130, 136
ров 195
родить 222
роман 167
рубить 89
рыгаловка 32

сбегать 64, 68
сбежать 51, 60–65, 70, 90
сблизиться 58
с бодуна 24
сбросить(ся) 103
свалить 103, 106, 110, **216–219**
свалиться 217
сверлить 89
светить 32, 105, 107, 108, 221
светиться 105, 107, 207
свистеть 105, 108, 207, 221
свобода 235
связать 122, 125, 198
сгибать 119
сдавить 226
сдать 105, 106, 108, 110, 203, 220, 236, 238
сдаться 89
сделать 105, 107, 220, 236, 238
сдержать 87, 100
сдирать 104, 108, 220, 237, 238
сдобрить 122, 125
сесть 168
сечь 104, 107, 111, 221, 236, 240, **252**, 253
сжать 226
сжечь 89
синедрион 28
сиять 211
скандировать 225
скатать 108, 112, 220
скатерть 194
скатывать 104, 237, 238
скинуться 103
склеить 104, 105, 108, 220, 236, 238

скрепить 121, 122, 124
скрепка 195
слезть 51, 61, 64, 67
слететь 60, 61, 63, 66
слизать 104, 108, 112, 220, 237, 238
слинять 73, 89, 103, 106, 110, 161, 162, 205, 206, 207, 219
слить (*информацию*) 32
словарь 168
сломать 188
слышать 86
слышиться 86
смазать 198
смельчак 29
смола 194
смолкнуть 89
смыться 103, 106, 110, 161, 162, 207, 219
снимать 237, 238
снять 104, 105, 108, 130, 135, 220
сняться 103, 207
совок 22
согнуть 191
согреть 214–216
содрать 112
соединить 122, 124, 198
сойти 51, 60–67, 69, 72, 73, 89, 91, 93
сорваться 87
соскочить 89
сочленить 122, 124
списать 105, 107, 219, 237
сплюнуть 225
сползти 64
споткнуться 87
спрыгнуть 63, 73, 74, 89
стащить 112
стебалово 32
стена 195
стихнуть 89
сторож 143
стоять 48, 102
стража стражник 143
стрелка (*забить стрелку*) 30
строить 105, 107, 109, 136, 220, 241, 244–246
стрясти 104, 108, 220
стукнуть 158
стучать 105, 207
стягивать 119, 121
стянуть 99, 108, 112, 122, 123, 169, 190, 197, 220, 237, 238
сунуть 129
сургуч 194
схватить 169
сходить 64, 71
съехать 89
сыграть 225
сыпать(ся), 217

такси 168
тарабанить 46
тарахтеть 58
таскать 103, 108, 110, 220
тащить 102, 103
тащиться 102, 107, 111, 207, 221
теплый 47
течь 211
тискать 226
толкнуть 103, 108, 159, 160, 162
толстуха 28
тормозить 103, 106, 107, 204, 206, 207, 221, 237
торчать 102, 107, 111, 206, 207, 221
тошниловка 32
трахнуть 104, 106, 220
треснуть 69
тряпка 195
туннель 189
тусоваться 24
тусовка 17, 23

тусовочный 25
тянуть 102, 103, 108, 220
тяпнуть 104, 107, 219

у- (глагольная приставка) 13
у Х-а есть У 138
убедить 222
убежать 83, 89
убелять 125
убить 222, 224, 227, 232–235
убойный 31, 33
увенчать 124
увести 103, 108, 220
увешать 122, 124, 198
увивать 185
увить 122, 124, 190
уволить 222
угнать 205
угостить 130, 135
угощать 137
удалиться 83, 128
ударить 160
удержать 51, 87, **95**, 99, 100
удлинить 122, 125
удочерить 228
уехать 89, 93
ужалить 229, 230
ужастик 21
уйти 83, 89, 154
уколоть 230
украсить 122, 124, 125, 184, 190, 197
украсть 131, 169
укрыть 122, 123, 196
улететь 75, 83
улетный 31, 33
улыбнуться 158, 159
умастить 122, 124
умолкнуть 89
умыть 227
унавозить 122, 124
унести 169
унизать 122, 124, 197
уничтожить 89
унять 89
упасть 153, 192
упереться 87
употребить 105, 107, 219
уравновесить 122, 125
ураган 42
урегулировать 225
усеять 122, 123, 201
уснастить 122, 124
уставить 122, 124, 190
устелить 122, 123, 188, 198
усыновить 228, 229
усыпать 115, 116, 118, 122, 123, 190, 198–201
утащить 169
утереться 105, 107, 207, 220
утихнуть 89
утыкать 190
-ух(а) (суффикс) 28, 31
ушибить 230, 231
ущелье 189
ущипнуть 230, 231

фазенда 27
фанера 21, 22, 102
фиг на рыло 25
флогистон 28
фраер 23
фэн 27

Х (от *Хазбулатов*) 29
хаза 33
халява 23
халявно, халявный 23
хапнуть 103, 105, 108, 220
хвалить 227
хлестаться 104, 108, 207, 221
хлопнуть 105, 107, 113, 219
холодный 47

чайник 29
часовой 143

ЧВС (от *Черномырдин Виктор Степанович*) 29
челнок 26
чернуха 25
чесать 227
четкий 33
чрезвычайка 31

швейцар 143
шерстить 104
ширево 15, 27
ширяться 27
шить 105, 109, 110, 136, 220
шнурок 195
шмотки 23, 28
штурмовать 225
шуршать 105–106, 207, 209
шухер 23

-щик (суффикс) 31
щипать 226–227, **230**, 233, 235, 239
щит 195

эпохалка 31

ящик 34
яма 189

bake (англ.) 167
boil (англ.) 42
break (англ.) 42
capture (англ.) 168
change (англ.) 42
chorować (польск.) 255
cierpić (польск.) 255
cover (англ.) 201
de (предлог франц.) 13
give (англ.) 131
grant (англ.) 131
haben (нем.) 138
have (англ.) 138
leczić się (польск.) 255
load (англ.) 120
mieć (польск.) 138
namawiać (польск.) 255
pozwaliać (польск.) 255
send (англ.) 41
so long as (англ.) 68
take (англ.) 168 170
throw (англ.) 41
turn (англ.) 42
wake (англ.) 42

Предметный указатель

Полужирным шрифтом выделены номера страниц, на которых специально обсуждается данное понятие.

Подчеркнуты номера страниц, на которых данное понятие упомянуто в составе толкования или таблицы диатезы.

В приложениях к предметному указателю в виде четырех отдельных списков продублированы тематические классы глаголов, тематические классы участников ситуации, таксономические категории глаголов и семантические роли участников.

аббревиация 291
абстрактная сущность (тем. класс участника) 225, 228, 232–236
автономный процесс 42
Агенс (сем. роль) 37–38, 43, 81–82, 94, 95, 120, 126, 130, 136, 140–147, 151, 153, 155–156, 158, 161, 171, 208, 210, 244
аксиомы обыденной жизни 170, 180, 183
актуально-длительное значение несов. вида 39, 41, 85, 86, 115, 125, 133, 138, 148, 201
акциональность, акциональное значение 75, 125–127
алкоголь (тем. класс участника) 208, 238, 250–251
альтернация 13
антонимы 33, 58
арго (воровское тюремное) 17, 20, 30
артефакт (тем. класс участника) 194, 211, 239
аспектуальное поведение глагола 84–87
аспектуальный класс 39–40
ассерция 36, 48, 68–69, 87, 88, 90–91, 93, 94, 99, 128, 134, 148–151, 171
Бенефициант (сем. роль) 130, 132, 134
бытийные глаголы (тем. класс глагола) 55, 60, **61–64**, 65–66, 68, 70
вещество (тем. класс участника) 39, 191, 194, 195, 206–207, 232
вид глагола 44, 84–87, 115, 123–124, 129, 133–135, 140, 185, 200
вместилище (тем. класс участника) 39, 140, 142, 151, 189–191, 195–196, 208–209, 237
внезапное или неожиданное действие 169
возвратность возвратный глагол 102, 217
воздействие (тем. класс глагола) 95, 104, 106–107, 109, 118–120, 144, 146, 152, 155, 159, 162, 176, 185–187, 189–191, 194, 219, 222, 224–227, 230–231, 233, 235, 247
восприятие (тем. класс глагола) 76–81, 85–88, 96–98, 100, 107, 109, 221, 228
время: глаголы течения времени (тем. класс глагола) 55–56, 59
выбор (тем. класс глагола) 179
выпивка (тем. класс глагола) 106, 109, 112–113, 214, 219, 250–251 *см. также* алкоголь

генерализация толкования 157–158
гиперструктура семантическая 53
говорящий 20, 24–25, 34, 38–39, 44, 70, 81–83, 187, 201
группа лексико-семантическая 39, 45
давление (тем. класс глагола) 107, 109–110, 121, 220, 226–227
дательный Субъекта 188
движение: глаголы с встроенным компонентом движения (тем. класс глагола) **139–151**
движения глаголы (тем. класс глагола) 13, 39, 44–46, **51–113**, 120, 167–168, 170, 174, 176, 177, 191, 218, 227, 228, 233, 235, 248–249, 257
глаголы движения вниз (тем. класс глагола) 39, 51, **60–74**, 89–90, 92–93, 103, 111, 257
глаголы движения в сторону (тем. класс глагола) 93
глаголы движения вовне (тем. класс глагола) 89–93
каузация движения (тем. класс глагола) 228, 233
действие 31–32, 40–44, 74–75, 85, 92–95, 97–98, 101, 105–106, 109, 115–118, 120, 123–139, 148–150, 152–163, 169, 172–173, 184–186, 191–201, 212, 217, 219–225, 228, 230, 237–238, 241, 243, 247, 255, 257–258
действие с акцентом на результате 41–42, 125
действие с несобственным Объектом 43
декаузативация 103
деньги (тем. класс участника) 238–239
деформация (тем. класс глагола) 39, 46, 89, 93, 106, 191, 226
деятельность 32, **40–42**, 56, 64, 65, 67, 76, 96, 98, 100, 106, 139, 146, 152–156, 199, 228, 235, 251
диалект 17, 25
диатеза 37, 39, 86, 157, 159, 178–179, 184, 210, 244–246, 256
дополнение 119, 185, 192–193, 222, 252
еда (тем. класс участника) 44, 215–216, 232
единичный объект 241, 244, *см. также* множественный объект
единичный субъект 84, 217, *см. также* множественный субъект
естественная сила (тем. класс участника) 184, 207
жаргон 16, 17, 20, 22, 28
жест и мимика (тем. класс глагола) 158
живое существо (тем. класс участника) 39, 74, 206, 224, 235, 237
животное (тем. класс участника) 172, 181–182, 204, 207, 223–224, 230, 242
жидкость (тем. класс участника) 208, 232, 242–243
жизнь: глаголы лишения жизни (тем. класс глагола) 222, 224, 227, 232–235
За кадром (коммуник. ранг) 38, 42, 79, 80–81, 157, 178, 256
заимствования 20, 26–28, 30–31, 33, 101
Занятие (сем. роль) 65
звучание (издавание звука производство звука) 45–47, 52, 57–59, 69, 89–90, 105, 106,

113, 158, 160, 167, 206, 213–214, 235
идеальная семантическая структура 53
идиш 28, 101
изображение (тем. класс глагола) 222
импликатив 140, 147, 161
импликатура 67–68
инкорпорированный участник 38, 162, 172, 225, 250–251, 256
Инструмент (сем. роль) 37, 38, 104–105, 118, 120–121, 126, 147, 155–157, 171, 172, 179, 233–234
инструмент 213
Инструмент-Место (сем. роль) 37
инференция 97, 171
информация (тем. класс глагола) 225
источник звука (тем. класс участника) 207, 213–214, 221
источник света (тем. класс участника) 207
Источник энергии (сем. роль) 42, 125–127
Исходная точка (сем. роль) 61, 62, 67, 92, 103, 171
итеративное значение несов. вида 84
кавычки (способ выделения сленговых единиц) 20–24
калькирование кальки 27, 30, 101
категориальная ошибка 202
категориальная парадигма глагола 51, 115, **116–129**, 152
категориальный компонент 41–43
категориальный сдвиг **115–163**, 202–203, 211, 215–216, 235
Каузатор (сем. роль) 42, 152–159, 161
квазисинонимическая трансформация 117
когнитивная лингвистика 12, 35, 46
коммуникативный ранг 37, 38, 79, 82, 84, 86, 209, 210, 212, 250–256
За кадром (коммуник. ранг) 38, 42, 79, 80–81, 157, 178, 256
Периферия (коммуник. ранг) 38–39, 81–82, 84, 86, 119–120, 155–158, 162, 178, 187, 209–210, 212–213, 219, 229, 244, 245, 250–255
Центр (коммуник. ранг) 38, 72, 80, 82, 86, 120, 186–187
коммуникативный статус 36, 68, 81, 88, 128, 256
конверсив 140
Конечная точка (сем. роль) 37, 61–62, 67, 73, 90, 140, 151, 171–172, 179, 181–182
контакт (тем. класс глагола) 57–58, 103, 104, 107–108, 118, 128, 144–146, 160, 170, 176, 189, 194, 196, 200, 228, 233
Контрагент (сем. роль) 37, 40, 43, 105, 140–147, 149, 151, 162, 177–179, 183
контроль (тем. класс глагола) 171, 174, 176–177, 179–180, 200
конфликт (тем. класс глагола) 107, 220
концептуальная структура 46–47, 60, 62, 65–66, 74–75, 77, 100, 183, 257
концептуальная схема 12, 35
краска (тем. класс участника) 207
купля-продажа (тем. класс глагола) 43, 108
лагерный жаргон 16, 20
лексический класс 13, 43, 45, 48

«Лексикограф» система 117, 207
лицо (тем. класс участника) 94–95, 151, 153, 155–156, 162, 205, 209
личное пространство 81, 171, 172–176, 179, 181–182
логическая модель полисемии 53
ложь (тем. класс глагола) 110, 220–221
Локус (сем. роль) 81
люди (тем. класс участника) 241, 242, 245–246, *см. также* человек.
масса (тем. класс участника) 39, 189, 191, 207, 213, 221, 231, 237, 243, 244, 246
ментальные глаголы 13, 51, **74–87**, 88, 105–107, 109, 221, 257
мероприятие (тем. класс участника) 68, 142
Место (сем. роль) 37–38, 43, 61, 65, 68, 73, 82, 97, 119, 120, 128, 156, 192–194, 205, 208, 233
местоположение: его смена (тем. класс глагола) 66, 68, 71, 171
метафора 14, 18, 35, 47, 66, 72–73, 128, 166, **202–255**
метафора vs. метонимия 221
метафора антропоцентрическая 235
метафора поэтическая 235
метаязыковые высказывания 18, 20, **24–26**, *см. также* оценка сленга говорящими
метонимия 12, 35, 42, 47, 65, 90, 98, 124, 126–127, 185–186, 202, 212–214, 221
метонимия vs. метафора 221
мимика и жест (тем. класс глагола) 158
мифологические ассоциации 14
Мишень (сем. роль) 144, 146–147, 159
мнение (тем. класс глагола) 56, 107, 257
множественный объект 149–150, 241–244, 246, *см. также* единичный объект
множественный субъект 83–84, 213, 217–218, *см. также* единичный субъект
множество предметов (тем. класс участника) 39, 111, 213, 244, 246
модальная рамка 36
модальность 21
модель управления 12–13, 43, 59, 73, 136, 144, 167, 252–255
моментальность моментальные глаголы 43, 148, 201
Московская семантическая школа 12
мышление (тем. класс глагола) 75–76, 87, 105, 225
наблюдатель 56–57, 62–63, 70, 71, 79–81, 83–84, 90, 148, 154, 174, 193, 201, 209
награда 229
наркоманов 30, 36
термин «жаргон» vs. термин «сленг», 16–17
наука (тем. класс участника) 238–239
Начальная точка (сем. роль) 66, 71, 90, 171–172
нетривиальный семантический признак 44
неудача (тем. класс глагола) 107, 110, 149–151, 209, 220
нецензурная обсценная лексика 17–18, 29
обладание (тем. класс глагола) 13, 48, 52, 98–100, 105, 108, 115, 129–139, 149, 169–171, 173, 175, 177–178, 183, 220, 257

глаголы обладания с речевыми компонентами (тем. класс глагола) 131–139
обман (тем. класс глагола) 108–110, 220
обработка (тем. класс глагола) 46, 105, 113, 230, 235
Образ (сем. роль) 222
Обстоятельство (сем. роль) 205
обсценная нецензурная лексика 17–18, 29
Объект (сем. роль) 13, 37–40, 43, 49, 59, 76, 93, 97–98, 101–106, 112, 116–120, 128, 130, 132, 139, 140, 149–150, 153–162, 165–216, **185–194**, **221–255**
одевание (тем. класс глагола) 227
одушевленность/неодушевленность 28, 42, 226, 228
онтологический класс 39, 44
определение сленга 15–20
оценка сленга говорящим 20–26
оскорбление (тем. класс глагола) 221
остановка (тем. класс глагола) 51, 87–100
осуществление (тем. класс глагола) 225
отверстие (тем. класс участника) 188–191, 201
отделение (тем. класс глагола) 103–104, 226, 230–231
отрицание 36, 91–92, 94, 141, 147–148, 151
внутрилексемное 145, 147
отрицательный языковой материал 202
охват: глаголы полного охвата (тем. класс глагола) 39, 43, 52, 115, **116–129**, 165, **184–201**, 257
оценка (семантический компонент) 27, 29, 31, 39, 72, 200–201
оценка отрицательная 39, 200–201
оценка положительная 27, 31
оценка сленга говорящими 20–26
ощущения (тем. класс глагола) 44, 167
падеж учение Р. Якобсона 118
падежная рамка 160
параметр 57–58
параметрическое прилагательное 46–47
Пациенс (сем. роль) 37, 38, 42–43, 59, 80, 86, 93–94, 98, 156–157, 171, 178–179, 203, 207–208, 222–224, 233–234, 243, 245–246, 253
перемещение (тем. класс глагола) 47–48, 52, 54, 58–59, 61, 63, 64–65, 71, 85, 90, 96–98, 100, 103–104, 106, 109–111, 119–120, 127–132, 139, 141–147, 151, 165, 169–170, 173–175, 177–180, 191–194, 228
перемещение объекта (тем. класс глагола) 13, 49, 169, 174–175, 177–180, 183
перемещение субъекта (тем. класс глагола) 183
перемещение звука (тем. класс глагола) 45, **57–58**
Периферия (коммуник. ранг) 38–39, 81–82, 84, 86, 119–120, 155–158, 162, 178, 187, 209–210, 212–213, 219, 229, 244, 245, 250–255
перспектива 118–120, 123, 192
перфектное состояние 151
перформатив 130–131, 133, 145, 147, 149–151

Перцепт (сем. роль) 80–81, 86
пища (тем. класс участника) 44, 215–216, 232
поверхностный слой (тем. класс участника) 105, 112, 205, 237
поверхность (предмета) 188–190, 193, 205, 237
повреждение человеческого тела (тем. класс глагола) 226, 227, 230, 231, 241
показ (тем. класс глагола) 225
покой 92, 105
поле внимания говорящего 38, 187
поле зрения Наблюдателя 62, 63, 70–71, 80
поле семантическое 39, 43–45
полного охвата глаголы (тем. класс глагола) 39, 43, 52, 115, **116–129**, 165, **184–201**, 257
положение в пространстве (тем. класс глагола) 13, 48, 56–57, 102–103, 191–193, 249, 257
получение (тем. класс глагола) 169, 220, 228
помещение объекта (тем. класс глагола) 104, 106, 112–113
понимание (тем. класс глагола) 107, 109, 225
Посессор (сем. роль) 97, 131, 134, 139, 210
постулат искренности 134
потенциал глагола (семантический) **43–49**, 52–54, 59
потенциальная семантическая структура 52–59
предельная видовая пара 123
предмет (тем. класс участника) 39, 94, 140, 142, 144, 146, 170, 171, 176–183, 190, 194–195, 203–204, 206–207, 213, 221, 225–226, 229–231, 236–237, 240, 247
предстояние 43, 115, 132–135, 138, 149–151, 257
презумпция 36, 99
преобразование (тем. класс глагола) 89
преодоление (тем. класс глагола) 169, 228
препятствие (тем. класс участника) 141, 142, 249
пресуппозиция 36, 48, 81, 87, 99, 141
прибытие (тем. класс глагола) 51, 52–59, 257
примитив семантический 40–43, 130
принуждение (тем. класс глагола) 223, 227
природная сила (тем. класс участника) 126, 204, 207
присвоение (тем. класс глагола) 108, 220
продукт мышления (тем. класс участника) 207
произведение (тем. класс участника) 225, 238
происшествие **40–41**, 43, 55–57, 59, 94–95, 96–97, 115–116, 124, 128, 152–163, 200, 257–258
перцептивное происшествие 154
происшествие с действующим Субъектом 41, 43, 156–157
происшествие с Объектом 43, 155–157, 159–161
просторечие 17, 36
просторечная форма 216–218, 231, 236
пространство (тем. класс участника) 176, 249–250, *см. также* участок пространства
противодействие (тем. класс глагола) 89, 147–148, 225
процесс **40–42**, 55–57, 59, 75–76, 85, 91–92, 94, 115, 117,

123–125, 126–129, 184–185, 191, 193, 257
псевдосемантическая деривация 101–102
Путь (сем. роль) 62
разделение (тем. класс глагола) 240–255
разрушение (тем. класс глагола) 45, 224
ранг *см.* коммуникативный ранг
расположение в пространстве (тем. класс глагола) 13, 56–57, 249, 257
Результат (сем. роль) 40, 62, 63, 90, 91–92, 95, 97, 153, 155, 171, 208, 243–246
релевантный класс 138
рефлексив 217–218
речевой акт 130, 201
речь (тем. класс глагола) 39, 44, 89–90, 105, 109, 131–136, 138–139, 201, 221–223, 225–227
Роль (сем. роль) 179
свет: глаголы излучения света (тем. класс глагола) 78, 89–90, 92, 104–106, 221, 237
семантическая роль
семинаристов жаргон 28
семиотические глаголы (тем. класс глагола) 158–162
Сила (сем. роль) 95, 126, 180, 217
сила 95, 126, 180, 184, *см. также* природная сила *и* естественная сила
синонимическая трансформация 116–117, 184
синонимы 33, 66, 102, 111, 112, 184, 214, 252–253
следствие (коммуникативная помета) 36, 67–68, 88–94, 98–99, 133, 148–150, 171, 235
словообразование 13, 27–28, 31–34, 141, 257
бессуфиксальное 32
суффиксальное 28
сниженная лексика 17
собственность (тем. класс глагола) 88, 106, 108, 129–132, 138–139, 149, 177
содержание (тем. класс участника) 205, 226
создание (тем. класс глагола) 45–46, 49, 91, 105–106, 225
сооружение (тем. класс участника) 244
состояние 13, 40–42, 47, 49, 56, 90–95, 104–106, 109, 115, 117, 119, 123, 126–130, 149–151, 184–185, 191, 193, 197, 223, 228, 257
необратимое состояние 119
социальная сфера (тем. класс глагола) 56–57, 106–107, 109, 110, 220, 222–223
специализация толкования 158
Способ движения (сем. роль) 141, 94
способность 229
Средство (сем. роль) 37, 39, 43, 90, 117–121, 126–128, 155–157, 184–185, 189, 193, **194–196**, 200, 229, 232, 244–245
статив стативное значение 128–129, 149, 151, 196
ступенчатой декомпозиции метод 47–48
Субъект 37–38, 40–43, 49, 59, 61–64, 66–67, 72–74, 79–81, 83–86, 94, 97–98, 102–105, 117–120, 125–127, 130, 134, 136–137, 139–140, 143, 146–147, 152–153, 155–162, 166–168, 171–174, 177–183, 194, 196, 200–201, **204–221**, 222,

235, 240, 243, 247, 250–251, 255, 257
судебно-правовая сфера (тем. класс глагола) 108–110, 220
существование (тем. класс глагола) 49, 55, 59–61, **69–73**, 74, 88, 92, 105, 109, 222, 257
таксономическая категория глагола
текст 225
тело: глаголы повреждения человеческого тела (тем. класс глагола) 226, 227, 230, 231, 241
тематический класс участника ситуации 39, 68, 73–74, 94–95, **165–255**
тенденции развития сленга 30–34
теплокровное существо (тем. класс участника) 181–182, 184, 230
топологическая схема 46–47
транспорт (тем. класс участника) 45, 168, 197, 221, 237
транспортное средство (тем. класс участника) 39, 67, 111, 204, 206–207, 212–213
трансформационный анализ модели управления 13
трансформация 116–117, 119–121, 123, 129, 184
квазисинонимическая 117
синонимическая 116, 184
тюремно-лагерный жаргон 16, 20
увеличение (тем. класс глагола) 58–59
удаление (тем. класс глагола) 83, 89–90, 92–93
узус 24–25
уничтожение (тем. класс глагола) 89, 105–107, 109, 176, 219, 222, 224, 227, 234
управление (тем. класс глагола) 105, 109
усечение 29, 102
услуга (тем. класс участника) 178–179
участок пространства (тем. класс участника) 62, 67, 111, 171, 173, 176, 178, 182–183, 205, 207, 209, *см. также* пространство
фазовое приращение 54, 61
физиологические действия (тем. класс глагола) 98, 105–106, 109–110, 113, 220, 225
фокус фокусировка 90–91, 187
функционирование (тем. класс глагола) 60–61, **64–69**, 73–74, 88, 97, 105, 107, 187, 197, 257
характеристика (тем. класс участника) 229
Цена (сем. роль) 37, 177
ценность (тем. класс участника) 229, 238
Центр (коммуник. ранг) 38, 72, 80, 82, 86, 120, 186–187
часть предмета (тем. класс участника) 172, 175, 207, 212, 221, 226
часть тела (тем. класс участника) 39, 44, 103, 175, 204, 207, 222, 231, 233, 237–239, 241–242
человек (тем. класс участника) 39, 62, 67, 142, 146, 153, 170, 171, 172, 176–181, 203–216, 219, 221–242, 244–248, 250, 253, 258, (тем. класс участника) *см. также* люди
шутка (тем. класс глагола) 27, 221
эвфемизм 29, 101–102, 251
экзерситив 131, 133–135, 149

эмоция (тем. класс глагола) 13, 46, 56, 106–107, 109, 165, 173–174, 176, 221, 223, 228, 257
эмоция (тем. класс участника) 165, 180, 184, 207
accomplishment 42
achievements 41
activity 40
alternation 178
happening 40
image schemas 46
progressive (форма англ. глаголов) 39

Приложения

Тематические классы глаголов

бытийные глаголы 55, 60, **61–64**, 65–66, 68, 70
воздействие 95, 104, 106–107, 109, 118–120, 144, 146, 152, 155, 159, 162, 176, 185–187, 189–191, 194, 219, 222, 224–227, 230–231, 233, 235, 247
восприятие 76–81, 85–88, 96–98, 100, 107, 109, 221, 228
время: глаголы течения времени 55–56, 59
выбор 179
выпивка 106, 109, 112–113, 214, 219, 250–251
давление 107, 109–110, 121, 220, 226–227
движение: глаголы с встроенным компонентом движения **139–151**
движения глаголы 13, 39, 44–46, **51–113**, 120, 167–168, 170, 174, 176, 177, 191, 218, 227, 228, 233, 235, 248–249, 257
глаголы движения вниз 39, 51, **60–74**, 89–90, 92–93, 103, 111, 257
глаголы движения в сторону 93
глаголы движения вовне 89–93
каузация движения 228, 233
деформация 39, 46, 89, 93, 106, 191, 226
жест и мимика 158
жизнь: глаголы лишения жизни 222, 224, 227, 232–235
звучание (издавание звука производство звука) 45–47, 52, 57–59, 69, 89–90, 105, 106, 113, 158, 160, 167, 206, 213–214, 235
изображение 222
информация 225
контакт 57–58, 103, 104, 107–108, 118, 128, 144–146, 160, 170, 176, 189, 194, 196, 200, 228, 233
контроль 171, 174, 176–177, 179–180, 200
конфликт 107, 220
купля-продажа 43, 108
ложь 110, 220–221
ментальные глаголы 13, 51, **74–87**, 88, 105–107, 109, 221, 257
местоположение: его смена 66, 68, 71, 171
мимика и жест 158
мнение 56, 107, 257
мышление 75–76, 87, 105, 225
неудача 107, 110, 149–151, 209, 220
обладание 13, 48, 52, 98–100, 105, 108, 115, 129–139, 149, 169–171, 173, 175, 177–178, 183, 220, 257
глаголы обладания с речевыми компонентами 131–139
обман 108–110, 220
обработка 46, 105, 113, 230, 235
одевание 227
оскорбление 221
остановка 51, 87–100
осуществление 225
отделение 103–104, 226, 230–231
охват: глаголы полного охвата 39, 43, 52, 115, **116–129**, 165, **184–201**, 257
ощущения 44, 167
перемещение 47–48, 52, 54, 58–59, 61, 63, 64–65, 71, 85, 90,

96–98, 100, 103–104, 106, 109–111, 119–120, 127–132, 139, 141–147, 151, 165, 169–170, 173–175, 177–180, 191–194, 228
перемещение объекта 13, 49, 169, 174–175, 177–180, 183
перемещение субъекта 183
перемещение звука 45, **57–58**
повреждение человеческого тела 226, 227, 230, 231, 241
показ 225
покой 92, 105
полного охвата глаголы 39, 43, 52, 115, **116–129**, 165, **184–201**, 257
положение в пространстве 13, 48, 56–57, 102–103, 191–193, 249, 257
получение 169, 220, 228
помещение объекта 104, 106, 112–113
понимание 107, 109, 225
преобразование 89
преодоление 169, 228
прибытие 51, 52–59, 257
принуждение 223, 227
присвоение 108, 220
противодействие 89, 147–148, 225
разделение 240–255
разрушение 45, 224
расположение в пространстве 13, 56–57, 249, 257
речь 39, 44, 89–90, 105, 109, 131–136, 138–139, 201, 221–223, 225–227
свет: глаголы излучения света 78, 89–90, 92, 104–106, 221, 237
семиотические глаголы 158–162
собственность 88, 106, 108, 129–132, 138–139, 149, 177
создание 45–46, 49, 91, 105–106, 225
социальная сфера 56–57, 106–107, 109, 110, 220, 222–223
судебно-правовая сфера 108–110, 220
существование 49, 55, 59–61, **69–73**, 74, 88, 92, 105, 109, 222, 257
увеличение 58–59
удаление 83, 89–90, 92–93
уничтожение 89, 105–107, 109, 176, 219, 222, 224, 227, 234
управление 105, 109
физиологические действия 98, 105–106, 109–110, 113, 220, 225
функционирование 60–61, **64–69**, 73–74, 88, 97, 105, 107, 187, 197, 257
шутка 27, 221
эмоции 13, 46, 56, 106–107, 109, 165, 173–174, 176, 221, 223, 228, 257

Тематические классы участников ситуации

абстрактная сущность 225, 228, 232–236
алкоголь 208, 238, 250–251
артефакт 194, 211, 239
вещество 39, 191, 194, 195, 206–207, 232
вместилище 39, 140, 142, 151, 189–191, 195–196, 208–209, 237
деньги 238–239
еда 44, 215–216, 232
естественная сила 184, 207
живое существо 39, 74, 206, 224, 235, 237
животное 172, 181–182, 204, 207, 223–224, 230, 242
жидкость 208, 232, 242–243
инструмент 213
источник звука 207, 213–214, 221
источник света 207
краска 207
лицо 94–95, 151, 153, 155–156, 162, 205, 209
люди 241, 242, 245–246
масса 39, 189, 191, 207, 213, 221, 231, 237, 243, 244, 246
мероприятие 68, 142
множество предметов 39, 111, 213, 244, 246
награда 229
наука 238–239
отверстие 188–191, 201
пища 44, 215–216, 232
поверхностный слой 105, 112, 205, 237
поверхность (предмета) 188–190, 193, 205, 237
предмет 39, 94, 140, 142, 144, 146, 170, 171, 176–183, 190, 194–195, 203–204, 206–207, 213, 221, 225–226, 229–231, 236–237, 240, 247
препятствие 141, 142, 249
природная сила 126, 204, 207
продукт мышления 207
произведение 225, 238
пространство (тем. класс участника) 176, 249–250, *см. также* участок пространства
сила 95, 126, 180, 184, *см. также* природная сила *и* естественная сила
содержание 205, 226
сооружение 244
способность 229
текст 225
теплокровное существо 181–182, 184, 230
транспорт 45, 168, 197, 221, 237
транспортное средство 39, 67, 111, 204, 206–207, 212–213
услуга 178–179
участок пространства 62, 67, 111, 171, 173, 176, 178, 182–183, 205, 207, 209, *см. также* пространство
характеристика 229
ценность 229, 238
часть предмета 172, 175, 207, 212, 221, 226
часть тела 39, 44, 103, 175, 204, 207, 222, 231, 233, 237–239, 241–242
человек 39, 62, 67, 142, 146, 153, 170, 171, 172, 176–181, 203–216, 219, 221–242, 244–248, 250, 253, 258, *см. также* люди.
эмоция 165, 180, 184, 207

действие с акцентом на результате 41–42, 125
действие с несобственным Объектом 43
действие 31–32, 40–44, 74–75, 85, 92–95, 97–98, 101, 105–106, 109, 115–118, 120, 123–139, 148–150, 152–163, 169, 172–173, 184–186, 191–201, 212, 217, 219–225, 228, 230, 237–238, 241, 243, 247, 255, 257–258
деятельность 32, **40–42**, 56, 64, 65, 67, 76, 96, 98, 100, 106, 139, 146, 152–156, 199, 228, 235, 251
моментальность моментальные глаголы 43, 148, 201
происшествие **40–41**, 43, 55–57, 59, 94–95, 96–97, 115–116, 124, 128, 152–163, 200, 257–258
перцептивное происшествие 154
происшествие с действующим Субъектом 41, 43, 156–157
происшествие с Объектом 43, 155–157, 159–161
процесс **40–42**, 55–57, 59, 75–76, 85, 91–92, 94, 115, 117, 123–125, 126–129, 184–185, 191, 193, 257
состояние 13, 40–42, 47, 49, 56, 90–95, 104–106, 109, 115, 117, 119, 123, 126–130, 149–151, 184–185, 191, 193, 197, 223, 228, 257
необратимое состояние 119

Семантические роли

Агенс 37–38, 43, 81–82, 94, 95, 120, 126, 130, 136, 140–147, 151, 153, 155–156, 158, 161, 171, 208, 210, 244
Бенефициант 130, 132, 134
Занятие 65
Инструмент 37, 38, 104–105, 118, 120–121, 126, 147, 155–157, 171, 172, 179, 233–234
Инструмент-Место 37
Источник энергии 42, 125–127
Исходная точка 61, 62, 67, 92, 103, 171
Каузатор 42, 152–159, 161
Конечная точка 37, 61–62, 67, 73, 90, 140, 151, 171–172, 179, 181–182
Контрагент 37, 40, 43, 105, 140–147, 149, 151, 162, 177–179, 183
Локус 81
Место 37–38, 43, 61, 65, 68, 73, 82, 97, 119, 120, 128, 156, 192–194, 205, 208, 233
Мишень 144, 146–147, 159
Начальная точка 66, 71, 90, 171–172
Образ 222
Обстоятельство 205
Объект 13, 37–40, 43, 49, 59, 76, 93, 97–98, 101–106, 112, 116–120, 128, 130, 132, 139, 140, 149–150, 153–162, 165–216, **185–194**, **221–255**
Пациенс 37, 38, 42–43, 59, 80, 86, 93–94, 98, 156–157, 171, 178–179, 203, 207–208, 222–224, 233–234, 243, 245–246, 253
Перцепт 80–81, 86
Посессор 97, 131, 134, 139, 210
Путь 62
Результат 40, 62, 63, 90, 91–92, 95, 97, 153, 155, 171, 208, 243–246
Роль 179
Сила 95, 126, 180, 217
Способ движения 141, 94
Средство 37, 39, 43, 90, 117–121, 126–128, 155–157, 184–185, 189, 193, **194–196**, 200, 229, 232, 244–245
Субъект 37–38, 40–43, 49, 59, 61–64, 66–67, 72–74, 79–81, 83–86, 94, 97–98, 102–105, 117–120, 125–127, 130, 134, 136–137, 139–140, 143, 146–147, 152–153, 155–162, 166–168, 171–174, 177–183, 194, 196, 200–201, **204–221**, 222, 235, 240, 243, 247, 250–251, 255, 257
Цена 37, 177

Указатель имен

Апресян Ю.Д. 12, 17, 39, 44, 48, 54, 66, 81, 82, 84, 97, 116, 117, 120, 133, 136, 168, 173, 196, 202, 215, 223
Арутюнова Н.Д. 202, 203
Аткинс С. 13, 87, 160, 167
Ахманова О.С. 44
Бабаева Е.Э. 12, 53
Балдаев Д.С. 16
Бахтин М.М. 18
Беликов В.И. 17
Белко В.К. 16, 255
Богуславский А. 40, 130
Бонно Кр. 13
Бругман К.М. 13, 35
Булыгина Т.В. 44, 76, 123, 134–135
Вежбицка А. 36, 40, 41, 118, 138, 188, 192
Вендлер З. 39, 43
Виноградов В.В. 12, 24, 192
Винокур Г.О. 24
Гаврилова В.И. 116
Гак В.Г. 44
Гальперин И.Р. 17
Гловинская М.Я. 35, 116, 135, 140, 149, 151
Грайс П. 134
Джонсон М. 46
Дорнзайф Ф. 44
Елистратов В.С. 254, 255
Ермакова О.П. 26
Жолковский А.К. 189
Зализняк Анна А. 12, 13
Зарон З. 131
Земская Е.А. 15, 26, 28, 29, 35, 36, 219, 239, 250, 252
Исупов И.М. 16
Капанадзе Л.А. 35
Карттунен А. 36, 140
Катречко О. 255
Китайгородская М.В. 35, 219, 239, 250, 252
Кнорина Л.В. 167
Князев Ю.П. 153
Кобозева И.М. 75
Копорская Е.С. 53
Красильникова Е.В. 35
Красильщик И.С. 196
Крейдлин Г.Е. 159
Крысин Л.П. 17
Кузнецов А.М. 45
Кузнецова Э.В. 48
Кустова Г.И. 12, 68, 138, 167, 207, 222, 226
Кюльоли А. 35
Лаков Г. 13
Левин Б. 13, 48
Левин Ю.И. 18, 178
Малина З.М. 189
Маслов Ю.С. 84, 85
Мельчук И.А. 39, 42, 116
Миньоранс Л. 48
Муравенко Е.В. 142
Недялков В.П. 119
Ожегов С.И. 24, 103
Остин Дж. 131
Падучева Е.В. 12, 35, 37, 44, 46, 47, 58, 68, 71, 77, 79–82, 87, 95, 97, 116, 129, 131, 134, 142, 145, 148–149, 151–152, 156, 158, 162, 170, 179, 199, 202, 207, 212, 227, 238
Пайар Д. 13, 35
Панов М.В. 35
Пешковский А.М. 192
Пустейовский Дж. 13, 167, 222
Раппапорт-Ховав М. 13, 94, 156
Рахилина Е.В. 46, 167, 168, 196, 207
Роже П. 44
Розанова Н.Н. 35

Рудерман М. 255
Серль Дж. 73
Скорик П.Я. 250
Смирницкий А.И. 43
Талми Л. 13
Трауготт Э. 68
Урысон Е.В. 12, 53, 57, 75, 97, 168, 174
Ушаков Д.Н. 12
Фабер П. 48, 102
Фасмер М. 77
Фельдман Н.И. 21
Филипенко М.В. 35
Филлмор Ч. 37, 42, 116, 118, 120, 126, 155
Холодович А.А. 39
Ченки А. 46
Чурилова Н.Н. 255
Шатуновский И.Б. 70
Шварцкопф Б.С. 21, 24
Шведова Н.Ю. 45, 103
Ширяев Е.Н. 219, 239, 250, 252
Шмелев А.Д. 76
Шмелев Д.Н. 12, 35, 44, 45
Щерба Л.В. 12, 202
Якобсон Р. 118, 192
Янда Л. 13
Янко-Триницкая Н.А. 217
Яхонтов С.Е. 119

Atkins S. 13, 87, 160, 167
Bogusiawski A. 40, 130
Brugman C. M. 13, 35
Butler C. S. 170
Dornseiff F. 44
Faber P. 48, 102, 206
Fernandez E. 169
Fillmore Ch. 37, 42, 116, 118, 120, 126, 155
Flexner S. B. 16
Jackendoff R. 13, 169
Janda L. 13
Karttunen A. 36, 140
Kegl J. 13, 87, 160, 167
Lakoff G. 13, 35
Lenartowicz B. 139
Levin B. 13, 48, 39, 84, 87, 156, 160, 167
Mairal Uson R. 102, 206
Mignorance L. 48
Pustejovski J. 13, 167, 222
Rappaport Hovav M. 13, 84, 94, 156
Roget P. 44
Sanchez E. F. 13
Talmy L. 13
Wentworth H. 16
Wierzbicka A. 36, 40, 41, 118, 138, 188, 192
Zaron Z. 131

Список сокращений

Булг. – Булгаков
згл. – заголовок
Изв. – Известия
инкорп. – инкорпорированный
корп.– Уппсальский корпус
КП – Комсомольская правда
МАС – Малый академический словарь русского языка (Словарь русского языка в четырех томах). Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Русский язык, 1981)
Маяк. – Маяковский
МК – Московский комсомолец
МН – Момент наблюдения
Нврз – невыразимый
НГ – Независимая газета
Нов. Изв. – Новые Известия
Сев.-зап. округ – Северо-западный округ
Сег. – Сегодня
Стол. – Столица
Струг. – Стругацкие
Частн. собств. – Частная собственность

Литература

Апресян 1967. – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Апресян 1986. – Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия ОЛЯ, М., 1986, т. 45, № 3.

Апресян 1987. – Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь. М., 1987.

Апресян 1990. – Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.

Апресян 1995а. – Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1995б. – Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1995в. – Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1995г. – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. М., 1995.

Апресян 1995д. – Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1995е. – Апресян Ю.Д. Синтаксическая обусловленность значений // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1995ж. – Апресян Ю.Д. Типы информации для словаря синонимов // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 1997. – Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып.1. М., 1997.

Апресян 1999. – Апресян Ю.Д. Отечественная теорети-

ческая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка, М., 1999, т. 58, № 4.

Апресян 2000. – Апресян Ю.Д. , Богуславская О.Ю., Крылова Т.В. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000.

Арутюнова 1979.– Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Арутюнова 1990а. –Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Арутюнова 1990б. – Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.

Ахманова 1969. – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Балдаев и др. 1992. – Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. 1992 – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

Бахтин 1990. – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд. 2-е. М.: Художественная литература, 1990.

Беликов, Крысин 2001. – Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001.

Бельчиков 2005. – Бельчиков Ю.А. Проблема выбора слова в речевой практике современных СМИ (90-е годы XX-го века) // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа. М., 2005.

Булыгина 1980. – Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Булыгина 1982. – Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Булыгина, Шмелев 1997. – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Быков 1994. – Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения // Русистика, Берлин, 1994, № 1/2.

Виноградов 1964. – Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания, М., 1964, № 3.

Виноградов 1986. – Виноградов В.В. Русский язык. Изд. 3-е. М., 1986.

Винокур 1929. – Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929.

Всеволодова, Мадаени 1998. – Всеволодова М.В., Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М., 1998.

Гаврилова 1973. – Гаврилова В.И. Особенности активных и пассивных конструкций в абстрактно-логических контекстах // НТИ. Сер. 2. М., 1973, № 12.

Гак 1977. – Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Просвещение, 1977.

Гак 1998. – Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Гальперин 1956. – Гальперин И.Р. О термине «слэнг» // Вопросы языкознания, М., 1956, № 4.

Гловинская 1982. – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений глагола. М., 1982.

Елистратов 1994. – Елистратов В.С. Словарь московского арго. М.: Русские словари, 1994.

Ермакова, Земская, Розина 1999. – Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999.

Жолковский 1978. – Жолковский А.К. О трех важных принципах семиотического описания // Семиотика и информатика. М., 1978.

Зализняк 1992. – Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

Зализняк 2001. – Зализняк Анна А. Семантическая деривация в значении русской приставки У- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001 (Московский лингвистический журнал. Т.5, № 1).

Земская 1992. – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Земская 1999. – Земская Е.А. Словообразование // Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М, 1999.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981. – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Земская, Розина 1994. – Земская Е.А., Розина Р.И. О словаре современного русского жаргона: принципы составления и образцы словарных статей // Russistik / Русистика, Berlin, 1994, № 1/2.

Золотова 1998. – Золотова Г. А., Онипенко Н.К., Сидо-

рова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Под общей ред. Г.А. Золотовой. М., 1998.

Карттунен 1985. – Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Кнорина 1996. – Кнорина Л.В. Классификация лексики и словарные дефиниции // Кнорина Л.В. Грамматика, семантика, стилистика. М., 1996.

Князев 2003. – Князев Ю.П. Порядок и контроль: способы понижения агентивности в русском языке // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.

Кобозева 1993. – Кобозева И.М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Копорская 1996. – Копорская Е.С. Архетип глаголов движения // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Красильщик, Рахилина 1992. – Красильщик И.С., Рахилина Е.В. Предметные имена в системе «Лексикограф» // НТИ. Сер. 2. М., 1992, № 9.

Крейдлин 1999. – Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Образ человека в языке. М., 1999.

Кронгауз 1998. – Кронгауз М.А. Приставки и глаголы. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Крысин 1994. – Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Russistik / Русистика, Берлин, 1994, № 1/2.

Кузнецов 1999. – Кузнецов А.М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999.

Кустова 1990. – Кустова Г.И. Семантико-синтаксический анализ рефлективных предикатов (на материале слов со значением несоответствия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Кустова 1995. – Кустова Г.И. Импликативный потенциал значения и семантическая производность // Кустова Г.И. Модели семантической деривации: семантическая парадигма глаголов способа // Труды международного семинара «Диалог'95» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.

Кустова 1997. – Кустова Г.И. Модели семантической деривации: семантическая парадигма глаголов способа // Труды международного семинара «Диалог'97» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1997.

Кустова 1998. – Кустова Г.И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

Кустова 2000. – Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, М., 2000, № 4.

Кустова, Падучева 1994а. – Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Кустова, Падучева, 1994б. – Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, М., 1994, № 4.

Кустова Г.И., Падучева Е.В., Рахилина Е.В., Розина Р.И и др. Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе лексикограф // НТИ. Сер.2. М., 1993, № 11.

Ларин 1977а. – Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Ларин 1977б. – Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Левин 1998. – Левин Ю.И. Об обсценных выражениях русского языка // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Лексико-семантические группы русских глаголов. Учебный словарь-справочник. Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988.

Лихачев 1935. – Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. СПб; М., 1935 (перепечатано в Балдаев и др., 1992).

Малина 1991. – Малина З.М. Словарная статья существительного ПРОБКА // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.

Маслов 1948. – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1948, т.7, вып.4.

Мельчук 1974. – Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Л., 1974.

Мельчук, Жолковский 1984. – Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь. Вена, 1984.

Мельчук, Холодович 1970. – Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. М., 1970.

Мокиенко 1994. – Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Russistik / Русистика, Берлин, 1994, № 1/2.

Мокиенко 2000. – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб, 2000.

Муравенко 1998. – Муравенко Е.В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

НБАРС 1993. – Большой англо-русский словарь. Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993.

Недялков, Яхонтов 1983. – Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций. Гл. 1. // Типология результативных конструкций. Л., 1983.

Обнорский 1953. – Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Ожегов 1962. – Ожегов С.И. Лексика // Русский язык и советское общество (проспект). Алма-Ата, 1962.

Ожегов, Шведова 1992. – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992.

Падучева 1974. – Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

Падучева 1989. – Падучева Е.В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2. М., 1989, № 12.

Падучева 1992. – Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Падучева 1993. – Падучева Е.В. Таксономические категории глаголов imperfectiva tantum в русском языке // НТИ. Сер. 2. М., 1993, № 2.

Падучева 1994. – Падучева Е.В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // Russian Linguistics, Dordrecht; Boston; London, 1994, vol. 18.

Падучева 1995. Падучева Е.В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995.

Падучева 1996. – Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Падучева 1997а. – Падучева Е.В. Родительный Субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика // Вопросы языкознания, 1997, № 2.

Падучева 1997б. – Падучева Е.В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации. // НТИ. Сер. 2. М., 1997, № 1.

Падучева 1998а. – Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения, 22–24 февраля 1998 г. М.: Институт русского языка, 1998.

Падучева 1998б. – Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания, 1998, № 5.

Падучева 1998в. – Падучева Е.В. ПОЯВИТЬСЯ и ПОКАЗАТЬСЯ: о наблюдателе и его коммуникативном ранге // НТИ. Сер. 2. 1998, № 12.

Падучева 1998г. – Падучева Е.В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

Падучева 1998д. – Падучева Е.В. Тематическое выделение на уровне семантики и синтаксиса // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

Падучева 1999а. – Падучева Е.В. Лексика поэзии и поэзия лексики // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999.

Падучева 1999б. – Падучева Е.В. Метафорические и метонимические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // Теория и типология языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.А. Кибрика. М., 1999.

Падучева 1999в. – Падучева Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания, 1999, № 5.

Падучева 1999г. – Падучева Е.В. Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексемы // НТИ. Сер. 2. М., 1999, № 8.

Падучева 1999д. – Падучева Е.В. Семантика глаголов выбора // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999, т. 58, № 5–6.

Падучева 2000. – Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.

Падучева 2001. – Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 2001, № 4.

Падучева 2002. – Падучева Е.В. Диатеза и диатетический сдвиг // Russian linguistics, Dordrecht; Boston; London, vol. 26, № 2, 2002.

Падучева, Розина 1993. – Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания, 1993, № 5–6.

Панов 1966. – Панов М.В. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка, М., 1966.

Пешковский 1914. – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914.

Покровский 1896. – Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1896.

Потапов 1927. – Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927 (1990).

Рахилина 1991. – Рахилина Е.В. *Словарная* статья существительного ЗАБОР // Семиотика и информатика. Вып. 132. М., 1991.

Рахилина 1998. – Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

Рахилина 2000а. – Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

Рахилина 2000б. – Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка, М., 2000, т. 59, № 3.

Розина 1978. – Розина Р.И. Социальная маркированность слова в современном английском языке (на материале американского сленга XX-го века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1978.

Розина 1988. – Розина Р.И. Отношения общего-частного в языке: метод диагностики и сфера действия // Словарные категории. М., 1988.

Розина 2004. – Розина Р.И. Глаголы с Объектом ЧЕЛОВЕК // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.

Русская разговорная речь 1973. – Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.

Русская разговорная речь 1978. – Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978.

Селищев 1928 – Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). М., 1928 (переиздание в: Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. М., 2003).

Серль 1990. – Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.

Скляревская 1998. – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Под ред. Г.В. Скляревской. Санкт-Петербург: Фолио–Пресс, 1998.

Скорик 1990. – Скорик П.Я. Инкорпорация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Толстая 1996. – Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале. Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Топоров 1996. – Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Урысон 1995. – Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания, М., 1995, № 3.

Урысон 1997а. – Урысон Е.В. Архаичные представления в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... докт. филол. наук М., 1997.

Урысон 1997б. – Урысон Е.В. МЫСЛЬ, ИДЕЯ // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып.1. М., 1997.

Урысон 1998. – Урысон Е.В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

Урысон 2003. – Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Ушаков 1940. – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1940.

Фельдман 1957. – Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания, М., 1957, № 4.

Филипенко 2000. – Филипенко М.В Проблема описания предлогов в современных лингвистиеских теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000.

Филлмор 1981а. – Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в лингвистике. Вып. X. М., 1981.

Филлмор 1981б. – Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в лингвистике. Вып. X. М., 1981.

Ченки 1997. – Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американ-

ской лингвистики. Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М., 1997.

Чернышов 1915. – Чернышов В. Правильность и чистота русской речи. Вып. 2. СПб, 1915.

Чурилова 1974. – Чурилова Н.Н. Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением // Синтаксис и норма. М.: 1974.

Шатуновский 1996. – Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.

Шварцкопф 1970. – Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно–групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970.

Шмелев 1973. – Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Щерба 1915. – Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т.1. СПб., 1915.

Щерба 1974. – Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Юганов, Юганова 1994. – Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60-х – 90-х годов. Опыт словаря. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Якобсон 1985. – Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Янко-Триницкая 1962. – Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.:, 1962.

Apresjan 1992. – Apresjan Yu. Systemic lexicography // Euralex-92. Helsinki, 1992.

Atkins, Fillmore 2000. – Atkins S., Fillmore Ch. Describing polysemy: the case of *crawl* // Polysemy: Linguistic and computational approaches. Ed. By Y. Ravin and C. Leacock. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Atkins, Kegl, Levin 1988. – Atkins B.T. Kegl J., Levin B. Anatomy of a verb entry: From linguistic theory to lexicographic practice // International journal of lexicography, 1988, № 1.

Atkins, Levin, Song 1997. – Making sense of corpus data: A case study of verbs of sound // International journal of corpus linguistics, 1997, vol. 2, № 1.

Austin 1962. – Austin J. How to do things with words. Cambridge (Mass.), 1962.

Bogusławski 1994. – Bogusławski A. Semantic primes for agentive relations // Sprawy słowa. Warszawa, 1994.

Brugman, Lakoff 1988. – Brugman C.M., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (Ca), 1988.

Butler 1999. – Butler C.S. A matter of GIVE and TAKE: Corpus linguistics and predicate frame // Revista Canaria de Estudios Ingleses, 1999, vol. 42.

Collins 1987. – Collins Cobuild English Language Dictionary. London; Glasgow: Collins, 1987.

Dornseiff 1959. – Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1959.

Eble 1996. – Eble C. Slang and sociability. Chapel Hill; London: Unversity of North Carolina Press, 1996.

Faber 1994. – Faber P. The semantic architecture of the lexicon // Symposium on lexicography YI. Tübingen, 1994.

Faber 1998. – Faber P. Translation competence and language awareness // Language awareness, 1998, vol.7, № 1.

Faber, Mairal Uson 1994. – Faber P., Mairal Uson R. Methodological underpinnings for the construction of a Functional Lexicological model // Miscellanea: Journal of English and American studies, 1994, vol. 15.

Fernandez 1998. – Fernandez E. Cognitive abilities from a Functional-Lexematic perspective // The structure of lexicon in Functional Grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1998.

Fillmore 1968. – Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory, N.Y. etc., 1968.

Jackendoff 1983. – Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1983.

Jackendoff 1992. – Jackendoff R. Languages of the mind; Essays on mental representation. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1992.

Janda 1986. – Janda L. Semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do-, and ot- // München, 1986. (Slavistische Beiträge. Bd. 192)

Karttunen 1971. – Karttunen A. Implicative verbs // Language, Baltimore, 1971. № 47.

Lenartowicz 1984. – Lenartowicz B. Case forms as exponents of possession in English and Polish // Neofilologika, Katowice, 1984, t. 4 (Prace naukowe Uniwersitetu sląskiego w Katowicach, № 618).

Levin 1993. – Levin B. English verb classes and alternations: A preliminary investigation. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1993.

Levin, Rappaport Hovav 1991. – Levin B., Rappaport Hovav M. Wiping the slate clean: A lexical semantic exploration // Cognition, 1991, vol. 41.

Levin, Rappaport Hovav 1998. – Levin B., Rappaport Hovav M. Lexical semantics and syntactic structures // Handbook of contemporary semantic theory. Oxford, 1998.

Levinson 1983. – Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

Mel'čuk 1988. – Mel'chuk I. Semantic description of lexical units in an explanatory combinatorial dictionary: Basic principles and heuristic criteria // International journal of lexicography, 1988, № 1.

Pustejovsky 1998. – Pustejovsky J. The generative lexicon. Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 1998.

Roget 1952. – Roget P. M. Everyman's thesaurus of English words and phrases. London; New York, 1952.

Sanchez 1998. – Sanchez E.F. Cognitive abilities from a functional-lexematic perspective // The structure of lexicon in Functional Grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1998.

Stern 1931. – Stern G. Meaning and change of meaning. Göteborg, 1931.

Talmy 1996. – Talmy L. How language structures space // Spa-tial orientation: theory, research and application. Massachusets, 1996.

Wentworth, Flexner 1975. – Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American slang. Ed. By Th. Crowell. N.Y. 1975.

Wierzbicka 1979. – Wierzbicka A. Dozcekania semantyczne, Wrocław, 1979.

Wierzbicka 1980a. – Wierzbicka A. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.

Wierzbicka 1980b. Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney, 1980.

Wierzbicka 1988. – Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

Vendler 1967. – Vendler Z. Linguistics and philosophy. Ithaca; New York, 1967.

Zaron 1972. – Zaron Z. «Kupić», «sprzedać», «zarobić», «ukraść» (niektore słowa z elementem «mieć» // Semantyka a słownik, Wrocław e.a., 1972.

Научное издание

Розина Раиса Иосифовна

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ: ГЛАГОЛ

Редактор *И.В. Нечаева*
Составление указателей – *А.В. Санников*
Подготовка оригинал-макета – *П.Н. Колкунова*

ООО Издательский центр «Азбуковник».
119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр.2.

ISBN 598455016-4

Подписано в печать 04.10.2005.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Peterburg.
Усл.-печ. л. 19. Тираж 1000.
Заказ № 931.

ГУП «Московская типография №2»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

Р.И. Розина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА

ГЛАГОЛ

Р. И. Розина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ